

ПЕРВОБЫТНЫЙ ТУРКМЕНИСТАН

Ашхабад • 1976

ТУРКМЕНИСТАН ССР ҒЫЛЫМЛАР АКАДЕМИЯСЫ
Ш. БАТЫРОВ АДЫНДАҚЫ ТАРЫХ ИНСТИТУТЫ

ГАДЫМЫ ТУРКМЕНИСТАН

Ғылым редакторлар:
тарых ғылымларының докторы *В. М. Массон* ве тарых
ғылымларының кандидаты *Е. Атагарриев*

«ҒЫЛЫМ» НЕШИРЯТЫ
АШГАБАТ ● 1976

АКАДЕМИЯ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ИМ. Ш. БАТЫРОВА

ПЕРВОБЫТНЫЙ ТУРКМЕНИСТАН

Научные редакторы:
доктор исторических наук *В. М. Массон*,
кандидат исторических наук *Е. Атагарриев*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЫЛЫМ»
АШХАБАД ● 1976

П26 **Первобытный Туркменистан. (Сборник статей).**
Под ред. В. М. Массона, Е. Атагаррыева. Ашха-
бад, «Ылым», 1976.

154 с.

Монография написана на основании новых археологи-
ческих материалов и посвящена памятникам эпох мезолита
и до поздней бронзы. Каждая из глав характеризует хозяй-
ство и культуру древнейшего населения Южного Туркменис-
тана. В последовательности освещаются стратиграфия, архи-
тектура, домашнее производство первобытных племен.

Работа представляет интерес для специалистов, а также
массового читателя.

П $\frac{160\ 300\ 0000-479}{M\ 561(30)-76}$ 34-76

902.6

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эпоха первобытнообщинного строя была важнейшим периодом в истории культуры, когда зарождался и формировался целый ряд ее характерных черт и особенностей. Об этом особенно ярко свидетельствуют материалы, добываемые археологами. Развитие и совершенствование орудий труда, составлявших одни из решающих стимулов исторического процесса, зарождение и прогресс архитектуры, подъем духовной культуры, нашедшей свое воплощение в вещественных памятниках,—все эти явления достаточно полно освещаются археологией. При этом археологические материалы, полученные при изучении памятников Туркменской ССР, имеют особое значение благодаря своей массовости и выразительности. Можно без преувеличения сказать, что Туркменистан является одной из важнейших лабораторий, где советские историки имеют возможность изучать культуру доклассового общества. Многие из добытых здесь материалов полностью опубликованы и широко используются специалистами как у нас, так и за рубежом. Соответствующим публикациям посвящены такие издания, как «Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции», том 7 (1956) и том 10 (1960), «Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТССР», том 2 (1956) и том 5 (1959), четыре выпуска в серии «Свод археологических источников» и ряд специальных монографий. Вместе с тем материалы весьма обширных коллекций, имеющие первостепенное научное значение, остаются до настоящего времени неизданными. Таковы материалы из целого ряда памятников времени Анау I-A, этого «темного периода» южнотуркменистанского энеолита, из серахского поселения времени Намазга III, замечательна коллекция из раскопок Ак-деле, под Ашхабадом, обширейшие серии предметов поры развития бронзы из раскопок Намазга-депе и Шор-депе. Степень и научная документированность их различна, но значимость как объектов материальной культуры бесспорна. Поэтому при разработке в Институте истории АН ТССР темы «Материальная культура Туркменистана» было решено уделить особое внимание введению в оборот этих важнейших материалов. Отражением этих усилий является настоящее изда-

ние, цель которого—показать общий процесс развития культуры первобытного Туркменистана, иллюстрируя его в первую очередь новыми, еще не изданными материалами. Этим обусловлено и то обстоятельство, что именно впервые публикуемые коллекции освещены несколько более подробно, тогда как в отношении широко известных памятников и комплексов авторы ограничивались их самой общей характеристикой, отсылая читателя к уже опубликованным материалам. При построении очерков сквозного хронологического охвата выявились пробелы, связанные с различной степенью изученности тех или иных периодов и регионов.

Особенно это заметно в отношении палеолита, изучение которого в республике за последние годы практически приостановилось. Мало исследованы памятники первобытной эпохи в северных и восточных районах республики. Следует надеяться, что в дальнейшем эти недочеты будут учтены и «белые пятна» ликвидированы. В составлении настоящих очерков принимал участие коллектив ученых Москвы, Ленинграда и Ашхабада. Следует отметить активную полевою деятельность А. Ф. Ганялина, Д. Дурдыева и А. А. Марущенко, чьими усилиями добыта значительная часть публикуемого материала. Неизменную поддержку оказывал авторам академик А. Каррыев. Ценные советы были получены от С. С. Черникова. Всем им авторы выражают свою искреннюю признательность и благодарность.

В. М. Массон

Г. Ф. КОРОБКОВА

ТУРКМЕНИЯ В ЭПОХУ МЕЗОЛИТА

Изучение эпохи мезолита на территории Средней Азии началось сравнительно недавно. В настоящее время здесь известны пещерные мезолитические комплексы и открытые местонахождения. Однако следует отметить, что комплексы эти пока еще малочисленны и недостаточно изучены, что уже создает определенные трудности при решении ряда проблемных вопросов. В этом отношении сравнительно лучше исследованы мезолитические памятники Восточного Прикаспия, расположенные на территории Туркменской ССР. Они представлены пещерными комплексами Дам-Дам-Чешме I и II, Кайлю (Окладников, 1951), нижними слоями Джебела (Окладников, 1956) и стоянками открытого типа с подъемным инвентарем — Каскыр-Булак (Борисковский, 1947), Карайлем, Сенгразджи I, Ходжа-Су I (Коробкова, Крижевская, Мандельштам, 1968) и др. Большую роль в деле изучения прикаспийского мезолита сыграли работы А. П. Окладникова, П. И. Борисковского, А. А. Марущенко и в последние годы — Г. Е. Маркова.

К сожалению, многие мезолитические комплексы Восточного Прикаспия представлены подъемным материалом. Последнее обстоятельство создает большие трудности при решении таких проблемных вопросов, как вопрос культурной принадлежности того или иного памятника, хронологии, локальных вариантов и т. д. (Коробкова, 1968). Тем не менее, при наличии пещерных комплексов или комплексов с четко выраженным культурным слоем, содержащим находки мезолитического времени, можно как-то увязать разрозненные подъемные местонахождения с хорошо стратифицированными и датированными памятниками и определить их место в мезолите Средней Азии. В то же время игнорировать подъемные материалы совершенно невозможно, поскольку только они порой являются единственными объектами, характеризующими мезолитическую эпоху на данной территории. Хотя прикаспийские материалы и незначительны, тем не менее они позволяют ставить вопрос о сложности и разнообразии путей станов-

ления и развития мезолитических культур Средней Азии. Изучение кремневого инвентаря прикаспийских памятников и сравнение его с индустрией мезолитических комплексов Ближнего Востока позволяют выделить в Восточном Прикаспии две группы памятников, соответствующие, по-видимому, двум локальным вариантам мезолита.

С одной стороны, это комплексы типа IV «низ»—VII слоев Дам-Дам-Чешме II (Марков, 1966), Каскыр-Булака и Джебела. С другой стороны, памятники типа нижних слоев Кайлю, Дам-Дам-Чешме I (Окладников, 1956), IV слоя «верх»—Дам-Дам-Чешме II (Марков, 1966), Ходжа-Су I, Карилем и Сенграаджи I.

Индустрия первой группы памятников характеризуется грубой пластинчатой техникой с незначительными элементами микролитонности. Здесь встречаются крупные высокие симметричные и слегка асимметричные трапеции с прямым или выпукло-вогнутым верхним лезвием и высокие треугольники, приближающиеся по своим очертаниям к равнобедренной форме. Все геометрические микролиты этой группы отличаются высокими пропорциями, более правильными симметричными очертаниями, заготовками. Основными заготовками для них являлись поперечные отрезки (или сечения) крупных призматических пластин с неровными продольными краями. Высота трапеций и треугольников 1—1,5 см, длина оснований 1,9—3,1 см. Сегменты отсутствуют. Элементы микролитической техники здесь незначительны. Для орудий использовались главным образом пластины крупных и средних размеров шириной 1,2—3,7 см и массивные отщепы. Большая часть скребков представлена концевыми формами и изготовлена из обломков пластин, как правило, не обработанных в месте излома, и реже — из массивных отщепов округлых и неправильных очертаний. Нуклеусы имеют дисковидную и грубую призматическую форму, в редких случаях укороченную конусовидную. Характерны и особые приемы ретуширования орудий. Ретушь занозистая, глубокая наносилась экономно, лишь непосредственно на рабочие участки. Первое место среди орудий занимают скребки, затем скобели, ножи и проколки. Резцы не встречаются.

Учитывая значительное сходство этой группы прикаспийского мезолита с позднепалеолитическим комплексом девятого слоя Дам-Дам-Чешме II (единство техники обработки камня, наличие идентичных типов и нуклеусов, крупных скребков на широких пластинах, нуклевидных скребков и микроскребков, пластин с выемками, приемов ретуширования орудий, незначительное число микропластин), можно говорить о том, что мезолитические комплексы типа IV «низ» — VII слоев Дам-Дам-Чешме II генетически связаны

с материалами нижележащего слоя и появились на базе последнего. Это дает право рассматривать появление комплексов типа IV «низ» — VII слоев Дам-Дам-Чешме II на местной позднепалеолитической основе. Индустрия первой группы памятников, генетически восходящая к местному верхнепалеолитическому комплексу типа IX слоя Дам-Дам-Чешме II, имеет некоторые черты сходства с инвентарем нижних горизонтов Гари-Камарбанда и Хоту, что справедливо отмечали еще А. П. Окладников и Г. Е. Марков. На это сходство указывают высокие пропорции геометрических микролитов, частичная отделка рабочих участков ретушью, изготовление концевых скребков на обломках широких пластин, скребки на массивных отщепах с высоким рабочим краем, заготовки орудий неправильных очертаний, незначительное число микропластин. Но в целом индустрия описываемой группы памятников, обладая определенными особенностями, представляет собой самобытное явление. Форма и отделка прикаспийских трапеций не находят прямых аналогий в памятниках Ближнего Востока. И, наоборот, в Прикаспии нет пластин с симметричными выемками у основания, какие встречаются в Гари-Камарбанде. Отличается и техника ретуширования орудий. Так, в Гари-Камарбанде ретушь более мелкая однообразная и использовалась в весьма редких случаях. Таким образом, на основании вышеизложенного можно предполагать, что эта группа мезолитических памятников возникла на местной верхнепалеолитической основе и, по-видимому, представляет местную, условно назовем ее прикаспийскую или прибалханскую, культуру.

Индустрия второй группы памятников также характеризуется пластинчатой техникой, но в отличие от вышеописанного комплекса обладает большими микролитическими чертами и иным характером заготовок. В качестве последних использовались крупные удлиненных пропорций пластины, микропластины с притупленным краем и скошенным концом, а также геометрические микролисты в виде низких приземистых удлиненных пропорций сегментов и асимметричных вытянутых треугольников, отделанных крутой затупливающей ретушью (ширина их 0,5—1,2 см, длина оснований 2,5—3,9 см).

Трапеции единичны и отличаются либо сильно вогнутыми боковыми краями, либо низкими удлиненными пропорциями. Этот комплекс характеризуют специфические острия с притупленной дугообразной спинкой, получившие в литературе название «острия типа лезвия перочинного ножа», или шательперрон, обилие скребков нуклевидной формы и концевой формы, множество скребков округлых очертаний. При этом сле-

дует отметить, что концевые скребки в основном изготовлены из целых пластин, как правило, слегка подправленных в области ударной площадки. Скобели отличаются многовыемчатыми краями, оформленными превосходной ретушью. Характерны и проколки со специально выделенным жальцем, многочисленные нуклеусы — призматические, коңические, карандашевидные, великолепно отражающие всю полноту и расцвет пластинчатой микролитической техники. Многие исследователи отмечали большое сходство прикаспийских мезолитических комплексов с памятниками зарзйского типа (типа Зарзи, Палегавры, слоя В Шанидара, Гари-Камарбанда), относящихся к кругу памятников средиземноморской зоны. Действительно, это сходство настолько очевидно и настолько значительно, что мезолит Прикаспия, на первый взгляд, можно было бы принять за один из вариантов средиземноморского мезолита. Однако, как нам представляется, эти близкие аналогии с зарзйскими комплексами обнаруживает лишь вторая группа прикаспийских мезолитических памятников. Об этом свидетельствует сходство данной группы с инвентарем зарзйского комплекса (типа Зарзи слоя В, Хазар Мерда, Палегавры, Шанидара слоя В-2, Па Сангара). Аналогии прослеживаются в технике обработки камня, типах и пропорциях орудий. Для обеих индустрий характерны приземистые низкие асимметричных очертаний геометрические микролиты типа удлиненных вытянутых треугольников и сегментов. Трапеции единичны и имеют сильно вогнутые боковые края, отделанные более крутой затупливающейся ретушью. Для прикаспийской и иранской мезолитических индустрий характерно также обилие микропластин с притупленной спинкой и скошенным концом, пластины с выемками, острия в виде лезвия перочинного ножа, множество концевых, округлых скребков, скребков нуклевидной формы, микроскребков, пластин правильных призматических очертаний, удлиненных пропорций.

В то же время индустрия прикаспийской группы отличается от зарзйской известным своеобразием. Так, в ней нет ни резцов, ни своеобразных палочечников с боковой выемкой, типичных для зарзйского круга памятников. Совершенно отличен и характер нанесения ретуши. Если на Ближнем Востоке наиболее часто применялась крутая встречная (гелуанская или хелванская) ретушь, то в Прикаспии — крутая, односторонняя, нанесенная только по краю орудия. Кроме того, острия типа перочинного ножа из Прикаспия имеют более выпуклое дугообразное лезвие. Это позволяет говорить о каких-то местных особенностях второй группы памятников Прикаспия и предположить наличие здесь локального (прикаспийского) варианта зарзйской культуры. Данный мезолитический

комплекс, по-видимому, появился под сильным влиянием иракской (зарзийской) технической традиции.

Рассмотрев материал двух групп памятников, соответствующих двум мезолитическим комплексам Прикаспия, возникает вопрос: чем вызваны различия этих комплексов? Являются ли эти два комплекса этапами одной мезолитической культуры или разнокультурными комплексами, появление и развитие которых шло независимыми путями?

При рассмотрении поставленных вопросов необходимо обратиться к материалам Ближнего Востока, близким прикаспийским группам памятников. С одной стороны, это иракские памятники (типа Зарзи), с другой — североиранские (типа нижних горизонтов Хоту и Гари-Камарбанда). Первый из названных комплексов характеризуется традицией низких приземистых геометрических микролитов с преобладанием треугольников асимметричных очертаний и сегментов, острия типа лезвия перочинного ножа, микропластин с разнообразной отделкой краев, своеобразных наконечников, единичных резцов. Во втором комплексе мы встречаемся с традицией крупных высоких пропорций геометрических микролитов с превалированием трапеций и реже равнобедренных треугольников, пластин неправильных очертаний при незначительном числе микропластин.

Все это свидетельствует о том, что оба комплекса не являются хронологическими этапами одной мезолитической культуры, в таком случае они были бы одновременными. Серия же радиоуглеродных датировок, полученных из слоя В-2 пещеры Шанидар и 24—27 слоев Гари-Камарбанда, показывает на сосуществование этих двух комплексов, различающихся техническими традициями. И тот и другой комплексы датируются X тысячелетием до нашей эры (Шанидар — $10\,000 \pm 400$ лет до нашей эры, Гари-Камарбанда — 9530 ± 550 лет до нашей эры). Теперь обратимся к материалам Прикаспия и попробуем проследить, не является ли второй комплекс следствием развития первого, то есть следствием развития местной мезолитической культуры. Если это так, то в Прикаспии должно прослеживаться два этапа мезолитической культуры, из которых второй должен генетически восходить к первому. Для рассмотрения вопроса о генетической связи двух комплексов привлечем материалы пещеры Дам-Дам-Чешме II, где представлены, на наш взгляд, оба комплекса.

С одной стороны, это комплекс слоя IV «верх» и нижних слоев Кайлю и Дам-Дам-Чешме I с индустрией зарзийского облика; с другой — комплекс, объединяющий материалы нижележащих слоев Дам-Дам-Чешме II с IV «низ» по VII. Последние характеризуют, как мы показали выше, местную мезолитическую культуру; объединение материалов с IV

«низ» по VII слой в один комплекс не случайно. Во-первых, все они приурочены к горизонту красноводского суглинка, имеющему только одну тонкую стерильную линзовидного характера прослойку, отделяющую IV «низ» слой от V. Мощность этого горизонта 80—90 см (Марков, 1966). Во-вторых, инвентарь тождествен на протяжении всей толщи и обладает чертами, которые характеризуют индустрию первой группы Прикаспийского мезолита. Разница в кремневом инвентаре появляется лишь со слоя IV «верх» и, как нам представляется, обусловлена не хронологическими изменениями местной мезолитической культуры, а наличием двух разных технических традиций в обработке камня и изготовлении орудий, одна из которых восходит к комплексам иракского (зарзийского) круга, вторая — к местным верхнепалеолитическим комплексам. На наш взгляд, комплекс слоя IV «верх» Дам-Дам-Чешме II не имеет генетической связи с нижележащими слоями. Так, для последних характерна грубая пластинчатая техника с преобладанием заготовок в виде небрежно сколотых пластин неправильных очертаний исключительно массивных и порой чрезвычайно широких (шириной до 4 см). Для первого — пластинчатая техника со значительной степенью микролитонидности, с преобладанием призматических пластин удлиненных пропорций правильных очертаний и микропластин с притупленной спинкой, скошенным ретушированным концом и без какой-либо отделки краев. Для «верхней» индустрии характерно обилие геометрических микролитов низких удлиненных пропорций с преобладанием асимметрично вытянутых треугольников и приземистых сегментов с покатой дугой при единичных находках тралей, представленных в основном низкими типами и образцами с сильно вогнутыми боковыми краями. Микролиты такого облика в нижележащем комплексе Дам-Дам-Чешме II отсутствуют. Также не встречено здесь ни одного экземпляра таких ранних типов орудий, как, например, острия в виде перочинного ножа, столь широко представленные в верхнем комплексе Дам-Дам-Чешме I и иракских мезолитических памятниках типа Зарзи. Хотя для обоих комплексов характерны и концевые, и округлые скребки, заготовки для них и техника отделки различны. Так, в верхнем слое больше представлены скребки на отщепах, а концевые сделаны из менее широких и в основном целых пластин шириной 1—1,8 см, в нижнем — концевые, реже на отщепах, неправильных очертаний. Заготовками для концевых скребков здесь являлись обломки крупных пластин шириной 2—2,5 см с отсеченной ударной площадкой (за исключением единичных экземпляров).

Для нижнего комплекса характерны весьма архаического вида нуклеусы дисковидной, призматической формы, ре-

же — укороченные конические; для верхнего — конические и карандашевидные.

Все вышензложенное позволяет говорить об отсутствии прямых связей слоя IV «верх» с нижележащим комплексом. Вместе с тем значительная близость материалов верхнего комплекса нижних слоев пещер Дам-Дам-Чешме I и Кайлю с индустрией иракской или зарзийской группы памятников дает возможность предположить, что в мезолите Прикаспия сосуществовали две разные технические традиции. С одной стороны, это традиция зарзийского круга памятников, с другой — сугубо местная.

Различия же в технических традициях, как это наглядно демонстрируют мезолитические культуры Ближнего Востока (натуфийская, зарзийская, кебаранская и целый ряд других), являются, по-видимому, различиями культурного порядка.

Таково предварительное исследование мезолита Прикаспия. Безусловно, оно пока еще ориентировочное и требует новых доказательств как в открытии новых мезолитических материалов, так и в получении абсолютно новых датировок. Можно надеяться, что дальнейшее изучение этого интереснейшего с археологической точки зрения района Средней Азии позволит с большой определенностью ответить на вопрос принципиальной важности: имеем ли мы здесь дело с двумя различными культурами (а, возможно, их выделится еще больше) или же с разными хронологическими этапами местной мезолитической культуры. Судя же по тому удивительному разнообразию неолитических комплексов, в настоящее время широко представленных почти во всех областях Туркмении: балханский, карабогазский, нижнеузбойский, джейтунский и др. (Окладников, 1956; Массон, 1966; Бердыев, 1965; Коробкова, 1966 и др.), можно предполагать, что территория Восточного Прикаспия и в эпоху мезолита была заселена различными племенными группами с характерными для них особенностями в индустрии, хозяйстве и культуре в целом.

ЛИТЕРАТУРА

Бердыев О. Южная Туркмения в эпоху неолита. Автореф. канд. дис. Ашхабад, 1965.

Борисковский П. И. Палеолитические местонахождения в Туркмении. — КСИИМК, 1947, вып. 18.

Коробкова Г. Ф. Культуры Средней Азии эпохи мезолита и неолита. Л., 1966.

Коробкова Г. Ф., Крижевская Л., Мандельштам А. М. К вопросу о неолите Прикаспия. М., 1968.

Марков Г. Е. Грот Дам-Дам-Чешме II в Восточном Прикаспии. — СА, 1966, № 2.

Массон В. М. К вопросу о мезолите Передней Азии. У истоков древних культур (эпоха мезолита). — МИА, № 126. М.—Л., 1966.

Окладников А. П. Пещера Джебел—памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении. — ТЮТАКЭ, т. 7. Ашхабад, 1956.

Окладников А. П. Древнейшие археологические памятники Красноводского полуострова. — ТЮТАКЭ, т. 2. Ашхабад, 1951.

**МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ТУРКМЕНИСТАНА
В ПЕРИОД НЕОЛИТА И РАННЕГО ЭНЕОЛИТА**

В подгорной равнине Южного Туркменистана находятся наиболее богатые и многочисленные памятники джейтунской и анауской культур эпохи неолита и энеолита, позволяющие проследить шаг за шагом смену этапов, последовательные изменения в жизни и культуре древнеземледельческого населения этого района.

Памятники наиболее ранних земледельческих племен на территории Южного Туркменистана известны под названием поселений джейтунской культуры*.

Историческое место джейтунской культуры достаточно ярко определяется сравнением ее с последующими этапами развития земледельческих племен Средней Азии. За неолитической джейтунской культурой идет анауская культура (Анау I-A).

В нижних слоях северного холма Анау в раскопках Р. Пампелли встречалась керамика с орнаментом в виде треугольников, но не залитых как в верхних слоях, а заштрихованных в косую сетку.

Также новой оказалась и сама форма сосудов, в тесто которых был вмешан песок, а не мелкорубленая солома и обжиг был значительно лучше.

По словам А. А. Марущенко, еще в 30-х годах он побывал на таких памятниках, как Монжуклы-депе, находящемся между селениями Меана и Чаача Каахкинского района, Овадан-депе — в 20 км севернее Ашхабада, по дороге на Серный завод, у южной окраины песков Каракумов, Гавыч-депе, на подгорной равнине между устьем Чулинского ущелья и железной дорогой, а также на поселении на 73-м километре автодороги Ашхабад — Бахарден и собрал подъемный матери-

* Так как памятникам неолитической джейтунской культуры посвящены многочисленные публикации В. М. Массона, В. И. Сарнианиди, И. Н. Хлопина, Г. Ф. Коробковой, Г. Н. Лисициной, О. Бердыева и других, во избежание повторения решили данный период истории не освещать.

ал. Во всех этих поселениях имеются слои времени Анау I-A. Так как А. А. Марущенко своевременно не опубликовал свои сборы, комплекс Анау I-A вплоть до конца 50-х годов в науке был известен лишь по материалам раскопок северного холма Анау. Итак, долгое время этот комплекс оставался единственным и считался одним из самых древних поселений Южного Туркменистана, который не знал металла*. Также оставался непонятным вопрос о происхождении и датировке комплекса Анау I-A. В литературе даже было высказано мнение, что «...роспись посуды Анау I-A, не встреченную достоверно ни на одном памятнике, кроме нижних слоев северного холма Анау, следует рассматривать как случайное для Южного Туркменистана явление...» (Хлопип, 1963, стр. 21). В конце 50-х и начале 60-х годов начинается интенсивное изучение древнеземледельческих культур, в том числе поселений времени Анау I-A.

Так, в 1958 году А. А. Марущенко на внутреннем склоне холма-поселения Гавуч-депе, на юго-восточном берегу позднего «хауза», расположенного в центре поселения, заложил траншею шириной в 2 м и длиной в 13 м. Траншея опущена четырьмя ступенями на глубину 4 м, а еще ниже — на 1,05 м — углублена шурфом. В траншее встречалась керамика времени развитого энеолита и бронзы, а в основании памятника были обнаружены слон, содержащие керамику, типичную для Анау I-A.

В 1959 году отряд, руководимый А. А. Марущенко, на северо-западном склоне холма Овадан-депе, в 1 м ниже его макушки, заложил траншею шириной 1,5, длиной 8 м**. Пятью ступенями раскоп доведен до уровня поверхности окружающей равнины, а ниже — углублен небольшим шурфом. На стратиграфическом шурфе вскрыты стена и пол помещения, покрытые красной краской, найдена керамика типа Анау I-A и другие различные археологические материалы. Грунт состоял из чередующихся слоев желтого полевого песка и темного ила, что свидетельствует о периодическом затоплении местности.

В 1959 году для выяснения стратиграфии поселения на 73 километре автодороги Ашхабад — Бахарден, на восточном склоне, заложена траншея шириной в 2 м и длиной 12 м с двумя ступенями, в которых встречалась керамика типа Намазга I — IV в смешанном виде. Ниже уровня окружающей равнины был спущен небольшой шурф.

* Отсутствие металла в нижнем слое Анау являлось случайным, потому что позднее в памятниках этого периода обнаружены металлические изделия в большом количестве.

** В раскопках участвовали археологи А. Ф. Ганялин и Е. Атагарьев.

Общая глубина раскопа 8,3 м. В основании памятника обнаружены слои, содержащие керамику, типичную для Анау I-A. Встречено детское погребение, ориентированное головой на восток. Тип погребальной ямы, положенные костяка и другие элементы не установлены*.

Еще более полные данные получены при раскопках таких памятников, как Каушутское поселение, Монжуклы-депе, Чакмаклы-депе.

На Каушутском поселении в 1959 году А. А. Марущенко начал копать стратиграфический шурф, который в 1960 году завершил Е. Атагарриев (Бердыев, 1972а). Хотя раскопки этого памятника носили разведочный характер, шурф, заложенный в его центре, выявил свиту культурных слоев, мощностью около 5 м, из которых более 3,5 м относятся к культуре Анау I-A. Кроме керамики, встречены пряслица и единичные изделия из меди, в том числе массивное шило. Следует отметить, что керамические формы росписи Каушутского поселения в общей форме могут быть сопоставлены с керамическим комплексом Анау I-A.

На поселении Монжуклы-депе в 1959 году А. А. Марущенко заложил стратиграфический шурф размером 5×3 м, прорезавший толщу культурных напластований на глубине 6,7 м. От дневной поверхности до 15 штыка встречено значительное количество фрагментов расписной посуды и другие материалы, относящиеся к эпохе Анау I-A. Ниже находятся слои с материалами, характерными для джейтунской культуры.

В 1960 году отрядом, руководимым А. А. Марущенко, было раскопано поселение Монжуклы-депе на уровне верхнего строительного горизонта (Бердыев, 1972).

Совершенно аналогичный материал собран с поселения Монжуклы II, расположенного рядом с Монжуклы-депе.

В течение четырех полевых сезонов О. Бердыевым изучено поселение Чакмаклы-депе, которое также расположено между селениями Меана и Чаача Каахкинского района. На этом интересном памятнике времени Анау I-A заложен стратиграфический шурф (1963), вскрыта планировка второго строительного горизонта (1965—1966) и заложен стратиграфический раскоп (1968). В результате этих раскопок получен большой материал, который в общих чертах получил освещение в литературе (Бердыев, 1968).

Так как материалы типа Анау I-A встречены и изучены в нескольких пунктах, в настоящее время никак нельзя согла-

* Материалы из поселений Гавыч-депе, Овадан-депе, поселения на 73-м километре до сих пор остаются неопубликованными. Краткие отчеты о раскопках, дневники, описи и материалы из вышеперечисленных памятников хранятся в отделе археологии Института истории им. Ш. Батырова АН ТССР.

ситься с упомянутым выше мнением И. Н. Хлопина о том, что «...роспись посуды Анау I-A... является ...случайным для Южного Туркменистана явлением».

В настоящее время принятая стратиграфическая колонка памятников подгорной полосы такова: первоначальный этап культуры древнейших земледельцев Южной Туркмении представлен неолитической джейтунской культурой, слой которой на поселении Монжуклы-депе перекрыты слоями последующего этапа (Анау I-A). Слой Анау I-A, перекрытый слоями Анау I-б (Намазга I), был зафиксирован в самом холме Анау, Гавыч-депе, Овадан-депе и в Каушутском поселении.

Джейтунская культура датируется в целом VI тыс. до н. э. и может быть разделена на три фазы или три периода—ранний, средний и поздний, причем для среднего периода отмечается расселение джейтунских племен в восточном направлении в район Чаача—Меана (Бердыев, 1969; Массон, 1971).

Весьма сложным является происхождение культуры, представленной комплексом Анау I-A.

Орнаментация, фактура, отделка керамики Анау I-A генетически почти не связаны с джейтунской, но последняя в свою очередь имеет общие мотивы с росписью Намазга I (Анау I-Б), а именно: контурные и силуэтные треугольники. Сочетание их с вертикальными линиями (Бами) как бы соединяет в себе признаки, характерные как для стиля Намазга I, так и для поздней фазы джейтунской культуры, минуя своеобразный стиль росписи ранней культуры Анау I-A.

Также в памятниках джейтунской культуры и Намазга I в тесте глиняной посуды имеется мелкорубленая солома, отделка грубая, обжиг сравнительно слабый, тогда как на поселениях периода Анау I-A в тесто подмешан песок, отделка и обжиг лучше. Сравнительно широкое распространение керамики этого типа, своеобразный комплекс этнографических и технологических признаков, проявляющихся в орнаментике сосудов и способах их изготовления, заставляют думать, что в данном случае мы имеем дело с культурой, оставленной пришлым населением. По этому поводу В. М. Массон пишет: «Своеобразие кремневого инвентаря комплексов Анау I-A, находки кремневых мотыг, аналогичных мотыгам Сиалка и Хасуны, не говоря уже о весьма своеобразном керамическом комплексе, подтверждают предположение о связи комплекса Анау I-A с племенами внутуркменистанских культурных традиций» (Массон, 1968, стр. 6). Еще в 40-х годах Д. Мак-Кун отметил отчетливые иранские параллели в керамике типа Анау I-A. Занимающиеся вопросами древнеземледельческих культур Южного Туркменистана исследователи В. И. Сарияниди, И. Н. Хлопин и другие высказали предположение, что появление этого нового для Южного Туркме-

нистана вида посуды может быть связано с инфильтрацией отдельных групп населения из Ирана (Сарнииди, 1963). Именно в Центральном и Северо-Восточном Иране, например, в Чешме-Али, около Рея, Шири-Шайне, расположенном в 15 км от Дамгана (Girhman, 1938), Сналке, Сналке I, II у Кашкана (Smidt, 1937) керамика чрезвычайно близка к глиняной посуде из поселка периода Анау I-A Южного Туркменистана.

В их керамике очень похожие узоры, образованные различными полосами с сетчатым заполнением, нанесенные темно-серой краской по коричнево-красному ангобу или лощению. Например, орнамент в виде зигзагообразных линий, характерный Шири-Шайну, встречается и в нижних слоях Анау. Рисунки в виде треугольников и ромбов с сетчатым заполнением, встречающиеся на поселении Сналк и Шири-Шайн, имеются почти во всех поселениях времени Анау I-A Южного Туркменистана. Как для Шири-Шайна, так и для Каушутского поселения, характерны рисунки в виде параллельных линий, заполненных пересекающимися полосами, которые образуют ромбические и треугольные фоновые просветы. Такое сходство кремневого инвентаря, находки каменных мотыг (Чакмаклы-депе) и керамических напярсел (Чакмаклы-депе, Каушут), аналогичных мотыгам и напярслам Сналка, подтверждают предположение о частичном иранском происхождении комплекса Анау I-A Южного Туркменистана, хотя в этой области многое остается неясным.

Перейдя через Копетдаг, пришельцы вступили на территорию, издревле занятую джейтунскими племенами. Судя по археологическим материалам из Чагыллы-депе, Чакмаклы-депе и Монжуклы-депе, которые расположены близко друг от друга, можно полагать, что на определенном этапе носители культуры типа Анау I-A сосуществовали с племенами, оставившими памятники позднеджейтунского типа. Об этом могут свидетельствовать находки небольшого куска меди в верхнем слое Чагыллы-депе и фрагменты керамики чагыллинского типа в четвертом строительном горизонте Чакмаклы-депе.

Если утверждать, что культура Анау I-A относится только к пришельцам с юга, опираясь на узкий круг археологического материала, и не учитывать местные культурные элементы, тогда исторический процесс заселения Южного Туркменистана был бы упрощен и схематизирован. В этом случае нас могут упрекнуть в том, что отрицая автохтонный путь происхождения культуры Анау I-A, мы придаем слишком большое значение ее ассимиляции и игнорируем заимствования, влияния и проникновения отдельных элементов южных культур в северное предгорье Копетдага.

Но мы не рассматриваем переселение южных племен в Туркменистан как оккупацию или экспансию их. По всей вероятности, это не было и миграцией в полном ее смысле. Происхождение культуры Анау I-A, как нам кажется, действительно было связано с расселением южных племен и распространением их культуры среди местных более архаичных племен. При этом мы не имеем в виду полную смену населения, а также не предполагаем уничтожения или изгнания местного населения пришлым, хотя последнее в какой-то мере, безусловно, могло иметь место. Скорее, здесь происходило смешение различных по своему происхождению и уровню развития племен, причем, пришлое население, по всей вероятности, не имело численного превосходства над местным населением.

Пришельцы с юга, смешиваясь с джейтунскими племенами, продолжали на первых порах стойко придерживаться старых приемов в изготовлении и украшении глиняной посуды. Однако постепенно шла взаимная ассимиляция местных и пришлых элементов.

Так, обитатели поселения Чакмаклы-депе, которые являются первыми переселенцами, изготавливали посуду из светлой глины и украшали сюжетами, абсолютно не характерными для джейтунской культуры (Бердыев, 1968б, стр. 26—34). Наиболее распространенными орнаментальными мотивами были мелкие треугольники, но не силуэтные, а заштрихованные в косую сетку. Однако постепенно шел процесс взаимной ассимиляции местных и пришлых элементов. Так, в поселениях позднего этапа Анау I-A (Монжуклы-депе) встречаются некоторые мотивы орнаментов (пересекающиеся полосы, вертикальные параллельные линии, силуэтные треугольники, лесенки, частые горизонтальные линии), которые характерны для поздней фазы джейтунской культуры (Чагыллы-депе, Ба-ми). Мотив в виде ломаных линий, встречающихся в различных вариациях в комплексах Анау I-A, можно с большей долей вероятности вывести из струйчатой росписи Чагыллы-депе.

В Монжуклы-депе в одном экземпляре был найден фрагмент с вертикальноволнистыми линиями, экземпляры с такой орнаментацией значительно уменьшаются даже в поселениях поздней фазы самой джейтунской культуры. На раннем этапе Анау I-A (Чакмаклы-депе) имеется рисунок в виде двух рядов заштрихованных треугольников, которые попарно сомкнуты вершинами и образуют ромбические фоновые просветы. Точно такой же рисунок имеется и на других поселениях времени Анау I-A, только треугольники не заштрихованы, а залиты. Некоторые виды орнамента с сетчатым заполнением, характерные для Чакмаклы-депе, продолжают бытовать в

Монжуклы-депе, Каушутском поселении, даже в поселениях времени Анау I-Б.

Этот смешанный стиль, сложившийся на территории Южного Туркменистана в конце VI—начале V тыс. до н. э. надолго определил дальнейшее развитие орнаментальных сюжетов.

Замена во втором строительном горизонте Чагыллы-депе батонообразных протокирпичей плоскими и прямоугольными кирпичами, из которых строятся дома поселений культуры типа Анау I-A и всех последующих культур, можно рассматривать как влияние пришлого населения (Чакмаклы-депе, Монжуклы-депе) на местное население.

Такое смешение культур естественно, ибо трудно допустить, что небольшая группа пришлых племен могла полностью заменить ранее существовавшие культурные традиции. Это был сложный процесс, с одной стороны, прогрессивным развитием хозяйства предшествующего неолитическому времени, а с другой — теми новшествами, которые принесли с собой пришельцы.

Как показывает археологический материал, хотя пришельцы позднее смешались с местным населением, совершенно определено, что они имели более высокую культуру и принесли некоторые новшества, ярко проявившиеся в искусстве изготовления керамики.

Как отмечено выше, планировка поселений времени Анау I-A отличается от поселков джейтунской культуры четкостью плана застройки поселения в целом. Если в поселениях джейтунской культуры дома были разбросаны без особой системы, то в пору Анау I-A поселок разделяется уже прямой длинной улицей, по обе стороны которой располагаются дома.

Наличие смежных комнат с общим входом на Монжуклы-депе указывает также, что наряду с сохранением джейтунских (чагыллинских) традиций налицо дальнейшее развитие домостроительства. Это как будто находит подтверждение и в характере самого строительного материала. Так, если дома Джейтуна построены из батонообразных кирпичей, то на Монжуклы-депе, как и Чакмаклы-депе, уже используются прямоугольные кирпичи, которые, начиная с этого времени, широко используются в строительстве. Древние традиции однокомнатных домов джейтунской культуры в несколько ином плане продолжали существовать и в пору Анау I-A и Анау I-Б (Дашлыджи-депе).

Пришельцы были знакомы с ткачеством, которое получает дальнейшее развитие. В памятниках Анау I-A, в том числе на Монжуклы-депе, в большом количестве найдены пряслица, не встреченные ни разу в памятниках джейтунской культуры. Они имели коническую форму, украшенную на Чакмаклы-депе

в основном ненарезным орнаментом, более характерным для Южного Туркменистана (Намазга I), а расписными узорами в виде треугольников, напоминающих сивасские образцы. В верхнем слое Чакмаклы-депе было найдено одно пряслице с нарезным узором (в Каушуте их очень много), что, возможно, и является доказательством влияния местных племен.

Пришельцы с юга были уже достаточно знакомы с обработкой металла, тогда как местные племена только начали применять металл и потому еще не могли в достаточном количестве изготавливать металлические орудия, но постепенно металл начал вытеснять камень и кость.

Находки металлических изделий имеют принципиально важное значение, так как появление металла и ткачества раньше, до раскопок Монжуклы-депе и Каушутского поселения, относили к более позднему времени (Намазга I). Таким образом, памятники времени Анау I-A характеризуют переходный этап от неолита к раннему энеолиту, знаменуя наступление нового меднокаменного века в истории развития древнеземледельческих поселений, Южного Туркменистана.

Культуру времени Анау I-B—Намазга I следует рассматривать как результат смешения культуры пришельцев с юга с местной неолитической джейтунской культурой. В данном случае более высокие и организованные производительные силы сыграли решающую роль в прогрессе местных, во многом еще отсталых форм производства.

В поселении Анау I-B Дашлыджи-депе (Геоксюрский оазис) сохраняются более древние традиции домостроительства. Так, каждая жилая ячейка состоит по-прежнему из отдельно расположенного помещения с очагом, которое окружает несколько хозяйственных комнат. Большие пристенные угловые очаги в помещениях Дашлыджи-депе хотя и отличаются по конструкции от джейтунских, но близко стоят к очагам Чакмаклы-депе. Таким образом, форма сосудов, их орнаментальный стиль на поселениях времени Анау I-B являются дальнейшим развитием керамического производства, предшествующего времени (Чагыллы-депе, Монжуклы-депе).

Итак, все сказанное свидетельствует о достаточно полном и последовательном развитии раннеземледельческих памятников в предгорьях Колетдага.

Поселения и жилища. Местные археологи и краеведы, занимавшиеся изучением древнейших земледельческих культур Южного Туркменистана, вплоть до конца 50-х годов продолжали увлекаться стратиграфией и отдельными находками и слишком мало уделяли внимания выявлению жилых комплексов. После первого стратиграфического шурфа на поселении Чопан-депе С. А. Ершов высказывал ошибочное мнение о том, что обитатели поселения еще не строили глинобитных

строений. В шурфе были встречены глинобитные прослойки из так называемых «булок», которые С. А. Ершов считал нивелировочными площадками жилых построек легкого (каркасного) типа. Однако глинобитные постройки на селении Чопан-депе были обнаружены в 1956 году В. М. Массоном и И. Н. Хлопиным. Лишь после этого в 1957 году С. А. Ершов с целью выяснения типа планировки продолжал раскопки на поселении Чопан-депе в более крупных масштабах. Для этого он в центральной возвышенной части холма (около стратиграфического шурфа, 1953 г.) заложил раскоп 20×20 м: расчистил несколько комнатушек, очагов и стен.

В 1958 году С. А. Ершов продолжал вскрытие верхнего слоя этого поселения*.

Им была заложена траншея размером 36×6 м от центрального раскопа на соединение с северо-восточным шурфом по длинной оси холма. Вторая траншея размером 30×8 м, заложённая к северо-западу от первого, вскрыла дополнительную площадь в центральной части холма. В первой траншее были обнаружены очаги овальной формы, удлинённые очаги с боковыми перегородками, остатки стен. Во второй траншее встречены стены, сложенные из глиняных «булок», длиной свыше 6 м, толщиной 20 см при сохранившейся высоте 35 см. В некоторых случаях стены сохранились до высоты 70 см, прослеживание которых дало бы представление о планировке поселений. Большинство стен оставалось за пределами раскопа, что говорит о неправильном способе раскопок поселений узкими траншеями. Именно в результате низкой методики раскопа, несмотря на значительность вскрытой площади, планировка поселения Чопан-депе оставалась невыяснённой.

Впервые с работами В. М. Массона о Джейтуне, мы получили представление о жилищах этого поселения, относящегося к ранней фазе изучаемой культуры, его внешнем и внутреннем устройстве и убранстве, строительной технике, применявшейся при постройке глинобитных жилищ.

В последние годы как по линии ЮТАКЭ, так и сектором (пыле отдел) археологии Института истории им. Ш. Батырова АН ТССР проводятся широкие раскопки поселений древнеземледельческих культур, давшие большой материал для характеристики архитектуры времени неолита и раннего энеолита.

Наиболее хорошо изученным поселением ранней фазы джейтунской культуры является поселение Джейтун (Массон, 1971). Все жилые постройки в Джейтуне возведены при

* Отчет и дневник С. А. Ершова о раскопках Чопан-депе в 1957—1958 годах хранится в архиве отдела археологии Института истории им. Ш. Батырова АН ТССР.

помощи одинаковых приемов и имеют почти одинаковую планировку, что позволяет рассматривать их как «стандартные» дома, различающиеся лишь по размерам помещений. Стены построек сложены не из обычных прямоугольных сырцовых кирпичей, а из предшествовавших им удлиненных глиняных блоков размером 60—70 см×20—25×10—12 см, которые в литературу вошли под названием глиняные «булки». В глину в большом количестве подмешивалась крупнорубленая солома. «Булки» клались на глиняносаманном растворе, такова же по составу была и обмазка стен. В ряде случаев стены окрашивались в черный или красный цвет. Пол жилых домов, как правило, имел известковую обмазку толщиной 1—10 см, иногда окрашенный в те же цвета. В некоторых помещениях полы покрывались только глиняной промазкой. В дом вел узкий вход, часто с порогами.

Внутри дома, обычно справа от входа, находился большой каминобразный очаг, сложенный из тех же «булок», что и стены. Он имели довольно узкое топочное отверстие и овальную камеру. В некоторых очагах перед топкой имелась небольшая площадка, обведенная глиняным валиком. Ее закопченная поверхность указывает на то, что сюда выгребались угли. Справа от входа, между ним и очагом, а в некоторых помещениях и с обеих сторон очага имеется отгороженное глухой стенкой пространство, служившее в качестве хозяйственного отсека.

На противоположной от очага стене был устроен выступ и в нем небольшая ниша, расположенная на высоте 60—70 см над уровнем пола. Выступы в большинстве домов окрашивались в черный или красный цвет. Очевидно, им придавалось особое значение. Существует предположение, что в нишах стояли фигурки людей, животных, амулеты.

Вторым поселением, давшим планировку ранней фазы джейтунской культуры, является Тоголок-депе. Третий строительный горизонт этого поселения, относящийся к ранней фазе, был вскрыт на площади 50 м². В юго-восточном углу раскопа открыта часть жилого дома с овальным очагом (Бердыев, 1964а).

Верхние строительные горизонты поселений Чопан-депе, Тоголок-депе и Песседжик-депе относятся к средней фазе джейтунской культуры.

В 1967 году на Чопан-депе, на небольшой уцелевшей площадке между раскопами С. А. Ершова и А. А. Марущенко, нами был заложен раскоп площадью около 400 м².

Планировка жилых помещений Чопан-депе в основном идентична джейтуноким домам (рис. 2). Особенно показательно в этом отношении помещение № 4. Здесь в северо-западной стене имеется, как и в домах Джейтуна, большой ка-

минообразный очаг. С одной стороны очага имеется отгороженный участок, по всей вероятности, служивший местом, куда складывалась домашняя утварь.

Интересно, что в большинстве жилых помещений (№ 1, 2, 9) Чопан-депе, с одной стороны очага вместо небольших отсеков имеются довольно большие отгороженные участки, что не характерно для других поселений.

К средней фазе джейтунской культуры относятся первый и второй сверху строительные горизонты поселения Тоголок-депе, которые раскопаны на площади 100 м².

Планировка первого сверху строительного горизонта на вскрытой площади полностью повторяет таковую в Джейтуне. Здесь, как и на Джейтуне и на Чопан-депе, дома строились из глиняных «булок». Раскопками вскрыт жилой дом с относящимся к нему хозяйственным строением и небольшим двором. Хорошо сохранился жилой дом, стены которого расчищены на высоту 40—45 см. К северо-западной стене пристроен крупный очаг почти прямоугольной формы. Внутри его отмечены следы глиняной обмазки (с примесью соломы), нанесенной в несколько слоев. Перед очагом сделана «жаровня», куда, очевидно, выгребались угли.

Участок к западу от очага отгорожен стеной и превращен в хозяйственный отсек. Пол помещения был покрыт остатками плетеной тростниковой циновки.

На уровне второго строительного горизонта стены строения сохранились на высоту 30—40 см. В северной части раскопа вскрыт жилой дом, который дважды перестраивался. Первоначально пол состоял из глиняной обмазки (толщина 3—4 см) с большой примесью соломы. Позднее пол был выстлан батонообразными кирпичами и сверху покрыт глиняной обмазкой.

В течение четырех полевых сезонов продолжалось вскрытие верхнего строительного горизонта поселения Песседжик-депе, где вскрыто 1500 м², в результате чего была выявлена планировка. Общая конструкция домов, строительные материалы и методика строительства на Песседжик-депе почти ничем не отличаются от планировки Джейтуна (рис. 3).

Все жилые дома, повторяя планировку друг друга, различаются лишь по размерам. Все они имеют прямоугольную форму; у одной из стен, как правило, располагается крупный овальный очаг; лишь в одном помещении (№ 24) очаг имел удлиненную форму и разделялся на две части боковыми выступами. В ряде помещений перед очагом отмечен небольшой полукруглый выступ высотой 10 и диаметром 35 см, а в других помещениях к передней части очага были приделаны два выступа, видимо, ограничивавшие участок для выгребания

углей. Рядом с очагом расположен хозяйственный отсек и суфа, а на стене, напротив очага—выступ. Пол и суфа во многих помещениях покрыты алебастром, на поверхности некоторых из них имеются следы красной краски. В некоторых жилых помещениях краской покрыты и стены. К жилым домам примыкают хозяйственное помещение и дворы. Встречаются сооружения, состоящие из параллельных стенок почти одинаковой длины, отгороженные невысокой стеной.

В поселении значительный интерес представляет крупное помещение (№ 12) площадью 64 м², раскопанное на уровне первого (1968) и второго (1969) строительных горизонтов.

В первом горизонте к его северо-восточной стене пристроен массивный 1,80×1,10 м очаг, уцелевший в высоту 20—25 см. Внутри его обнаружены следы глиняной обмазки с саманной примесью, нанесенной в несколько слоев. С обеих сторон очага располагались отгороженные участки площадью около 6 м². Пол этих небольших комнаток промазан глиной с обильной примесью самана.

Впереди очага, с обеих сторон топочного отверстия, находились отсеки, образованные невысокой стеной. Один из отсеков был заполнен обожженными камнями, несколькими фрагментами керамики от одного сосуда и костями животных. Между отсеками обнаружена яма овальной формы диаметром 25×30 см и глубиной 40 см. Внутри ямы найдены остатки дерева. Возможно, здесь был подпорный столб, поддерживающий крышу. Это здание имеет стены двойной толщины (1 м), выложенные из глиняных «булок». По стенам изнутри располагались небольшие выступы. Так как стены сохранились на небольшую высоту (5—20 см), назначение этих выступов пока не ясно. Пол основной части помещения, впереди очага, представляет собой многослойную алебастровую промазку толщиной 3—4 см с прекрасной выкружкой при переходе к стенам. Внутри помещения кроме материалов разрушения ничего не обнаружено. Принимая во внимание необычно большие для джейтунских памятников размеры постройки, капитальность внешних стен, сложность внутренней конструкции и полное отсутствие каких-либо находок внутри дома, можно предположить, что это помещение могло быть общественным домом родового поселка неолитического времени. Площадь дома была достаточно велика, чтобы он мог вместить все взрослое население данного поселения.

Возможно, здесь проходили разного рода собрания всех жителей поселка, а также не исключена возможность, что перед нами своего рода «святилище», где время от времени совершались культовые церемонии и жертвоприношения.

В результате углубления раскопа на этом участке установлено, что этот «родовой дом» существовал и в пору второго

и третьего строительных горизонтов. Он по-прежнему выделяется среди других строений несколько большими размерами и ориентирован углами по сторонам света, как и впрочем, вся планировка поселения. Аналогичное положение отмечено и для «культовых зданий» энеолитического времени Южного Туркменистана и для храмовых построек Месопотамии. На этом уровне, как и на верхнем комплексе, к северо-восточной стене «святилища» Песседжик-депе пристроен массивный очаг 1,80×1,10 м. С правой стороны его расположена суфа. На стене против очага имеется выступ, с лунообразным налепом в центре, по всей видимости, специального ритуального назначения. Эта стена полностью, а северо-западная частично, украшена полихромной (красной и черной краской на белом фоне) росписью, состоящей из разнообразных сюжетов. Можно предполагать, что окраска стены имела два этапа. Первоначальная покраска обнаружена на очень незначительном участке и видна пока только белая краска. Толщина белой побелки менее 1 мм. Видимо, после какого-то периода времени был произведен ремонт, и стена была специально подготовлена для окраски. Поверх старой побелки был нанесен слой довольно хорошо отмученной и довольно плотной глины желтого цвета толщиной 3,5 см.

Поверх этого первого слоя был нанесен слой глины желтовато-коричневатого цвета с очень большим количеством каких-то растительных волокнистых включений. Эта глина представляла собой ту основу, на которую уже наносился белый грунт толщиной 1 мм. Волокнистые растительные включения обеспечивали плотное сцепление белого грунта живописи. Этот белый грунт является, вероятно, известью или ганчем, который составлял фон для живописи. Поскольку эта побелка не включалась в грунт, а наносилась поверх него, то он (вследствие своей очень незначительной толщины) оказался с течением времени частично уничтоженным вместе с росписью. Роспись наносилась краской красного и черного цвета. Судя по характеру окраски, можно полагать, что в качестве красной краски использовалась земляная охра, а для черной — сажа.

Следует отметить довольно сложную технику подготовки живописи (два различных слоя глины под грунтом и подгрунтовка живописи). Роспись состоит из различных сюжетов, которые являются первыми образцами фресок джейтунской культуры. Здесь имеются зооморфные сюжеты, восходящие к традициям охотничьих племен и раннекаменного века, а также геометрические фигуры и шевроны. У западного угла северо-западной стены имеются рисунки в виде больших геометрических фигур, выполненные черной краской. Прямо на углу найдено изображение треугольника вершиной вниз (ши-

рина у основания 20, длина — 30 см), а правее — изображение удлинённого ромба вершиной вверх шириной у основания 18, длиной 31 см.

Следует отметить большую близость вертикально поставленного ромба и треугольника вершинами вниз с панно Песседжик-депе с отдельными деталями настенной росписи культовых зданий энеолитического времени Южного Туркменистана (Яссы-депе, Анау, Сарманча-депе).

На юго-западной стене между западным углом помещения и выступом имелись различные изображения, но из-за плохой сохранности рисунков большинство сюжетов определить не удалось: лишь четко видны угловые двухцветные шевроны. У западного угла выступа имеется изображение в виде вертикальной линии с отогнутым концом, выполненное черной краской, которое напоминает современные туркменские палки пастухов. Поверхность выступа полностью покрыта различными рисунками. Роспись состоит из отдельных фигур животных, шевронов и полос красного и черного цвета. Имеются три фигуры копытных животных и две фигуры хищников кошачьей породы, возможно, барсы. Первые имеют подчеркнута удлиненную фигуру и спаренные ноги. Подобные профильные силуэтные рисунки характерны для изобразительного искусства (наскальные рисунки) более ранних охотничьих племен. Вспомним, что ранее были встречены фигуры двуногих животных среди наскальных изображений Зараут-Камара в ущелье Зараутсай. Барсы изображены с поднятыми хвостами, в отличие от барсов, изображенных на расписной керамике Южного Туркменистана эпохи бронзы. Отметим, что керамика этого времени покрыта лишь довольно скромной по расцветке монохромной орнаментацией, а в панно «святилища» Песседжик-депе налицо явное стремление к полихромии, где хищники нарисованы черной краской, а копытные животные — красной. Впереди этих фигур животных изображены двухцветные параллельные полосы с небольшим наклоном, шевроны и различные пятна. Возможно, некоторые из пятен являются остатками изображения животных, которые с течением времени оказались стертymi. Еще левее имеются изображения, выполненные красной краской, напоминающие стилизованную фигуру человека в позе стремительного бега. Вспомним, что и аморфная пластика этого времени также имела сильно стилизованную форму.

Панно на выступе «святилища» Песседжик-депе, видимо, изображает охотничью сцену. При тщательном осмотре панно создается впечатление, что какие-то копытные животные отчаянно спасаются от хищников, а впереди изображен стремительно бегущий навстречу человек. Еще раз убежда-

емся, что именно охотничий сюжет характерен для многих наскальных изображений эпохи палеолита и мезолита. Этот сюжет встречается в фресках святилищ Чатал-гуюка. Но следует отметить, что рисунки из «святилища» Песседжик-депе более простые и, видимо, более архаичные, нежели фрески Чатал-гуюка. Настенная роспись Песседжик-депе является древнейшим памятником изобразительного искусства Средней Азии, открытие которой выдвинуло это поселение наряду с таким исключительным по значимости поселением, как Чатал-гуюк, в число памятников мирового значения.

Не исключена возможность обнаружения впредь новых настенных фресок из других поселений орудней и поздней фазы джейтунской культуры и из памятников раннего энеолита.

В заключение можно сказать, что в пору средней фазы джейтунской культуры на территории Геок-тепе находился раннеземледельческий оазис, судя по всему, центром которого было поселение Песседжик-депе. Из памятников поздней фазы джейтунской культуры изучена только планировка поселений Чагыллы-депе (Бердыев, 1964а). Раскопками установлено, что общая планировка поселения поразительно близко напоминает застройку Джейтуна и других памятников этой культуры. Жилые дома в плане имеют прямоугольную форму. У одной из стен, как правило, располагается крупный очаг, а рядом с ним — хозяйственный отсек. Напротив очага имеется прямоугольный выступ, расположенный невысоко над полом. Пол почти всех жилых домов покрыт толстой глиняной обмазкой, иногда со следами окраски красного или черного цвета. В некоторых жилых помещениях краской покрыты и стены. Рядом с жилыми домами строились небольшие хозяйственные строения, которые часто перестраивались. Как отмечено выше, на втором строительном горизонте Чагыллы-депе впервые появились плоские прямоугольные кирпичи, которые применялись в строительстве жилых домов наряду с «протокирпичами» типа так называемых «булок».

Планировка поселений культуры Анау I-A

В настоящее время после раскопок поселений Монжуклы-депе (1960) и Чакмаклы-депе (1965—1966) можно говорить об архитектуре культуры Анау I-A, а также об эволюции домостроительства и на этом отрезке времени, которые из-за отсутствия фактических данных еще недавно были совершенно не ясными. Прежде всего следует отметить, что именно с племенами культуры Анау I-A связано распростра-

нение в Южном Туркменистане нового более совершенного строительного материала — прямоугольного кирпича.

Раскопками выявлена жилая планировка поселения (Монжуклы-депе и Чакмаклы-депе), которая делится на две части узкой, по длинной «улочкой». Дома имеют подквадратную или удлиненную прямоугольную форму с боковыми выступами. Наличие очагов во многих из них и целый ряд признаков жилья позволяет считать их жилыми помещениями. Расположенные рядом небольшие пристройки служили, по-видимому, для хозяйственных нужд.

Чакмаклы-депе. Первый (сверху) строительный горизонт был полностью смыт и развезен. Лишь на отдельных участках удалось обнаружить остатки окрашенных в красный цвет полов.

Стены построек второго строительного горизонта сохранились на высоту 10—15 см. Постройки возводились из сырцовых прямоугольных кирпичей размером 40×20×10 см. Планировка застройки раскопанного участка II строительного горизонта Чакмаклы-депе отличается большей сложностью, чем «стандартная» планировка поселений предшествующего джейтунского периода.

На вскрытой площади расчищено более 30 жилых и хозяйственных помещений и дворов, группировавшихся в четыре самостоятельных комплекса и отделенных друг от друга центральной улицей и двумя поперечными улочками (рис. 4).

Комплекс I расположен в юго-западной части вскрытой площади. В него входят помещения № 1, 2, 11—16 и примыкающие к ним с запада дворы. Дом № 12 имеет площадь 2,25×2 м. В западном углу расположен прямоугольный очаг, стенки которого покрыты глиняной обмазкой. К сожалению, верхняя часть очага сохранилась недостаточно для того, чтобы с определенностью судить о его конструкции. Западная стена сохранилась в высоту на 10—15 см. Дверной проем, по всей вероятности, был проделан в этой стене. В середине южной стены имеется выступ (40 см). Между этим выступом и западной стеной найдены три ступки. Этот угол, очевидно, служил местом, куда складывалась домашняя утварь. Остальная часть помещения предназначалась непосредственно для жилья. Позднее этот дом был забутован.

Комплекс II отделен от комплекса I улочкой и незастроенной площадкой. Он состоит из двух смежных помещений (№ 5 и 6) и примыкающих к ним хозяйственных строений (№ 4, 7, 10).

К боковым стенам жилых помещений пристроены небольшие стенки, выступающие на 75—80 см и делящие каждое помещение на три комнаты. Помещение № 5 с южной и западной сторон отгорожено дополнительно стеной.

Помещения № 7 и 10 были смежными и имели выход во двор. В восточном углу помещения № 7 находился четырехугольный очаг. Здесь в большом количестве попадались закопченные и растрескавшиеся камни. Скорее всего это помещение использовалось в качестве кухни.

Комплекс III расположен в северной части холма и отделен от других комплексов центральной улицей, поперечной улочкой и незастроенным пространством. Он состоит из жилых помещений (№ 28 и 29), хозяйственных строений, а также примыкающего к ним с юга довольно большого двора (27). Помещения № 28 и 29 были смежными и имели выход в южной стене. Очаг в юго-западном углу помещения № 28 делал его похожим на помещение № 11 комплекса I. Стены помещения № 28, сохранившиеся местами до 40—45 см в высоту, были покрыты желтоватой штукатуркой из глины без растительных примесей; глинобитный пол имел большое количество промазок. Во дворе к южной стене помещения № 28 была пристроена суфа площадью 110×80 см и высотой 30 см. В углу между суфой и западной стеной двора отмечено большое скопление золы и угольков. Этот комплекс позднее был полностью забутован.

Последний четко видимый комплекс IV расположен в юго-восточной части раскопа и состоит из помещений № 17, 19, 23 и дворов № 18 и 24.

Оригинальна планировка помещения № 23. В центре восточной и западной его стен пристроены выступающие на 75 см стенки, делящие помещение на две комнаты. К южной стене также пристроены две небольшие выступающие стенки. Стены помещения и пол с большим количеством промазок окрашены красной краской. Вход с невысоким порогом находится в восточной стене. Перед входом имеется опражденный участок. Восточнее помещения № 23 расположен дворик.

Монжуклы - депе. Стены верхнего строительного горизонта частично были смыты и развены, поэтому планировка в некоторых участках осталась невыясненной. Постройки возводились из прямоугольных кирпичей размером 50—40×20×10—8 см.

В глину подмешивалась крупнорубленая солома. Кирпичи клались на глиняно-саманном растворе, такова же по составу была и обмазка стен. Некоторые стены, видимо, окрашивались в красный цвет, о чем свидетельствуют куски штукатурки, покрытые красной охрой, находящиеся среди материалов из этого поселения.

Пол жилых помещений покрыт глиняной промазкой. В дом ведет узкий вход, часто с порогами. На Монжуклы-депе часто встречались подлпточные камни, указывающие на наличие вращающихся дверей (деревянных).

Планировка Монжуклы-депе в отличие от памятников предшествующей джейтунской культуры, имеющей одноконтурную «стандартную» планировку, имеет более сложную конструкцию. На поселении расчищено более 40 жилых, хозяйственных помещений и дворов. Постройки поселения делятся на две части узкой, но длинной «удочкой» (рис. 5).

Раскопки показали, что в это время строились дома нескольких типов. Первый тип — помещения небольшого размера, удлиненное в плане и разделенное двусторонними прямоугольными выступами на две или три комнаты (помещения № 1, 17, 32), что и было характерно для аналогичного поселения Чакмаклы-депе. Планировка их обнаруживает черты той «стандартности», которая очень хорошо выражена, только в ином плане, на поселениях предшествующей джейтунской культуры (Джейтун, Песседжик-депе, Чагыллы-депе).

Второй тип — помещения с настенными очагами и хозяйственными отсеками или суфами, по общему устройству близко напоминающими жилые дома джейтунской культуры.

Третий тип — смешанные комнаты с общими проходами (комплексы 2,4—6,33).

Как отмечено выше, стены помещений № 26 и 3 украшены выступами-пилястрами и имеют более сложную планировку. Напрашивается вопрос, не были ли эти помещения Монжуклы-депе особым сооружением, связанным с выполнением общественных функций. Для выяснения этого следует обратиться к более ранним поселениям поры неолита. На поселениях Песседжик-депе, относящихся к средней фазе джейтунской культуры, удалось вскрыть «родовой дом», интерьеры которого также украшены выступами и пилястрами (Бердыев, 1968б, стр. 12). На малоазийском поселении Чатал-гуюк (вторая половина VII — первая половина VI тыс. до н. э.) весьма многочисленные и богато декорированные святилища практически не превосходят по площади жилые дома. В период Намазга I и II наличие жилых домов и общественных зданий на поселениях не вызывает сомнений (Хлопин, 1964, стр. 71). Поэтому наличие на Монжуклы-депе общественного дома вполне вероятно. Но из-за недостаточно точной методики раскрытия архитектуры Монжуклы-депе, а также из-за отсутствия подробного отчета о раскопках невозможно конкретно отнести названные помещения ни к одной из двух категорий построек; они могли быть как жилыми домами, так и остатками общественных сооружений. Но совершенно определено, что архитектура Монжуклы-депе, а также синхронного поселения Чакмаклы-депе во многом близка планировке предшествующего времени (джейтунская культура), отличаясь от нее лишь некоторыми деталями внутренней кон-

струкции и большей четкостью плана застройки поселения в целом.

Вышеприведенные описания памятников неолитического времени подтверждают, что все поселения состояли из отдельных жилых домов с подсобными строениями и дворами, представляли собой единую стандартную планировку. Сейчас уже можно с уверенностью говорить о единой домостроительной планировке поселений неолитического времени Южной Туркмении, независимо от фазы и территориального расположения самих памятников (расстояние между Песседжик-депе и Чагыллы-депе около 300 км).

Для жилого дома всех поселений джейтунской культуры характерны подквадратный план дома в основном отличаются размерами (от 10 до 39 м²) и некоторыми внутренними конструкциями. К одной стене обычно пристроен крупный очаг типа камина. Очаги служили как для приготовления пищи, так и для обогрева. В одних случаях с обеих сторон очага устроены глухие отсеки, предназначенные для размещения домашней утвари, а в других — с правой стороны очага строилась суфа. Стены всех жилых домов во всех поселениях покрыты штукатуркой, а в некоторых поверхность штукатурки окрашена красной краской.

В архитектуре средней фазы джейтунской культуры по сравнению с ранней появляются и некоторые новшества. Если на поселении ранней фазы (Джейтун) в жилых домах отсутствовали следы каких-либо дверей, то в поселениях средней фазы (Чопан-депе, Тоголок-депе) они налицо. В последних встречались подпюточные камни, указывающие на наличие деревянных вращающихся дверей. По всей вероятности, деревянные двери появились в средней фазе джейтунской культуры, а в ранней фазе, видимо, двери делались из циновки или занавешивались шкурами животных.

В начальную пору средней фазы джейтунской культуры начали строить большой «родовой дом», полностью повторяющий планировку жилых домов и, возможно, служивший в качестве «святилища», которое было обнаружено в 1968 году на поселении Песседжик-депе.

Некоторые отличия в планировке наблюдаются даже в пределах поселений средней фазы джейтунской культуры. Например, у большинства жилых помещений Чопан-депе с одной стороны от очага вместо небольших отсеков имеются довольно большие отгороженные участки, что не характерно для поселения Песседжик-депе и Тоголок-депе. На поселении Тоголок-депе необычными для внутренней планировки джейтунских домов являются два прямоугольных отсека, расположенных у стены, противоположной очагу. В жилых домах на поселении Песседжик-депе на стене против очага имеется выступ,

что не характерно для Чопан-депе. Также на поселении Песседжик-депе большинство из жилых домов имело пол, состоящий из алебастровой промазки, но на поселениях Чопан-депе и Тоголок-депе они в основном состоят из глиняной промазки. Несмотря на некоторые незначительные конструктивные различия и локальные особенности, общая планировка поселений джейтунской культуры поразительно одинакова.

Архитектура Чакмаклы-депе и Монжуклы-депе (культура Анау I-A) во многом близка предшествующей чагылынской, отличаясь от нее большей четкостью плана застройки поселения в целом. Если раньше дома были разбросаны без особой системы, то в пору Анау I-A поселок разделяется прямой длинной улицей, по обе стороны которой располагаются дома. Стены домов возводятся уже только из прямоугольных сырцовых кирпичей. Следует отметить, что как и в предшествующее время сохраняется традиция окраски полов и стен домов в черный или красный цвет.

Однако теперь дома, окрашенные таким образом, единичны. Только помещения № 1 и 23 (Чакмаклы-депе) имели такую окраску и, возможно, являлись культовыми.

Важно отметить, что племена, обитавшие в пору Анау I-A, восприняли элементы древней домостроительной культуры джейтунского времени, и в частности, традицию окрашивания стен и полов. Таким образом, поселения времени Анау I-A состояли из отдельно стоящих домов, как бы продолжая более древнюю «джейтунскую» традицию. Эта традиция прослеживается и в поселениях времени Намазга I (Дашлыджи-депе) и в несколько ослабленном виде продолжала существовать и в пору раннего Намазга II.

Керамика. В результате анализа древнейшей керамики из раскопок памятников подгорной равнины Копетдага были получены веские основания как для сопоставления и установления связей племен древнеземледельческих культур Южного Туркменистана с соседними племенами, так и для выявления ее локальных вариантов, для установления уровня ее развития на различных хронологических этапах. Неолитическая керамика Южного Туркменистана получила наиболее широкое освещение и характеристику в работах В. М. Массона, где, в частности, он выявил типичные формы керамики Джейтуна и орнаментальные мотивы керамики ранней фазы джейтунской культуры.

Наблюдается поразительное сходство между керамикой трех фаз джейтунской культуры. Это сходство отмечается в составе глины и характере обжига, в особенностях обработки поверхности сосудов, технике лепки и т. д. По всем перечисленным признакам керамика времени Анау I-A отличается от джейтунской, на которой подробно остановимся позднее.

Теперь перейдем к общей характеристике керамики периодов позднего неолита и раннего металла.

Вся посуда из памятников джейтунской культуры делится на две группы: сосуды для хранения продуктов и столовую посуду. К первой группе относятся крупные толстостенные чаши и корчаги, а ко второй — мелкие чаши и «салатницы» (рис. 6).

В верхних слоях Чопан-депе (средняя фаза джейтунской культуры) возникают уже новые формы посуды, крупные миски, банкообразные сосуды и горшки. Хотя в памятниках средней и поздней фазы джейтунской культуры встречаются горшки, но на их наружной поверхности следов огня не отмечено. Поэтому считать их кухонными нет никаких оснований. На некоторых корчагах из Джейтуна, Чопан-депе, Песседжик-депе и Чагыллы-депе имелись следы копоти с внутренней стороны, что, возможно, связано с выгоранием содержимого. По всей вероятности, для приготовления пищи глиняные сосуды не ставили непосредственно на огонь, а устанавливали на перекрытые очаги. Если так, то, естественно, кухонные сосуды могли и не сохранить следов копоти.

Кроме того, во всех поселениях джейтунской культуры встречаются в большом количестве растрескавшиеся обожженные камни. В. М. Массон считает, что поселенцы времен джейтунской культуры бросали накаленные камни в сосуды, чтобы подогреть их содержимое.

Уже в пору джейтунской культуры для изготовления сосудов использовали различные породы камней. Каменные сосуды были найдены на Чопан-депе, Чагыллы-депе, Монжуклы-депе и др. (рис. 7).

Теперь переходим к характеристике керамики культуры Анау I-A. Так как керамика этого времени не получила широкого освещения в литературе, необходимо дать полное ее описание не только по каждому памятнику в отдельности, но и по их стратиграфическим залежаниям. Известно, что керамика культуры Анау I-A существенно отличается от глиняной посуды предшествующего времени и связывается с пришлыми элементами. Наиболее древним памятником культуры Анау I-A является поселение Чакмаклы-депе, поэтому характеристику керамического материала необходимо начинать именно с него.

Как отмечено выше, в стратиграфическом шурфе 1963 года и стратиграфическом раскопе 1968 года были вскрыты 5 строительных горизонтов. В самом нижнем, пятом, строительном горизонте, керамика не встречалась. Материал, обнаруженный в четвертом сверху строительном горизонте, представлен в основном фрагментами керамики, по которым можно наметить формы сосудов. Это различные варианты тон-

костенных чаш со слегка вогнутым вовнутрь (рис. 8, 22), реже плоским дном. Венчики — заостренные и прямые, иногда слегка вогнуты внутрь. Эти сосуды, несмотря на ручную технику их изготовления, выглядят очень изящными. Большинство их имеет весьма тонкие стенки, изготовлены из хорошо отмученной светлой глины с добавлением мелкого песка. Некоторые сосуды покрыты красновато-желтым или светлым ангобом, а иногда и лощением. Обжиг их неплохой, хотя встречаются черепки с красными оттенками — результат неравномерного обжига. Из найденных на этом горизонте (раскопки 1963, 1968 годов) 75 фрагментов, только 13 имеют роспись. Из расписных — 8 фрагментов имеют рисунок, состоящий из параллельных горизонтальных линий, опоясывающих сосуд по венчику. Вдоль верхней линии расположены треугольники вершинами вниз, а вдоль нижней линии — треугольники вершинами вверх. Все треугольники заполнены косой сеткой. При этом верхние и нижние треугольники отделены друг от друга лентами (рис. 9, 14—15, 18—19). Один фрагмент имел орнамент в виде треугольников и ромбов, заполненных косой сеткой (рис. 8, 29), а второй — широкую полосу у венчика. На одном фрагменте у венчика расположена ломаная линия (рис. 9, 4). Подобный фрагмент встречен и на поздней фазе джейтунской культуры (Баши). На двух фрагментах орнамент состоял из косой сетки, опоясывающей верхнюю часть сосудов (рис. 9, 16, 17).

В культурных слоях третьего сверху строительного горизонта из двух раскопок найдено всего 92 фрагмента керамики, из них 23 орнаментированных. Из расписных — 12 фрагментов имели рисунок в виде двух рядов треугольников, расположенных вдоль венчика и заполненных косой сеткой. Верхние и нижние треугольники отделены друг от друга часто одной (рис. 9, 12) или двумя (рис. 9, 1, 10, 12—13), а в одном случае — тремя параллельными лентами (рис. 8, 19). Три фрагмента были расписаны нешироким поясом решетки у венчика (рис. 9, 3, 7, 11). В одном фрагменте от венчика вниз идут прямые ленточки с закругленными концами (рис. 8, 16), а в двух других — горизонтальные линии, опоясывающие сосуд по венчику, между которыми расположена ломаная линия (рис. 8, 20, 22). На одном фрагменте между параллельными линиями у венчика расположены вертикальные зигзаги. Имеется два рисунка с изображением в виде пояса косых параллельных линий у венчика (рис. 9, 8—9), а также в виде широких пересекающихся полос, образующих треугольные и ромбовидные фоновые просветы (рис. 9, 5). В двух экземплярах встречен рисунок в виде рядов треугольников у венчика, заполненных косыми параллельными линиями (рис. 8, 18; рис. 9, 12а).

Из найденных 28 фрагментов (шурф 1963 года) глиняной посуды из второго строительного горизонта 10 имели орнамент. Два фрагмента были расписаны двумя рядами треугольников, расположенных вдоль венчика и заполненных косою решеткой (рис. 8, 1, 4), в одном из которых верхние и нижние треугольники отделены друг от друга полосой (рис. 8, 4). На одном фрагменте у венчика расположены ряды треугольников, вершинами вниз, заполненные косою сеткой, между которыми образуются вытянутые треугольные фоновые просветы (рис. 8, 15), на другом сосуде треугольники заполнены косыми параллельными линиями (рис. 8, 3). На трех фрагментах верхняя часть опоясывает параллельные полосы, между которыми расположены косые линии, образующие треугольные фоновые просветы (рис. 8, 5, 7—8, 14). Одна большая чаша с вертикальными стенками расписана нешироким поясом косою сетки у венчика (рис. 8, 2), у последней — рисунок состоял из различных перпендикулярных линий, образующих треугольные просветы (рис. 8, 6).

Во втором сверху строительном горизонте наряду с керамикой типа Анау I-A встречаются фрагменты толстостенных сосудов с растительной примесью типа Анау I-B (Намазга-I), среди которых имеются большие чаши (рис. 8, 17), фрагменты корчагообразных сосудов с утолщенным венчиком (рис. 8, 13), фрагменты небольших чаш (рис. 8, 11) и мисок (рис. 8, 9). Некоторые сосуды имели ручки в виде полуовальных напелов (рис. 8, 12). Самый верхний, первый строительный горизонт, фактически полностью развеван, а керамический комплекс аналогичен керамике второго горизонта. Во время вскрытия планировки второго строительного горизонта был найден большой керамический материал. Как и в нижних горизонтах, керамика представлена фрагментами. По наиболее крупным из них удалось установить только одну форму сосудов — разнообразные варианты чаш. Они в основном округленной или полусферической формы с сужающимися книзу стенками, слегка вогнутыми внутрь (рис. 10, 40, 43), реже плоским дном (рис. 10, 42). Венчики, как правило, заострены и прямые (рис. 10, 1—2), но встречаются и слегка вогнутые вовнутрь.

Основная масса керамики светлого фона, но изредка встречаются фрагменты, покрытые красным или коричневым ангобом, или просто краской, а иногда даже лощением. Роспись наносилась красной охрой, следы которой можно видеть на многих каменных ступах и терках. После обжига эти краски получали черный, темно-коричневый или бурый оттенок. Наиболее распространенными орнаментальными мотивами по-прежнему являются различные мелкие треугольники, заштрихованные в косою сетку. 16 фрагментов имели рисунок в виде

двух рядов треугольников, заполненных кривой сеткой. В верхних рядах треугольники расположены вершинами вниз, а в нижних — вершинами вверх (рис. 10, 35; рис. 11, 5—6, 28, 33—34; рис. 12, 6, 8, 11, 18). Разновидностью этого орнаментального сюжета является отделение треугольников косыми параллельными лентами. Верхние и нижние треугольники отделены друг от друга в 15 фрагментах одной (рис. 10, 19; рис. 11, 4, 39; рис. 12, 16, 23), 9 фрагментах двумя (рис. 10, 15, 21, 25; рис. 11, 26; рис. 12, 15), а в трех случаях — тремя параллельными лентами. В некоторых случаях треугольники заполнены не сеткой, а косыми параллельными линиями (рис. 10, 23; рис. 11, 9, 29, 31, 35, 43; рис. 12, 2, 7). На 12 фрагментах различных чаш имеется рисунок в виде рядов заштрихованных треугольников вершинами вниз, расположенных между параллельными полосами у верхней части сосуда (рис. 10, 15, 21, 25, рис. 11, 26; рис. 12, 15), а на других 6 фрагментах аналогичные треугольники расположены вершинами вверх (рис. 11, 46; рис. 12, 17). На 11 фрагментах имеется орнамент в виде рядов треугольников вершинами вниз, заполненных косыми линиями, расположенными также между параллельными полосами, опоясывающими верхнюю часть сосуда (рис. 10, 8; рис. 11, 3), а в трех других фрагментах с аналогичной орнаментацией треугольники расположены вершинами вверх (рис. 10, 17, 29; рис. 11, 13). Есть фрагменты с рисунками вышеописанного типа, но треугольники заполнены не кривой параллельной линией, а горизонтальными полосами (рис. 10, 16; рис. 11, 14). Между всеми этими треугольниками образуются треугольные фоновые просветы. На 6 фрагментах две параллельные линии опоясывают сосуд по венчику, между которыми расположена ломаная линия, образующая треугольные фоновые просветы (рис. 10, 1—2; рис. 11, 27, 30; рис. 12, 21), а на одном фрагменте эти просветы заполнены лентами, образующими треугольники (рис. 10, 6). На 14 фрагментах — сдвоенные косые линии (рис. 11, 10, 15—16, 19—20, 25, 41), а в 16 фрагментах — строенные (рис. 10, 3, 36; рис. 11, 21, 24) образуют ряды треугольных фоновых просветов. В одном случае эти строенные линии поперечными полосами превращены в решетку (рис. 10 9), а в другом — некоторые треугольные просветы заполнены горизонтальными параллельными полосами (рис. 10, 4). Вторым наиболее распространенным орнаментальным мотивом являются различные варианты ромбов. На 5 фрагментах орнамент состоит из двух рядов заштрихованных треугольников, соединенных вершинами так, что они образуют ромбовидные просветы (рис. 10, 26, 28, 31; рис. 11, 38, 40). В одном случае ромбовидный просвет образован в результате пересечения строенных линий (рис. 11, 32). Имеются ромбы с сетчатым заполнением (рис. 12,

23). Около 10 обломков имели рисунок в виде пересекающихся ломаных линий, образующих треугольные и ромбовидные просветы (рис. 11, 8, 12, 23). Близок к этому сюжету орнамент в виде крупной косой сетки (11 экз.), образующей также ромбовидные просветы (рис. 11, 1; рис. 5, 1, 20). На 17 фрагментах рисунок состоит из мелкой сетки, опоясывающей верхнюю часть сосуда (рис. 10, 30, 34, 37). Имеется (4 экз.) рисунок в виде пояса косых параллельных линий у венчика (рис. 10, 18, 33, 38; рис. 11, 2). На одном фрагменте с аналогичной орнаментацией ниже пояса расположен пучок косых полос (рис. 12, 4). На некоторых небольших чашах (4 экз.) рисунок состоял из различных перпендикулярных линий, образующих треугольные просветы (рис. 11, 22, 44—45; рис. 12, 3). Имеются рисунки в виде лесенки (3 экз.), поставленные с наклоном, которые в одном случае образуют треугольные просветы (рис. 10, 11), а в двух экземплярах между лесенками расположены заштрихованные треугольники (рис. 10, 7). Имеются некоторые другие виды рисунков, которые впервые зародились еще в пору джейтунской культуры и более широко распространились в пору развитого и позднего энеолита. Из них, в первую очередь, следует назвать рисунок в виде стилизованного дерева, найденный в трех экземплярах (рис. 10, 24, 27). В единичных экземплярах встречаются рисунки, состоящие из вертикальных параллельных (рис. 11, 11) или горизонтальных параллельных полос (рис. 10, 39).

Таким образом, орнаментация находок из поселения Чакмаклы-депе существенно отличается от мотивов росписи джейтунской культуры более сложным и разнообразным рисунком, хотя изредка встречаются рисунки, характерные именно для поселений средней и поздней фаз джейтунской культуры.

Вторым памятником является поселение Монжуклы-депе, расположенное в 4 км северо-западнее Чакмаклы-депе*. Здесь найден большой керамический материал. На 15 штыке от дневной поверхности встречено значительное количество фрагментов расписной посуды типа Анау I-A.

В четвертом строительном горизонте шурфа (1959 год)** найдено всего два обломка керамики типа Анау I-A (с характерной примесью песка), но из-за незначительности фрагмента форму и роспись установить не удалось.

В третьем сверху строительном горизонте обнаружено зна-

* Так как материалы о Монжуклы-депе опубликованы (сб. «Каракумские древности», вып. 3), ограничимся только общим описанием.

** Всего расчищено девять строительных горизонтов, из них четыре верхних относятся к культуре Анау I-A, а нижние — к неолитической джейтунской культуре.

чительное количество фрагментов керамики, по которым можно наметить формы сосудов. Это различные варианты тонкостенных чаш со слегка вогнутым внутрь, реже плоским, дном. Венчики заострены и прямые, иногда слегка вогнуты внутрь или отогнуты наружу. Имеются и широкогорлые чаши с прямым венчиком и резко сужающимися книзу стенками, а также чаши конической формы. Некоторые сосуды покрыты красновато-желтым, светлым или красным ангобом, а иногда — лощением. Облицовка служила фоном, на который наносился орнамент темно-коричневой или темно-бурой краской. Обычно украшена внешняя поверхность сосуда, но довольно часто встречаются образцы с двусторонней росписью. Обжиг неплохой, хотя встречаются черепки с черными оттенками — результат неравномерного обжига. Наиболее распространенными орнаментальными мотивами были различные треугольники и ромбы, заштрихованные в косую сетку. Внутри одного из них широкая вертикальная полоса, от края спускающаяся ко дну, с которой соединяются более узкие косые полосы, образуя как бы стебли дерева. Орнаментальные мотивы в виде частых или редких вертикальных параллельных линий, характерные для неолитической джейтунской культуры, появляются и в керамике времени Анау I-A, начиная с седьмого строительного горизонта.

Во втором сверху строительном горизонте найдено всего 22 фрагмента керамики, из которых подавляющее большинство расписные. Сравнительно большая чаша с сужающимся книзу туловом снаружи имела рисунок в виде двух параллельных линий, опоясывающих верхнюю часть сосуда, которые заполнены частыми косыми параллельными полосами. К нижней линии примыкают вершинами ряды треугольников. Изнутри у венчика нанесена горизонтальная полоса, а ниже — мелкие круглые пятнышки. Несколько фрагментов различных чаш снаружи имели рисунок в виде сетки или косой решетки, а снаружи — вертикальные параллельные линии, от венчика спускающиеся ко дну. Единственный раз встречены рисунки в виде залитых треугольников и косых параллельных полос, расположенных у венчика. Наиболее распространенными орнаментальными мотивами являются вертикально, горизонтально или косо расположенные широкие полосы.

В стратиграфическом шурфе 1959 года на уровне самого верхнего первого строительного горизонта найдено всего 27 фрагментов керамики. Большинство покрыто желтым, коричневым ангобом или лощением, но изредка встречаются фрагменты с красным фоном, украшенные снаружи или изнутри темно-бурой линией или решетчатой росписью.

Первый тип орнамента представлен в виде сетки. Имеются

разнообразные треугольники с сетчатым заполнением. Пять фрагментов небольших чаш с вогнутым внутрь краем имели рисунок, состоящий из горизонтальных линий, опоясывающих сосуд по венчику. Вдоль верхней линии расположены треугольники вершинами вниз, а вдоль нижней линии — треугольники вершинами вверх, заполненные косыми решетками. Другая чаша имела аналогичный рисунок, но со сплошной заливкой. Имеются узоры, состоящие из косых параллельных полос, расположенных в верхней части сосуда. Небольшая чаша с сужающимся книзу туловом снаружи имела рисунок в виде двух рядов треугольников, соединенных вершинами так, что они образуют ромбовидные просветы. Подобные рисунки широко распространяются в памятниках последующей эпохи Анау I-Б (Намазга I) и Намазга II. Имеются рисунки в виде вертикальных полос или от края спускающихся ко дну небольших лесенок, характерных для поздней фазы предшествующей джейтунской культуры (Бама). Большой керамический материал был собран при вскрытии верхнего строительного горизонта Монжуклы-депе.

Переходя к рассмотрению рисунков на этих сосудах, следует отметить, что имеются две группы орнаментальных мотивов. Первая группа мотивов росписи характерна только для комплексов Анау I-А, а вторая — зарождается в предшествующей джейтунской и продолжает бытовать в несколько измененном виде.

Наиболее распространенными орнаментальными мотивами являются заштрихованные треугольники и ромбы. Верхняя часть некоторых чаш украшена двумя горизонтальными рядами треугольников, заштрихованных в косую решетку. В одной из них орнаментирована и внутренняя поверхность, состоящая из толстой вертикальной полосы, к которой примыкают более тонкие, наклонно идущие параллельные линии. Этот рисунок напоминает стилизованное изображение дерева.

Подобные рисунки впервые появляются в предшествующей джейтунской культуре и распространяются в памятниках последующих эпох (Акча-депе).

Вторым наиболее распространенным орнаментальным мотивом являются различные вариации залитых треугольников. Небольшая глубокая чаша с тонкими стенками и прямым заостренным венчиком с внешней стороны была сплошь покрыта орнаментом, верхняя часть украшена двумя рядами залитых треугольников. Верхний ряд расположен вершинами вниз, а нижний — вершинами вверх, которые разделены лентами.

От нижней части этих треугольников ко дну спускаются постепенно расширяющиеся вертикальные полосы, которые напоминают вертикальные ряды чрезвычайно растянутых и отстоящих далеко друг от друга силуэтных треугольников.

Другая, сравнительно большая чаша, имевшая снаружи орнамент описанного выше типа, изнутри украшена рисунками в виде широких полос. Третья, довольно большая чаша, снаружи имела аналогичный рисунок, лишь только верхние ряды треугольников разделены двумя параллельными лентами. Одна чаша средней величины украшена как с внешней, так и с внутренней стороны. Верхняя часть внешней стенки украшена двумя рядами залитых треугольников; к основанию нижнего ряда примыкает ряд аналогичных треугольников вершинами вверх, изнутри изображена прямая вертикальная полоса, к которой сходятся косые параллельные ленты, что, возможно, было стилизованным изображением дерева. Есть сосуды, украшенные широкими вертикальными полосами, а на других сосудах эти полосы имеют прямоугольные или ромбовидные просветы. Все вышеописанные рисунки, состоящие из разнообразных вариантов залитых треугольников, получают широкое распространение в памятниках развитого и позднего энеолита (Дашлыджи-депе, Геоксюр I). Из орнаментальных мотивов, характерных поздней фазе джейтунской культуры, прежде всего следует отметить рисунок в виде частых параллельных линий, пересеченных редкими полосами. Одна чаша снаружи имела рисунок в виде частых вертикальных линий с редким перехватом, а изнутри — вертикальных волнистых линий. Чаши и корчаги с аналогичными рисунками встречены на поселении Чагыллы-депе. Имеются рисунки в виде пересекающихся полос и различные варианты лесенок, которые также зарождаются впервые в поздней фазе джейтунской культуры (Баши и Чагыллы-депе).

Как отмечено выше, имеются подъемные сборы керамики типа Анау I-A (с примесью песка) с поселения Монжуклы-депе.

Керамика из подъемных сборов и из небольшого шурфа представлена фрагментами, по которым восстанавливается их форма. Это различные варианты тонкостенных и толстостенных чаш со слегка вогнутым внутрь (рис. 13, 21) или плоским дном (рис. 13, 6—9). Венчики заострены и прямые (рис. 13, 4—5, 17—19). Большинство сосудов имеют светлый фон, но единичные экземпляры покрыты красновато-желтым или светлым ангобом, а иногда и лощением. Почти все найденные обломки имели двухстороннюю роспись. Фрагмент довольно большой чаши имел снаружи рисунок в виде трех наклонно расположенных параллельных линий, образующих треугольные просветы, а изнутри — редкие вертикальные полосы, идущие от венчика до дна (рис. 13, 1). Другой обломок аналогичной чаши украшен снаружи сильно растянутыми силуэтными треугольниками, внутри которого имеется рисунок в виде стилизованного дерева (рис. 13, 2). Большая чаша с прямым

венчиком и сужающимися ко дну стенками снаружи имела рисунок в виде решетки, а внутри — вертикальные линии (рис. 13, 2). Фрагмент небольшой чаши расписан только снаружи рисунком вертикально поставленных лесенок. Из-за незначительности и сильной окатанности некоторых фрагментов их форму и орнаментальный мотив установить не удалось. Керамика с поселения Монжуклы II по материалу, форме, орнаментации не отличается от керамики расположенного рядом хорошо изученного поселения Монжуклы-депе. Лишь здесь в процентном соотношении больше преобладают мотивы, характерные для поздней фазы джейтунской культуры.

Интересный керамический материал времени Анау I-A имеется из Каушутского поселения, находящегося у одноименной станции Ашхабадской ж. д.*

Как отмечено выше, в стратиграфическом шурфе (1959—1960), разделенном на три слоя, самый нижний строительный горизонт относится к культуре Анау I-A. По наиболее крупным фрагментам удалось установить только одну форму — разнообразные варианты чаш. Они в основном имеют округленную или полусферическую форму с суживающимися книзу стенками, слегка вогнутыми внутрь, иногда плоскими донцами. Венчики, как правило, заострены и прямые, но встречаются слегка загнутые внутрь или наружу.

Как видно, наиболее распространенными орнаментальными мотивами становятся мелкие треугольники, часто заштрихованные в косую сетку, а иногда и силуэтные. Верхняя часть одной небольшой чаши украшена двумя горизонтальными рядами заштрихованных треугольников. Верхний ряд треугольников расположен вершинами вниз, а нижний ряд — вершинами вверх. В некоторых чашах у венчика идут два ряда силуэтных треугольников, которые попарно сомкнуты вершинами и образуют ромбические фоновые просветы, а в других чашах с подобной орнаментацией у венчика, ниже расположены дополнительные рисунки в виде двух рядов заштрихованных треугольников, в которых верхний ряд расположен вершинами вниз, в нижнем — вершинами вверх. У одной сравнительно большой чаши полусферической формы у венчика также идут два ряда силуэтных треугольников, которые попарно сомкнуты вершинами, а ниже расположена горизонтальная полоса, от которой вниз с наклоном идет заштрихованная лента. В некоторых сосудах по тулову идут горизонтальные, а иногда с небольшим наклоном параллельные линии, заполненные кривой решеткой. В одной небольшой чаше со слег-

* Так как статья о Каушутском поселении уже опубликована в журнале «Известия АН ТССР», 1972, № 2, описание керамики этого памятника дается в общих чертах.

ка округленной стенкой идут две параллельные линии, заполненные спаренными пересекающимися лентами, которые образуют ромбические и треугольные фоновые просветы. Встречаются и разные варианты залитых треугольников. В одной чаше у поддонной части расположен ряд залитых треугольников, вершинами вверх. У других — встречаются в виде редких вертикальных параллельных пересекающихся полос. Столь же популярны узоры из косых параллельных полос. Имеются и другие виды орнаментации, которые из-за незначительности фрагментов не поддаются определению.

Первым памятником, давшие керамику типа Анау I-A, являются нижние слои северного холма Анау. Как видно из раскопа Р. Пампелли и Х. Шмидта (1904), а также из стратиграфического шурфа С. А. Ершова (1953), вся керамика представлена фрагментами различных чаш. Имеются чаши типа больших и малых пиал с плоским (рис. 1, 10) или слегка вогнутым внутрь (рис. 1, 7) дном, реже на усеченно-коническом поддоне. К этой же группе относятся редкие остродонные сосуды (рис. 2, 13). Все эти группы сосудов, несмотря на ручную технику изготовления, выглядят очень изящными. Они имеют тонкие стенки (в некоторых случаях толщиной не более 1,5—2 мм), изготовленные из хорошо отмученной красной глины с добавлением в нее небольшого процента мелкого песка. Обжиг их равномерный, черепок плотный. Сосуды покрыты красным ангобом, а иногда и лощением; богато расписаны темно-бурой, почти черной, краской.

В большинстве фрагментов (типа Анау I-A) из раскопок 1904 года орнаментальный фриз состоял из цепочки заштрихованных треугольников или ромбов, которые сочетались с идущей вдоль венчика полосой. Последняя имеет ромбические просветы, не заполненные краской. В некоторых сосудах орнаментальными мотивами являются вертикальные зигзагообразные линии, заключенные в прямоугольную рамку и без рамок. Фрагменты сосудов с аналогичными рисунками встречены и в шурфе 1953 года. Среди керамической коллекции С. А. Ершова имеются и другие виды орнаментальных мотивов. На одном фрагменте орнамент состоял из цепочки заштрихованных ромбов с ромбовидными просветами (рис. 14, 8). На одной чаше с округленными стенками имеется рисунок в виде цепочки заштрихованных треугольников, расположенных в верхней части сосуда между двумя горизонтальными параллельными полосами (рис. 14, 11). У чаши с округленными стенками и чуть отогнутым наружу венчиком орнамент состоял из сплошного покрытия внешней поверхности сосуда бурой краской, лишь незначительными ромбовидными просветами (рис. 14, 6). Две миниатюрные чаши с тон-

кими стенками с внешней стороны имели рисунок в виде горизонтальной полосы, идущей вдоль венчика, в которой оставлены треугольные просветы, не заполненные краской (рис. 14, 2, 12). На одной чаше имеется рисунок в виде ломаных линий, идущих вдоль венчика (рис. 14, 3), а у другой — ломаная линия расположена между параллельными горизонтальными полосами, опоясывающими верхнюю часть сосуда (рис. 14, 15). В небольшом количестве имеются ленточные узоры в различных вариациях (рис. 14, 1, 4—5, 14).

На поселении Овадан-депе имелись слои различных периодов. Оказалось, что древнейший культурный слой, который лежит на грунте, состоящем из речного ила, относится к культуре Анау I-A. Вся глиняная посуда из этого слоя, так же как и в других поселениях этого времени сделана вручную с добавлением мелкого песка. Керамика представлена только чашами. Они имеют округленную слегка сужающуюся книзу форму и плоское дно (рис. 15, 10), а некоторые чуть вогнуты внутрь (рис. 1, 15, 15). В некоторых чашах поддонная часть при переходе к тулову имеет небольшой уступ. Венчики, как правило, заострены и слегка загнуты внутрь (рис. 15, 7, 16), а в некоторых случаях поставлены прямо (рис. 15, 14). Диаметр верхней части их варьирует от 12 до 16 см, диаметр дна — 6—8 см. Из имеющихся 25 фрагментов керамики этого слоя 15 имели роспись. Орнаментирована только внешняя стенка, а внутренняя иногда имела неширокую горизонтальную полосу у венчика. На четырех фрагментах имеется рисунок в виде двух рядов треугольников, соединенных вершинами так, что они образуют ромбовидные просветы. Ниже расположены цепочки заштрихованных треугольников и ромбов, внутри которых также образованы треугольные и ромбовидные просветы (рис. 15, 1, 3, 7, 18). На пяти фрагментах также имеется аналогичный рисунок, только без полосы, с ромбическими просветами у венчика (рис. 15, 4—5, 8, 14, 17). Одна небольшая чаша украшена полосой, идущей по венчику, у которой оставлены ромбические просветы, не заполненные краской (рис. 15, 12). На двух фрагментах вся внешняя поверхность покрыта незаштрихованными треугольниками и ромбами, между которыми образованы ромбовидные просветы (рис. 15, 2, 16). На одном фрагменте орнамент состоял из группы вертикальных ломаных линий (рис. 15, 6), а на двух других чашах имеется рисунок в виде косых параллельных линий (рис. 15, 9, 13).

У основания холма Гавыч-депе была собрана богатая коллекция керамики типа Анау I-A. И здесь керамика представлена различными вариантами чаш. Имеются чаши со слегка вогнутыми вовнутрь стенками (рис. 16, 31—33), реже плоским дном (рис. 17, 6). Венчики обычно заостренные и пря-

мые (рис. 16, 11). Встречаются венчики, слегка вогнутые вовнутрь (рис. 17, 23), еще реже — отогнутые наружу (рис. 17, 22). Большинство из них имеет весьма тонкие стенки, изготовлены они из хорошо отмученной красной глины с добавлением в нее мелкого песка. Обжиг неплохой, хотя встречаются черепки с темным оттенком — результат неравномерного обжига. Из расписных 7 фрагментов имеют рисунок в виде двух рядов треугольников, соединенных вершинами так, что они образуют ромбические просветы. Ниже от них расположены заштрихованные в косую сетку различные геометрические фигуры, образующие треугольные и ромбовидные просветы (рис. 16, 1—5, 11, 22). На других пяти фрагментах с рисунком в виде заштрихованной геометрической фигуры отсутствовала у венчика полоса с ромбовидными просветами (рис. 16, 8, 10, 15, 27, 29). На одном фрагменте геометрические фигуры образованы чередующимися лентами с сетчатым заполнением и полосами со сплошной заливкой (рис. 16, 7). Одна довольно большая чаша украшена с обеих сторон. Снаружи, в верхней части, расположены ряды сильно растянутых заштрихованных треугольников, а ниже — ряды ромбов с просветами в центре. Ромбы образованы лентами с сетчатым заполнением и полосами со сплошной заливкой; последний имеет редкие ромбические просветы. Изнутри имеется рисунок в виде остроугольника, образованного спаренными линиями (рис. 16, 9). В одном случае ряды заштрихованных в косую сетку треугольников, расположенных вершинами вверх, опоясывают тулово сосуда (рис. 16, 13), а в другом — заштрихованные треугольники вершинами вниз — расположены у венчика (рис. 16, 35).

На двух фрагментах имеется орнамент в виде двух рядов заштрихованных в косую сетку треугольников, соединенных вершинами так, что образуют цепочку ромбовидных просветов (рис. 16, 14, 19). На двух фрагментах рисунок состоит из лент со сплошной заливкой, которые образуют геометрические фигуры (рис. 16, 30, 34). На трех фрагментах орнамент состоял из группы вертикальных ломаных линий (рис. 16, 20, 21, 26), а на одном — горизонтальные ломаные линии (рис. 16, 24).

К этой группе орнаментальных мотивов относится встреченный на одном экземпляре рисунок в виде вертикальных рядов дуг, заключенных в рамку (рис. 16, 25). На одном фрагменте рисунок состоял из ломаных линий, заключенных между двумя параллельными лентами, опоясывающими верхнюю часть сосуда (рис. 16, 18). Небольшая чаша имела рисунок в виде двух рядов залитых треугольников, опоясывающих венчик. Верхний ряд расположен вершинами вниз, а нижний ряд — вершинами вверх (рис. 16, 12), а на другой чаше с

аналогичной росписью треугольники разделены полосами (рис. 16, 28). Одна небольшая чаша украшена рисунком в виде двух рядов крупных залитых треугольников, соединенных вершинами (рис. 17, 8, 13, 18, 22). Одна чаша конической формы имела рисунок в виде цепочки сильно растянутых ромбиков со сплошной заливкой, которая опоясывает ее верхнюю часть, а другая — рисунком напоминает шахматную доску (рис. 17, 14).

Широко распространены ленточные рисунки, пересекающиеся ленты со сплошной заливкой, которые образуют геометрические фигуры (рис. 17, 1—5, 9—10, 15—16). В единичных экземплярах встречены рисунки в виде лесенки (рис. 17, 11) и вертикальных параллельных линий, которые характерны для поздней фазы джейтунской культуры.

В настоящее время самой западной точкой, где встречена керамика типа Анау I-A, является поселение на 73-м километре автодороги Ашхабад — Бахарден. Керамика из этого поселения очень близка сосудам Анау, Овадан-депе и Гавыч-депе. Наиболее распространенная форма — это полусферические тонкостенные чаши, покрытые красным ангобом, изредка лощением. Наряду с плоскими донцами (рис. 18, 19) часто встречаются вогнутые внутрь поддоны (рис. 18, 4, 10—11).

Наиболее распространенными мотивами являются заштрихованные геометрические фигуры. Чаша округленной формы имела рисунок в виде рядов заштрихованных внутри сеткой треугольников, которые расположены цепочкой в верхней части сосуда (рис. 18, 20). Некоторые сосуды украшены различными фигурами, заштрихованными внутри кривой сеткой с треугольными и ромбовидными просветами (рис. 18, 6—7, 13, 16—17). Верхняя часть большой чаши полусферической формы украшена сеткой (рис. 18, 5), другая аналогичная чаша имеет рисунок в виде широкой полосы с редкими ромбовидными просветами, опоясывающими тулово сосуда (рис. 18, 1, 2), а в третьей — пространство выше полосы заполнено кривой сеткой (рис. 18, 21). На одной довольно большой чаше строенные линии, заключенные между горизонтальной полосой, опоясывающей тулово сосуда и венчик, образуют треугольные просветы (рис. 18, 9). В единственном экземпляре встречен рисунок в виде группы вертикальных ломаных линий (рис. 18, 24). В нижних слоях вместе с керамикой типа Анау I-A встречено несколько фрагментов керамики типа прикаспийского неолита. Некоторые из них имеют прямые стенки, утолщенный, чуть отогнутый снаружи венчик (рис. 18, 14). Изготовлены они из серой глины и украшены вдавливанием и царапинами.

В заключение можно сказать, что древнейшей керамикой Южного Туркменистана являются глиняные сосуды поселения

неолитической джейтунской культуры, в тесте которых отмечена большая примесь мелкорубленной соломы. Отделка этой керамики грубая, обжиг слабый, орнаментация однообразная. По фактуре, формам и орнаментации от керамики джейтунской культуры существенно отличается керамика культуры Анау I-A, что объясняется определенными историческими событиями. Характерной особенностью является тот факт, что в тесте уже нет растительной примеси, а ее заменяет песок. Растительная примесь в фактуре керамики вторично лишь появляется в период Анау I-B — Намазга I.

Следует отметить, что до последнего времени вся донамазанская керамика с примесью песка, независимо от ее географического расположения и, несмотря на имеющиеся различия в орнаментальных мотивах, обобщенно относилась к комплексу Анау I-A, что в настоящее время требует уточнения.

Имеющиеся материалы дают возможность предполагать, что к конкретному археологическому комплексу Анау I-A относятся нижние слои Анау, Каушут, Гавыч-депе, Овадан-депе и поселения на 73-м километре автодороги Ашхабад — Бахарден. Их всех объединяет наличие на керамике рисунка в виде двух рядов треугольников, соединенных вершинами так, что они образуют ромбические просветы или полосы с редкими ромбовидными просветами.

Обычно на сосудах с такой орнаментацией, опоясывающей верхнюю часть, ниже расположены различные геометрические фигуры, образованные лентами с сетчатым заполнением. На керамике перечисленных поселений имеются рисунки в виде группы вертикально или горизонтально расположенных ломаных линий ленточной росписи. Эти мотивы совершенно неизвестны на поселении Монжуклы-депе, находящемся далеко на юго-востоке. Но керамика Чакмаклы-депе, находящаяся недалеко от последнего, как будто имеет большую аналогию с керамикой Анау, нежели с Монжуклы-депе. И здесь характерными орнаментальными мотивами являются различные заштрихованные внутри геометрические фигуры, ломаные линии и ленточные рисунки. Но в керамике Чакмаклы-депе отсутствуют залитые треугольники или ромбы. Керамика Чакмаклы-депе также имеет преимущественно светлый фон, хотя встречается в единичных экземплярах и краснофоновая, а керамика других поселений интересующего нас времени в основном имела красный фон.

Так как в керамике Чакмаклы-депе нет или имеется совсем незначительное количество признаков джейтунской культуры, выше было высказано предположение, что Чакмаклы-депе относится к ранней стадии культуры Анау I-A. Видимо, близки по времени к Чакмаклы-депе и остальные поселения, кроме Монжуклы-депе.

Хотя в керамике Монжуклы-депе много мотивов, перекликающихся с орнаментальными сюжетами вышеперечисленных поселений, но в нем часто встречаются рисунки пересекающихся полос, вертикальные линии, горизонтальные ленты, силуэтные треугольники, лесенки, частые горизонтальные линии с редкими вертикальными пересечениями, которые характерны для поздней фазы джейтунской культуры. Особенно показательны сосуды с плоским дном, от которого идут вверх по тулову вертикальные полосы.

Керамические формы более разнообразны по сравнению с посудой Чакмаклы-депе. Видимо, смешанный стиль в орнаментации Монжуклы-депе является результатом взаимной ассимиляции местных и пришлых элементов и относится к поздней фазе Анау I-A.

Глиняные поделки. Из глины, кроме посуды, изготавливались различные поделки. Из них, в первую очередь, нужно отметить найденные в большом количестве диски. Их особенно много в памятниках джейтунской культуры, хотя изредка встречаются и в поселениях времени Анау I-A. Все они изготовлены из фрагментов глиняных сосудов и поэтому часто с одной стороны выпуклые, а с другой — поверхности вогнутые (рис. 12, 32). Форма их округлая, а иногда встречаются и овальные, края грубо выровнены. Диаметр колеблется от 3 до 6 см. Диски из памятников времени Анау I-A, Овадан-депе и Чакмаклы-депе (рис. 12, 30—31, 33) более миниатюрны и изящны. Некоторые из них имеют отверстия в центре, сделанные путем двухстороннего сверления.

К этой группе изделий относятся и сравнительно мелкие диски из необожженной глины из поселения Чагыллы-депе. Диаметр их не превышает 3 см, толщина — 0,2—0,4 см. Они с обеих сторон выпуклые, некоторые из них покрыты красной краской.

Вопрос о назначении этих дисков, найденных в древних земледельческих поселениях Южного Туркменистана, пока не поднимался. Возможно, крупные диски с отверстиями в центре были связаны с зарождением ткачества, являясь примитивными пряслицами. Во всяком случае, позднее (время Анау I-A) с появлением глиняных пряслиц, количество дисков резко сокращается. Не исключено, что часть из них (миниатюрные диски без отверстий) могла быть связана с какой-то игрой и употреблялась в качестве фишек. Во всех поселениях джейтунской культуры были найдены также поделки конической формы то из обожженной, то из необожженной глины. Некоторые из них были в форме усеченного конуса (рис. 19, 20), цилиндрические (рис. 19, 23), удлиненные (рис. 19, 18). К этой группе изделий относятся, возможно, и некоторые фигурки из шлифованного камня, найденные на

Джейтуне (рис. 19, 21). Эти керамические конусы обычно сильно заглажены от длительного употребления, особенно снизу.

Глиняные конусы широко распространены на поселениях джейтунской культуры (Массон, 1961), в Сиалке (Girshman R., 1938) на памятниках трипольской культуры (Бибииков, 1953, стр. 82—83), но в поселениях культуры Анау I-A встречены единичные экземпляры. Большинство авторов (Бибииков, Семенов, Массон) склонны усматривать в конусах игральные «фишки».

Среди прочих глиняных поделок следует отметить круглые шарики (рис. 19, 19) и ядра биконической формы, возможно, употреблявшиеся в качестве метательного орудия для пращи. В Южном Туркменистане подобные ядра впервые встречаются в верхних горизонтах Чагыллы-депе (позднее, фаза джейтунской культуры) и широко распространяется в поселениях более позднего времени — в геоксюрской группе энеолитических памятников (Сарианиди, 1961) и на Кара-депе (Массон, 1961).

Маленькие шарики, встречающиеся во всех поселениях древнеземледельческой культуры, вероятно, были заготовками для глиняных бус.

К керамическим поделкам относится глиняная подставка на конической ножке, найденная на поверхности поселения Джейтун. В 1959 году подобная подставка найдена в слое этого поселения. Аналогичные подставки встречены также при раскопках памятников Новая Ниса, Чагыллы-депе, так что они вполне могут быть отнесены к неолитической джейтунской культуре.

В поселениях культуры Анау I-A, как уже говорилось, найдено много керамических пряслиц. Наиболее распространена коническая форма, обычно со слегка уплощенным верхом (рис. 8, 23, 24) и сквозным отверстием. Имеются экземпляры округленной (рис. 12, 16), овальной (рис. 12, 39) и биконической формы (рис. 9, 26—27). Нижняя сторона обычно с воронкообразным углублением (рис. 12, 36), реже уплощена и еще реже выпуклая. Обычно они изготовлены из светлой глины, хотя встречаются красноглиняные экземпляры хорошо обожженные. Большинство пряслиц не имеет орнамента, хотя изредка встречаются орнаментированные. Среди пряслиц из Чакамклы-депе имеются экземпляры с расписными рисунками в виде рядов залитых треугольников (рис. 8, 25), что характерно для аналогичных изделий Сиалка. На поселениях Каушут, Овадан-депе найдены пряслица с орнаментом, выполненным простым выдавливанием или точечной техникой. На поселении Гавыч-депе встречены также аналогичные формы поделок, у которых отверстия не сквозные, а глухие (рис. 17,

25). Подобные изделия встречены при вскрытии помещения № 1 в поселении Геокюр. В. И. Сариниди допускает, что и они являлись пряслицами. Отсутствие сквозного отверстия было обусловлено своеобразным характером прядения (Сариниди, 1961, стр. 256). Не исключено, что они были глиняными навершиями булавок.

Антропоморфные и зооморфные статуэтки. По сравнению с остальным вещественным материалом из памятников джейтунской культуры и культуры Анау I-A, количество статуэток не особенно велико. Большинство из них встречено в обломках, но имеются и целые экземпляры. Большая часть статуэток выполнена из хорошо отмученной глины, меньшая часть — из глины более грубой и комковатой. Состав глиняного теста, из которого изготовлены статуэтки, не отличается от теста, употреблявшегося для выделки столовой посуды. Среди них имеются обожженные и необожженные. Обжиг фигурок различный. Очень редки статуэтки с хорошим обжигом, доведенным до предельной закалки. Большинство статуэток имеют средний обжиг, но встречаются и слабообожженные, которые отличаются рыхлостью теста, слабой механической устойчивостью и легко впитывают влагу.

Большинство статуэток подготовлено из светлой глины, но имеются и красноглиняные. Вариации расцветок, как и в керамике, во многом зависят от степени обжига.

Для некоторых статуэток (Чопан-депе) можно отметить и наличие ангоба, покрывающего поверхность фигурок коркой тонкоструктурной глины. Моделировка статуэток происходила ручным способом и часто из одного комка глины.

Небольшая часть статуэток изображает фигурки человека. Для всех фигурок характерна определенная стилизация и схематизация.

Особый интерес представляют две фигурки человека, найденные в разные годы с поселения Джейтуц. Они очень похожи друг на друга. Головка их не круглая, как обычно у статуэток в других древнеземледельческих поселениях Южного Туркменистана (Чакмаклы-депе) и Ближнего Востока (Джармо, Хассуна), а плоская, что хорошо заметно по отношению к шее, округлой в плане (рис. 19, 28). Лицо головки — плоское, слегка вытянутое, имеет овальное очертание и лишь сверху прямо срезано. Намечены только отдельные детали лица: нос в виде защипа, разделяющий лицо на две равные симметричные части и сильно выступающий подбородок.

Эти терракотовые фигурки очень своеобразны и отличаются от произведений мелкой терракотовой пластики других раннеземледельческих культур Южного Туркменистана. На Джейтуне найден торс небольшой женской статуэтки с кониче-

скими грудями. В вышеуказанных трех статуэтках отломаны нижние части и трудно судить, в какой позе они изображены.

На поселении Чопан-депе найдена всего одна фигурка сидящего человека, видимо женщины, изготовленная из красной глины. В аналогичной позе изображены антропоморфные статуэтки, найденные на втором и третьем строительных горизонтах Чагыллы-депе. Изготовлены они из светлой необожженной глины. Голова первой отбита. Статуэтки из третьего слоя Чагыллы-депе очень миниатюрны, поверхность ее заглажена и покрыта тонким слоем коричневого ангоба. Верх торца и конец правой ноги были отбиты.

Обе описанные статуэтки по форме живо напоминают каменный «амулет», по-видимому, также изображающий фигурку сидящей женщины с Джейтуна (Массон, 1961).

Две статуэтки женщин были найдены на поселении Чакмаклы-депе. У одной — лицо плоское, слегка вытянутое, ниже которого изображены конические груди. Небольшие выступы снизу имитируют ноги. Вторая фигурка изготовлена из необожженной глины. Головка ее лишена какой бы то ни было натуралистической формы и деталей лица. В стилизованной манере передано туловище, а ноги выглядят как коническое окончание туловища.

На поселении Чагыллы-депе встречена фишка из светло-серой, частично коричневой глины. От обычных конических фишек она отличается сдавленностью с боков и несколько прижатой верхушкой, в результате чего получилось нечто вроде головы. Фишку, по-видимому, можно считать сильно стилизованной статуэткой человека, аналогичной известным по подъемным сборам на Джейтуне (рис. 19, 16—17).

Сопоставляя пластику неолитического и раннеэнеолитического (Анау I-A) периода с более поздними энеолитическими (Намазга I, II) пластическими изображениями, нетрудно убедиться в их стилистической связи, хотя у последних встречаются более натуралистично выполненные экземпляры.

Фигурки животных во всех древнеземледельческих поселениях Южного Туркменистана изготовлены как из обожженной, так и из необожженной глины. Глина некоторых статуэток имеет примесь мелкорубленной соломы, но встречены отдельные экземпляры с плотным без примесей тестом. Обычно они небольших размеров (до 7 см в длину) и выполнены схематично и небрежно. Фрагментарность их еще более затрудняет определение вида животного. Голова в тех редких случаях, когда они сохранились, сделана в условной стилизованной манере, ноги спарены и лишь слегка раздвоены в нижней части. У некоторых фигурок сохранились очень маленькие короткие хвосты. Судя по коротким хвостам, можно предполагать, что они изображали в основном мелкий рогатый

скот, но есть фигурки, изображающие крупных животных. Некоторые зооморфные статуэтки Чагыллы-депе имели длинные шеи, на которых по верхней части специальными защипами образован невысокий гребень, возможно, имитирующий гриву лошади или кулана. В некоторых зооморфных фигурках тело передано без каких-либо деталей так же, как область ног, которая выгибается несколько вперед.

Среди фигурок животных встречаются и статуэтки схематично-натуралистического типа. В этих категориях статуэток передача изображений в большей или меньшей степени приближается к натуре. Из реалистично выполненных статуэток следует упомянуть козла с характерной бородой из светлой глины, найденного на Джейтуне.

Очень реалистично исполнена статуэтка большерогого быка, сделанная из светло-серой необожженной глины (Массон, 1961). Короткая треугольная морда переходит в массивную шею и грудь. Сохранившаяся часть рогов имеет серповидный изгиб, придавая морде сходство с головой буйвола. Небольшие выступы внизу имитируют ноги животного. Статуэтка была попорчена в древности. Фигурки быков с отбитыми рогами или массивные серповидные обломки рогов встречены при раскопках поселения Песседжик-депе и Чакмаклы-депе.

Заслуживают внимания два обломка фигурок животных среди подъемных сборов из поселения Джейтун и хранящиеся в фондах Отдела археологии АН ТССР. Один из них представлен в виде фрагментированной головы животного, возможно, зайца с четко моделированными деталями, изготовленными из светлой глины (рис. 19, 24). Короткая треугольная морда переходит в короткую шею с выпуклой грудью. Сохранились торчащие вверх ушки, а вдавливанием обозначены глаза.

Второй фрагмент, значительно меньших размеров, принадлежит передней части статуэтки животного. Голова — конической формы с торчащими ушами переходит в массивную шею, что, возможно, может быть изображением собаки.

Выделяются несколько фигурок животных (Джейтун, Чагыллы-депе), имеющих отверстия, проделанные, видимо, заостренными палочками или костью, что, по мнению В. М. Массона, имело магическое значение.

Интересна фигурка из необожженной светлой глины, изображающая, по-видимому, лошадь. Она была «убита» с помощью воткнутого в нее обломка заостренной кости. Эти «колотые раны», безусловно, были связаны с идеологическими представлениями древних земледельцев, о которых ниже будем говорить более подробно.

Все предполагаемые виды животных, отраженные в плас-

тике, представлены в остеологическом материале поселений древнеземледельческих культур Южного Туркменистана.

Количественное соотношение отдельных видов в пластике в известной мере соответствует и костным остаткам фауны. Интересно, что именно изображение мелкого скота является основным сюжетом глиняной пластики.

Украшения. При раскопках поселений раннеземледельческих культур изредка встречались различные украшения. Материалом для изготовления украшений служила кость, камень, глина, ракушки, зубы животных. Почти на всех поселениях джейтунской культуры найдены бусы, полученные распиливанием мелких трубчатых костей. Они имеют разнообразную форму, но преобладают удлиненные пронизки (рис. 19, 14). На поселениях Джейтун, Песседжик-депе и Тоголок-депе найдены костяные бусы в виде кольца (рис. 19, 5—6). Среди коллекции костяных бус Джейтуна имеются экземпляры, украшенные поперечными надрезами — желобками. Пиление трубчатых костей производилось кремневыми пилами, о чем свидетельствуют следы надпилов, сохранившихся на заготовках бус, найденных на Джейтуне и Песседжик-депе. Поверхность пронизок сильно залощена от постоянного соприкосновения их при ношении с одеждой или телом человека. Концы некоторых из них зашлифованы нитью.

Большинство бус сделано из камня (рис. 19, 3, 4). Бусы — округлой формы из белого камня (крававика) найдены как на поверхности поселений Джейтуна, так и из раскопок Чагыллы-депе. Россыпи крававика найдены в горах, в районе Заравшана Самаркандской области Узбекской ССР (Ферман, 1922, стр. 359). Аналогичную форму имел обломок бусины из черного камня, найденный на Чагаллы-депе и Тоголок-депе. В верхнем горизонте Чагыллы-депе найдена цилиндрическая бусина из бирюзы с отверстием, идущим параллельно короткой стороне.

В большом количестве встречаются (во всех поселениях) каменные шарики с хорошо отполированной поверхностью, видимо, являвшиеся заготовками для бус.

Встречаются бусы, выполненные как из обожженной, так и из необожженной глины (Чагыллы-депе, Песседжик-депе, Гавыч-депе). Наиболее распространенная форма глиняных бус — дыневидная, с продольным отверстием, реже округленная. Одна округлая бусина из Чагыллы-депе была изготовлена из хорошо отмученной светлой глины и покрыта красной краской. В единичных экземплярах встречены глиняные бусы веретенообразные и овальные. Одна миниатюрная бусина в виде кольца (Чопан-депе) была сделана из ископаемой каспийской ракушки.

Вторым видом украшений, встречающихся в древнеземле-

дельческих поселениях Южного Туркменистана, являются различные подвески.

Интересны подвески, сделанные из кости (Чагыллы-депе, Чопан-депе), по-видимому, из ребер мелких животных (поверхность костей хорошо отполирована). Подвески имеют удлиненную форму с отверстием в верхней части. В небольшом количестве представлены украшения из зубов животных. В качестве подвесок-амулетов использовались клыки кабана с просверленными для шнура отверстиями, найденные в Чопан-депе и Песседжик-депе. Подобные подвески встречались и в памятниках трипольской культуры, в частности, на Лука-Врублевцевой (Бибиков, 1953, стр. 192).

Часто встречаются подвески из различных пород камня (Джейтун, Тоголок-депе, Песседжик-депе, Чакмаклы-депе). Они имеют плоскую удлиненную форму с отверстием для нити в верхней части (рис. 19, 13). Миниатюрные каменные подвески, изготовленные с большим мастерством, имеются среди коллекции подъемных сборов из Джейтуна и из раскопок Тоголок-депе.

Как из камня, так и из обломков керамики изготовлялись плоские диски и четырехугольные пластины с отверстием в центре, которые встречаются во всех поселениях изучаемой нами культуры (рис. 19, 11—12). Некоторые из этих дисков не имеют отверстий; их можно считать заготовками.

По внешнему виду керамические и каменные кружки со сверлиной могут быть легко приняты за пряслица, и некоторые наиболее крупные экземпляры, возможно, и служили для этой цели. Но имеются более мелкие, слишком легкие, которые, по всей вероятности, были подвесками. Об этом свидетельствуют малый диаметр их отверстия, отполированность краев сверлины от нити и зашлифованность окружности. Такой же подвеской, вероятно, служил найденный из Джейтуна шлифованный камень с отверстием на верхней части, изображающий сидящую человеческую фигурку.

В качестве подвесок, возможно, играющих роль амулетов-оберегов, употреблялись также фигурки животных, выточенные из камня (Джейтун). Там же найдена подвеска в виде головы барана (Массон, 1961).

Особенно интересны небольшие пластинки, изготовленные из камня (Джейтун, Монжуклы-депе). Пластинки эти небольшие (3×2 см), имеют овальное очертание, обработаны шлифовкой и снабжены попарно расположенными отверстиями. Подобные по форме поделки из створок раковины встречены в памятниках трипольской культуры (Лука-Врублевцевой), которые С. Н. Бибиков считает украшением для головного убора или одежды.

Для изготовления подвесок широко использовались створ-

ки местных пресноводных (рис. 19, 7—8) и каспийских ископаемых раковин. Обычно створки с отверстием в верхней части, будучи нанизанными на нить, составляли ожерелья.

Для изготовления подвесок употреблялись раковины каури (*Sirgea Ip*) со сплюсненной спинкой, обломки, а иногда и целые экземпляры встречаются почти во всех древнеземледельческих поселениях Туркменистана. Эти раковины также встречаются на побережье Индийского океана и Персидского залива.

Особенно интересна обнаруженная на Чопан-депе небольшая пластинка овальной формы с отверстием в верхней части, изготовленная из ископаемого каспийского моллюска. Подобные пластинки, но без отверстий, встречались и в других раннеземледельческих поселениях. Они сделаны из ракушек дидакана, невелики по размеру (1×1 см), имеют прямоугольную или овальную формы и обработаны шлифовкой. Возможно, все они были миниатюрными подвесками, или украшали одежду.

Подвески и заготовки к ним, а также бусины из Чагыллы-депе, изготовленные из моллюсков дидакана, указывают на возможные контакты племен подгорной равнины с далекими северо-западными прикаспийскими областями.

Интересно кольцо, найденное в Песседжик-депе, которое изготовлено методом пиления из трубчатой кости животного (Бердыев, 1968а, 1970). Оно является пока единственным изделием подобного типа.

Особого внимания заслуживают обломки глиняных валиков, изогнутых по окружности (Тоголок-депе, Чагыллы-депе, Чакмаклы-депе). Они, видимо, являются частью браслетов, подобных тем, которые изготовлялись из камня обитателями Сиалка, Джармо, тепе Сораб и других наиболее ранних земледельческих поселений Западного Ирана и Передней Азии.

Так как по каменным орудиям и оружию подготавливается специальная работа, мы сочли необязательным давать им характеристику в данном разделе.

Общество и идеология. При освещении некоторых сторон общественного строя, и особенно идеологии древних племен, только археологический материал не является надежным критерием. Но все же и археологический материал с помощью этнографических сопоставлений дает возможность делать некоторые выводы общего порядка, хотя они и носят сугубо предварительный характер.

На ранних этапах джейтунской культуры прослеживаются древние элементы, выражающиеся в сохранении значительной роли охоты в хозяйстве и в некоторых архаических приемах обработки кремня. В процессе развития джейтунской

культуры древние элементы постепенно затушевываются, происходит изменение в облике материальной и духовной культуры. Усиливаются производящие формы хозяйства за счет постепенного снижения роли охоты и повышения значения земледелия и скотоводства. С началом энеолита почти совсем исчезают мезолитические традиции обработки кремня, а также исчезают некоторые архаические типы орудий и оружия.

Архитектура поселений как джейтунской культуры, так и культуры Анау I-A, а также обнаруженные там материалы полностью подтверждают их первобытнообщинный родовой характер.

На полностью раскопанном поселении Джейтун вскрыто 30 однокомнатных домов, построенных по одному и тому же плану. Полезная площадь жилых домов в среднем имеет 20—30 м². Один такой дом населяла парная семья, состоящая из 5—6 человек и тогда все население Джейтуна составляло не более 180 человек со стариками и детьми. Площадь Чопан-депе и Тоголок-депе почти равна площади Джейтуна и можно полагать, что и на этих поселениях проживало до 180 человек.

Размеры Песседжик-депе немного превышают площадь вышеперечисленных поселений и, как показывает раскопанная часть, там существовало больше жилых домов, в которых, по всей вероятности, жило 200 и более человек. Размеры и планировка этих поселений свидетельствуют о том, что это были первобытнообщинные родовые поселки.

Известные нам поселения на юго-востоке (окрестности селений Меана и Чаача), относящиеся к средней и поздней фазам джейтунской культуры Монжуклы-депе и Чагыллы-депе, имеют сравнительно меньшую площадь. На вскрытом участке третьего строительного горизонта Чагыллы-депе, составляющем около $\frac{2}{3}$ его древней площади, расположено 9 однокомнатных домов, каждый из которых окружен хозяйственными сооружениями. Если исходить из числа одновременно существовавших домов на вскрытом участке, то в целом для третьего строительного горизонта Чагыллы-депе будем иметь 13—15 домов, следовательно, его население должно составлять 70—90 человек. Приблизительно столько же жителей имело и Монжуклы-депе. Вероятно, население небольших поселков типа Чагыллы-депе составляло не отдельный род, а часть его, а другая часть рода жила поблизости — на Монжуклы-депе. Все поселения джейтунской культуры были родовыми, состоящими из парных семей, населявших однокомнатные дома. Однокомнатные дома на поселениях времени Анау I-A наглядно свидетельствуют о сохранении в роде малой парной семьи.

Господствующей формой хозяйства в ранней фазе джей-

тунской культуры является земледелие, но охота по-прежнему играет еще весьма большую роль. Скотоводство имеет еще зачаточные формы. В поздней фазе джейтунской культуры земледелие и скотоводство являлись уже основой хозяйства, а охота играла теперь подсобную роль. Земледелие требовало коллективного труда, что предопределяло коллективное владение землей и продуктами ее обработки.

Но можно ли, однако, считать, что родовое общество в поздней фазе джейтунской культуры, тем более в пору Анау I-A, строилось только на матриархальной основе?

Развившееся земледелие, и особенно скотоводство, все более становилось мужским делом, и постепенно мужчины выдвигались на передний план в хозяйственной жизни, что позднее обеспечило ему главенствующее общественное положение. Общественная же роль женщины уже в пору джейтунской культуры, видимо, начала суживаться. Женщины все более становились распорядительницами в домашнем хозяйстве. Возможно, именно поэтому женский скульптурный образ древнеземледельческих поселений часто передает женщину сидящую и как бы охраняющую домашний очаг.

Выше отмечено, что в пору поздней фазы джейтунской культуры в подгорную полосу Южного Туркменистана переселились с юга небольшие группы племен сравнительно высокой культуры, знакомые с обработкой металла, развитым ткачеством и более совершенными методами обработки земли, которые осели в районе, издревле занятом местными земледельческими племенами.

Организация обществ, пришедших из южных районов, должна была отличаться высокой сплоченностью коллективов не только в хозяйственном отношении, но способных также организовано преодолевать трудности продвижений и умело противостоять во враждебных столкновениях с местными племенами. Безусловно, действия таких коллективов корректировал и руководил наиболее авторитетный и почитаемый член рода, возможно, старейшина. Такому обществу должны соответствовать более развитые формы социальной организации, чем сравнительно архаичным местным земледельцам, тем более охотничье-собирацким племенам Западного, Северного и Восточного Туркменистана. Но пришельцев, видимо, было не так уж много, и они не смогли полностью ассимилироваться с местным населением. Это не было оккупацией или экспансией южных племен, и поэтому происходила взаимная ассимиляция, в результате которой пришельцы растворились в среде местных племен. Однако южные племена оказали большое влияние на местные племена, на их производительные силы, на сравнительно отсталые формы производства.

Но было бы ошибочным думать, что местное население не было подготовлено к восприятию более прогрессивных производительных сил. Хотя племена джейтунской культуры еще не были знакомы с обработкой металла, но ткачество в самом зачаточном виде имело место в хозяйстве, о чем свидетельствуют костяные иголки и керамические диски (пряслица), встречающиеся при раскопках поселений.

У местных племен и у пришельцев была развита родовая организация, в которой Ф. Энгельс видел «...основные черты общественного устройства первобытной эпохи до возникновения государства» (Энгельс, 1952, стр. 96).

Каждый поселок этих культур объединял группу парных семей, образовавших род, а размеры поселений зависели от количества членов родовой общины.

Родовые группы, видимо, объединялись в племена, которые насчитывали многие сотни соплеменников.

В последние годы в результате широких исследований неолитических поселений, накопился некоторый археологический материал, позволяющий представить искусство, духовную культуру и идеологию древних земледельцев и скотоводов Южного Туркменистана.

Правда, анализируя памятники, связанные с мировоззрением людей, не надо забывать, что идеология и духовная культура древних земледельцев, несомненно, была более сложной и многогранной, чем мы можем себе представить. В общих чертах рассмотрим те немногочисленные свидетельства, которые могут хоть частично осветить вопросы идеологии древнеземледельческих племен Южного Туркменистана.

Погребения Южного Туркменистана эпохи неолита и раннего металла изучены крайне слабо. Собственно говоря, в поселениях джейтунской культуры (Джейтун, Чопан-депе, Чагыллы-депе) найдено пока лишь 11 захоронений, а на памятниках культуры Анау I-A — еще меньше. Большинство этих погребений обнаружено и раскопано археологом А. А. Марущенко в Чопан-депе (1959) и в Монжуклы-депе (1960). К сожалению, отсутствие публикаций об этих погребениях, подробного научного отчета со всесторонним описанием остатков погребений, погребальных сооружений и обрядов не позволяют нам уверенно о чем-либо судить.

По краткому отчету А. А. Марущенко (1959) о раскопках погребений Чопан-депе можно лишь отметить, что «конструкцию погребальных ям невозможно было определить из-за сильной зашоренности холма».

Все известные погребения Южного Туркменистана интересующего нас времени находятся в пределах поселений, часто под полом помещения. На Чопан-депе кроме остатков погребения в жилищах встречались и разрозненные кос-

ти человека. При раскопках Чагыллы-депе и Чакмаклы-депе также были найдены отдельные кости человека.

Из 11 скелетов, обнаруженных на поселениях джейтунской культуры (Джейтун, Чопан-депе, Чагыллы-депе), 10 принадлежат детям и подросткам и лишь один — взрослому индивидууму (Бердыев, 1969, стр. 95). Костяк взрослого человека на Чагыллы-депе находился прямо в очаге, и, возможно, его смерть связана с каким-либо трагическим происшествием. Большинство погребений, обнаруженных в поселении культуры Анау I-A, принадлежали детям.

Характерным для всех захоронений людей является их положение (скорченное) и наличие в некоторых случаях не богатого сопровождающего инвентаря, на некоторых скелетах встречена красная краска (охра), которой посыпали погребенных. Все это характерно также для многих первобытных племен Ближнего Востока, Закавказья, Европы, Средней и Передней Азии. Захоронение в пределах поселений не представляет ничего необычного. Начиная с эпохи палеолита, во многих областях древнего мира часто встречаются погребения на месте жилья (пещеры, землянки, надземные строения).

Погребения в жилищах или в пределах поселений в раннеземледельческий период, также не являются характерными только для Южного Туркменистана. Такие захоронения распространены в обширном ареале раннеземледельческих культур южного пояса. То же было отмечено и при раскопках более поздних памятников Южного Туркменистана — Анау, Намазга-депе, Қара-депе, у ст. Артык и др. Мы встречаемся с ними в трипольских поселениях (Бибигов, 1953, стр. 176), в поселениях энеолитической гасульской культуры Палестины (Грозный, 1940, стр. 28).

Интересно, что под жилищами на гасульских холмах обычно находили детские погребения, что обнаружено и на поселениях древнеземледельческих культур Южного Туркменистана. Кстати сказать, обычай погребения детей под полом жилища широко распространен у современных примитивных народов, стоящих на средней ступени варварства. Так, например, в Африке племена степных банту хоронят маленьких детей в углу жилища, завернув их тело в циновку. Тот же обряд существует в Америке у индейцев пуэбло, характер культуры которых имеет черты сходства с так называемыми культурами «крашеной керамики» Старого Света.

Чем же было вызвано возникновение и длительное существование этого странного обряда?

Существуют различные толкования. По мнению В. Микова, погребение в пределах поселений в Балбунаре указывает на существование культа мертвых, на единство представлений о земном и загробном существовании (Миков, 1927,

стр. 278). Б. А. Куфтин предполагал, что открытые им на поселении у сел. Гуниа (Южный Кавказ) под полом жилища погребения подростков связаны с семейно-родовыми жертвенными участками жилища, которые, в свою очередь, могут быть связаны с культом предков (Куфтин, 1948, стр. 42—43). С. Н. Бибииков, изучавший многочисленные погребения в жилищах трипольских поселений, говорит о существовании культа, связанного с идеей обратимости, возрождения, в конечном счете вполне созвучной идее плодородия, увеличения семьи, рода и благополучия его. Он также допускает и возможность жертвенного значения погребений в жилищах (Бибииков, 1953, стр. 197—198).

Имеются и другие предположения. В результате приведенных фактов мы приходим к заключению, что в пору джейтунской культуры, времени Анау I-A и позднее существовал культ, связанный с идеей возрождения, обратимости, выразившийся в определенной обрядности — погребениях в пределах поселения. Таким образом, живущие выражали свою тесную связь с ними. Возможно, это связано с почитанием предков и культом мертвых. Если учесть незначительность количества погребений взрослых, обнаруженных в пределах поселений и если считать их связанными с какими-то трагическими событиями, то встает вопрос: где же хоронили древние земледельцы Южного Туркменистана своих взрослых соплеменников? Возможно, поблизости от поселения находились древние кладбища, которые могли быть погребены позднейшими аллювиально-делювиальными наносами, накопление которых в условиях подгорной полосы шло интенсивно.

Об идеологических представлениях древнеземледельческих племен можно судить по некоторым скульптурным изображениям. Как отмечено выше в разделе «Глиняные поделки», среди находок фигурок на поселениях джейтунской культуры и культуры Анау I-A скромное место занимают изображения людей, количество которых значительно меньше, чем фигурок животных.

Такая резкая количественная диспропорция между изображениями человека и животных характерна и для других древнеземледельческих памятников Передней Азии и Индии. Эти сильно стилизованные человеческие фигуры изображали женщин. Женские изображения возникли еще в эпоху палеолита при охотничье-собирательном хозяйстве, а в мезолите как бы отмирают с тем, чтобы возродиться у раннеземледельческих и примитивноскотоводческих племен, населявших Переднюю Азию, Среднюю и Малую Азию, Кавказ и т. д. Над истолкованием значения женских статуэток работал ряд исследователей. В палеолите эти статуэтки, по всей вероят-

ности, изображали женщину-мать, от которой вел свое начало первобытный родовой коллектив.

Общезвестно, что женские глиняные фигурки связывают с культом плодородия, с чем никак нельзя не согласиться. Фигурки женщин часто не имеют лица, ног. Очевидно, древние ваятели хотели выразить этим, что их не интересует лицо, что они не имели в виду какую-то определенную женщину, а изображали женщину как носительницу плодородия, как ту, которая заботится о приращении племени. Эти небольшие фигурки женщин, видимо, служили магическим средством, обеспечивающим плодородие и благополучие племени или общины. Дело в том, что в тогдашних неизмеримо трудных жизненных условиях детская смертность достигала огромных размеров, да и средняя продолжительность жизни взрослых тоже была не столь велика, а родовые общины стремились к постоянному увеличению своей численности, ибо только в большом сообществе людей можно было рассчитывать на успех в борьбе с природой и в производящем виде хозяйства. При отсутствии у этих древних племен знаний о законах природы и фанатическое представление о причине и следствии, побудило древнего человека магией воздействовать на природу.

Итак, возникают и продолжают длительное время существовать культуры, связанные с идеей плодородия, нашедшие воплощение в женском образе. Женские изображения в древнеземледельческих обществах Южного Туркменистана так же, как и в других районах Старого Света, как было уже отмечено, отражали культ плодородия, культ предков, родоначальниц, охранителей домашнего очага. Они служили и амулетами (Джейтун), вызывавшими плодovitость женщины и охранявшими их от злых духов, посягавших на благосостояние семьи, рода.

Как отмечалось выше, среди находок — фигурок из поселений джейтунской культуры и культуры Анау I-A — основное место занимает изображение животных.

В основном они выполнены схематично и небрежно, в результате чего часто трудно определить вид того или иного животного. Но отдельные экземпляры сделаны с известным реалистическим мастерством, как, например, изображения бородатого козла из Джейтуна и фигурка быка из Чагыллы-депе. Реалистичность выполнения этих видов домашних животных в древнеземледельческой пластике Южного Туркменистана указывает на особое внимание древних племен к этим животным, особенно быка, — как ведущим в хозяйстве, а также свидетельствует о наличии каких-то скотоводческих культов и связанных с ними обрядов. Вопрос о назначении скульптур животных также пока окончательно не решен, но многие авторы и в них видят культовые значения и считают,

что статуэтки животных имели, как и женские изображения, прямое отношение к культуре плодородия (Бибииков, 1953, стр. 266).

Более реалистичное изготовление фигурки быка, по сравнению с изображениями всех других животных в раннеземледельческой пластике, указывает на особое внимание джейтунцев к быку. Если женское изображение отражает культ плодородия, то изображение быка, возможно, связано с идеей плодородия, благополучия, увеличения стад. Что касается статуэток других животных, то, видимо, их изготовление также было связано с определенными верованиями, связанными со скотоводством и охотой.

Необходимо обратить внимание и на материалы, из которых изготавливались фигурки животных. Они сделаны в большинстве своем из необожженной глины, являвшейся непрочным материалом, но легко поддающейся формовке. Создается впечатление, что эти фигурки не предназначались для длительного употребления. Об этом же свидетельствует грубая обделка, схематичность и большая массовость фигурок животных в сравнении с антропоморфными. Возможно, что они были приурочены к определенным датам или особым происшествиям (например, смерть, рождение домашних животных) и употреблялись лишь один раз при совершении какого-то обряда, после чего выбрасывались.

По-видимому, некоторые статуэтки изготавливались с магическими целями, чтобы обеспечить себе удачу в охотничьем промысле. Некоторые фигурки животных сохранили глубокие отверстия, которые определяются специалистами как «колодые раны». Эти отверстия, видимо, и являются следствием магических обрядов, совершавшихся над этими статуэтками (Массон, 1961). Каждый охотник, желая обеспечить себе удачу в охоте, изготавливал глиняные фигурки и совершал над ними магические обряды. В представлении наших далеких предков эти фигурки, видимо, обладали колдовской силой. Изображение животных и совершаемые над ними символические действия должны были зачаровывать и привлекать зверей.

Первобытные племена, видимо, считали, что магически воздействовать можно на животных, на природу, даже на людей. Одним из самых примитивных древних верований является представление о действии некоей сверхъестественной силы, которая может проявляться в вещах-амулетах. Видимо, древние племена верили, что эти амулеты распространяют свою предохраняющую силу на их владельцев.

По всей вероятности, многие украшения, встречающиеся на поселениях древнеземледельческих культур, имели не только чисто эстетическое назначение, но и служили как бы амулетами. Так, например, подвеска из кабаньих клыков могла

иметь магическое значение. Из этнографических примеров известно, что многие первобытные племена использовали клыки животных, в том числе кабана, в качестве амулетов, которыми оберегали себя и свое богатство от злых духов, охранителей от болезней, амулетов, приносящих счастье и т. д.

В качестве таких подвесок, возможно, игравших роль амулетов-оберегов, могли употребляться также каменные статуэтки в виде сидящей человеческой фигуры с отверстиями в верхней части, фигурки животных, выточенные из камня, головка барана. Все эти предметы были обнаружены на Джейтуне.

Первобытное мышление было связано с приспособлением человека к окружающему его миру. Человека подстерегало много опасностей. Культовыми действиями и колдовскими средствами он стремился избавиться от них.

Орнаментальные сюжеты на сосудах, видимо, также были связаны не только с представлением о красоте вещи, но выражали и определенные идеи; были связаны с мировоззрением древнеземледельческих племен, так что рисунки, по-видимому, имели магическое значение. С освоением земледелия жизнь людей полностью зависела от капризов природы, от неба, от небесной влаги — дождя.

Орнамент в виде точек и пятен, встречающийся в поселениях древнеземледельческих культур, начиная со средней фазы джейтунской культуры, видимо, изображал небесную влагу — дождь или снег — и был связан с молением о воде, с магией небесной воды.

Наиболее модным в ранней фазе джейтунской культуры был орнамент в виде волнистых полос, свободно расположенных по тулову сосуда. Этот орнамент создает впечатление примитивно изображенных струй текущей воды. Возможно, часто изображая воду на своих сосудах, древние земледельцы как-то магически хотели воздействовать на полноводные речушки, которые протекали около их родовых поселков и от которых во многом зависело благополучие древнейших земледельцев. Рисунки в виде сеток, встречающихся во многих поселениях древнеземледельческих культур, имитировали древние поля и, видимо, имели магическое значение. Орнаментация керамики времени Анау I-A еще более многообразна и сложна, часть которой, безусловно, связана с идеологическими представлениями этих древних земледельцев, разгадывание которых углубило бы наши знания о духовной культуре наших древних предков. Хотя смысл орнаментальных сюжетов до сих пор во многом спорный, нет сомнения, что древний человек вкладывал в них определенное значение.

От первобытной магии до развитой религии дистанция довольно большая, но сооружение специальных культовых «свя-

тилищ» (Песседжик-депе) указывает на сложность идеологических представлений древних земледельцев уже в неолитическую эпоху. В различных районах стран Древнего Востока уже в неолите возникают «святилища», где время от времени, возможно, совершались какие-то культовые церемонии и жертвоприношения.

У первобытных племен, как у охотников и собирателей, так и у земледельцев и скотоводов, сложились верования, искаженно определяющие понятия об окружающей их действительности, о рождении и смерти, о зависимости явлений и др. Эти верования и разнообразные магические обряды отражают зависимость первобытного человека от стихийных сил природы и его попытки преодолеть эту зависимость. Возникшие гораздо позднее, на основе целого ряда общественных преобразований, организованные религии впитали многое из фантастических представлений наших первобытных предков.

ЛИТЕРАТУРА

- Арциховский А. В. Основы археологии. М., 1954.
- Бердыев О. Стратиграфия Бамийского поселения СА, 1963, № 4.
- Бердыев О. Стратиграфия Тоголок-депе в связи с расселением племен джейтунской культуры. СА, 1964, № 3.
- Бердыев О. Чагыллы-депе. «Известия АН ТССР». Ашхабад, 1964а, № 1.
- Бердыев О. Изучение памятников эпохи неолита. В кн.: Каракумские древности, вып. 2. Ашхабад, 1968.
- Бердыев О. Новые раскопки на поселениях Песседжик-депе и Чакмаклы-депе. В кн.: Каракумские древности, вып. 2. Ашхабад, 1968а.
- Бердыев О. Чакмаклы-депе — новый памятник времени Анау I-A. В кн.: История, археология и этнография Ср. Азии. М., 1968б.
- Бердыев О. Древнейшие земледельцы Южного Туркменистана. Ашхабад, 1969.
- Бердыев О. Монжуклы-депе. Многослойное поселение неолита и раннего энеолита в Южном Туркменистане. В кн.: Каракумские древности, вып. 4. Ашхабад, 1972.
- Бердыев О. Стратиграфия Каушутского поселения в связи с происхождением культуры Анау I-A. «Известия АН ТССР», 1972а, № 5.
- Библиков С. Н. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре. МИА, 1953, № 73.
- Грозный Б. Доисторические судьбы Передней Азии. «Вестник древней истории». М., 1940, № 3—4.
- Бердыев О. Чагыллы-депе — новый памятник неолитической джейтунской культуры. В кн.: «Материалы и культура народов Средней Азии и Казахстана». М., 1966.
- Ершов С. А. Холм Чопан-депе. ТИИАЭ АН ТССР, т. 2. Ашхабад, 1956.
- Коробкова Г. Ф. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Ср. Азии. Автореф. канд. дис. Л., 1966.
- Коробкова Г. Ф., Раков В. А. Неолит горных районов Средней Азии. «Проблемы археологии Ср. Азии». Л., 1968.

- Коробкова Г. Ф. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Ср. Азии. МИА, 1969.
- Куфтин Б. А. Археологические раскопки 1947 г. в Цалинском районе Тбилиси, 1948.
- Лисицына Г. Н. Растительность Южной Туркмении в эпоху энеолита по палеоботаническим данным. КСИА АН СССР. М.—Л., 1964.
- Лисицына Г. Н. Растительность Южной Туркмении в VI—I тыс. до н. э. по данным определения углей. В кн.: Каракумские древности, вып. 2. Ашхабад, 1969.
- Массон В. М. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина. ТЮТАКЭ, т. 7. Ашхабад, 1956.
- Массон В. М. Кара-депе у Артыка. ТЮТАКЭ, т. 10. Ашхабад, 1961.
- Массон В. М. Джейтунская культура, ТЮТАКЭ, т. 10. Ашхабад, 1961.
- Массон В. М. Средняя Азия и Древний Восток. М.—Л., 1964.
- Массон В. М. (Редакционная статья). В кн.: Каракумские древности, вып. 1. Ашхабад, 1968.
- Массон В. М. Поселение Джейтуя. МИА СССР, № 180. Л., 1971.
- Миков В. Селищната могила при С. Балбупар. «Изв. на Болгарского археологич. др.», т. 4. Софи, 1927.
- Морган Л. Г. Древнее общество. Л., 1934.
- Сарианиди В. И. Энеолитическое поселение Геоксюр. ТЮТАКЭ, т. 10. Ашхабад, 1961.
- Сарианиди В. И. Культовые здания поселений анауской культуры. СЭ, 1962, № 1.
- Сарианиди В. И. Керамические горны восточно-анауских поселений. КСИА, вып. 93, 1963.
- Сарианиди В. И. Тайны исчезнувшего искусства Каракумов. М., 1967.
- Болотов С. Л. Пережитки дуальной организации у туркмен. Проблемы истории докапиталистических обществ, 1935, № 9—10.
- Ферсман А. Г. Драгоценные и цветные камни России, 1922.
- Формозов А. Р. О наскальных изображениях Зарауткамара в ущелье Зараутсай. СА, 1966, № 4.
- Хлопин И. Н. Дашлыджи-депе и энеолитические земледельцы Южного Туркменистана. ТЮТАКЭ, т. 10. Ашхабад, 1960.
- Хлопин А. И. Энеолит южных областей Ср. Азии. САИ, ч. 1. М.—Л., 1963.
- Хлопин И. Н. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. М.—Л., 1964.
- Хлопин И. Н. Памятник развитого энеолита Юго-Восточной Туркмении. «Свод археологических источников», вып. Б, 3—8, 1969.
- Schmidt E. F. Excavations at Tepe-Hissar, Damghan. Philadelphia, 1937.
- Girshman R. Fouilles de Sialk pres de Kashan Musee du Lavre — departement des antiquites Orientales, serie archeologique, 1938.
- Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., Политиздат, 1952.

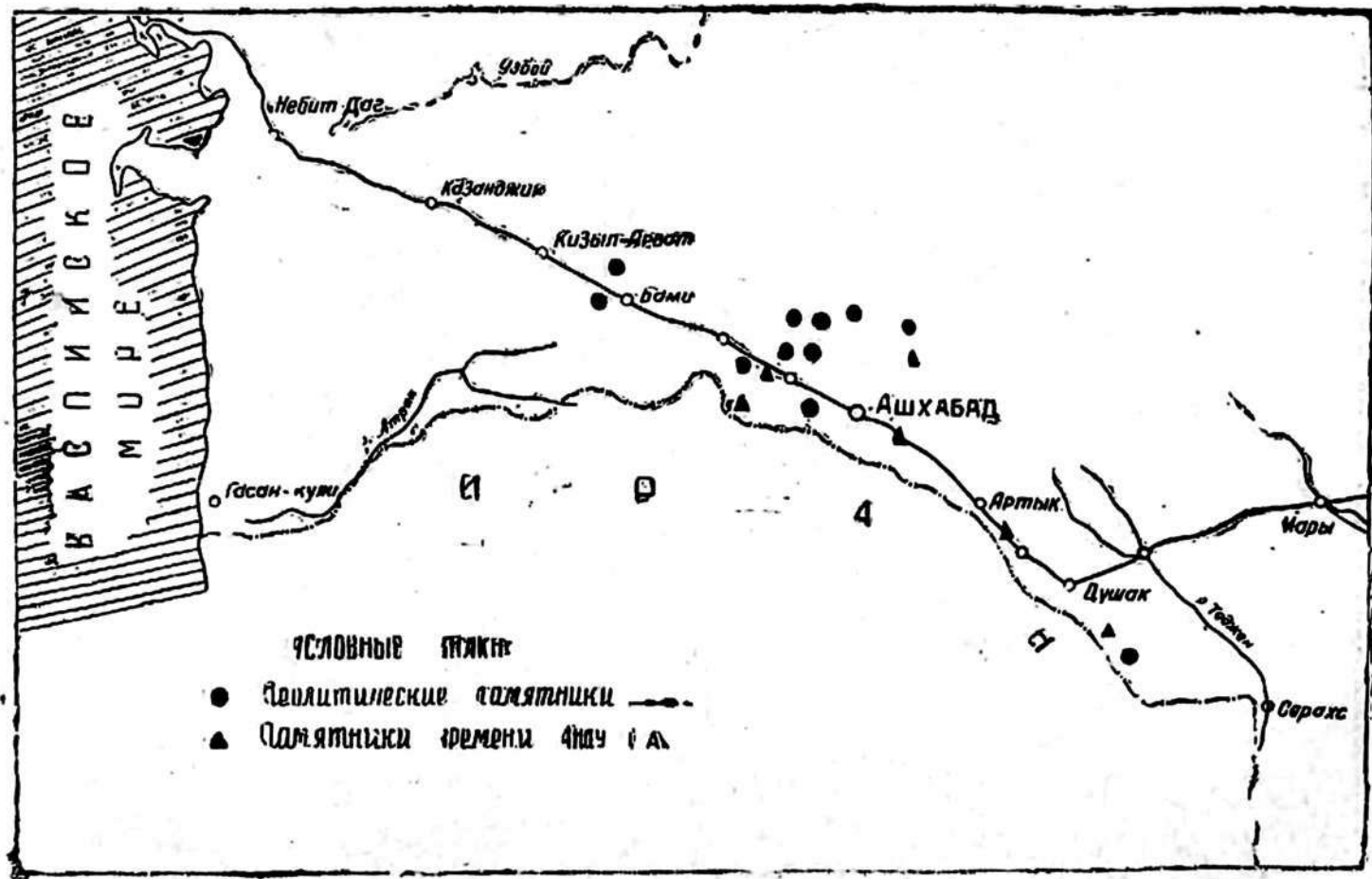
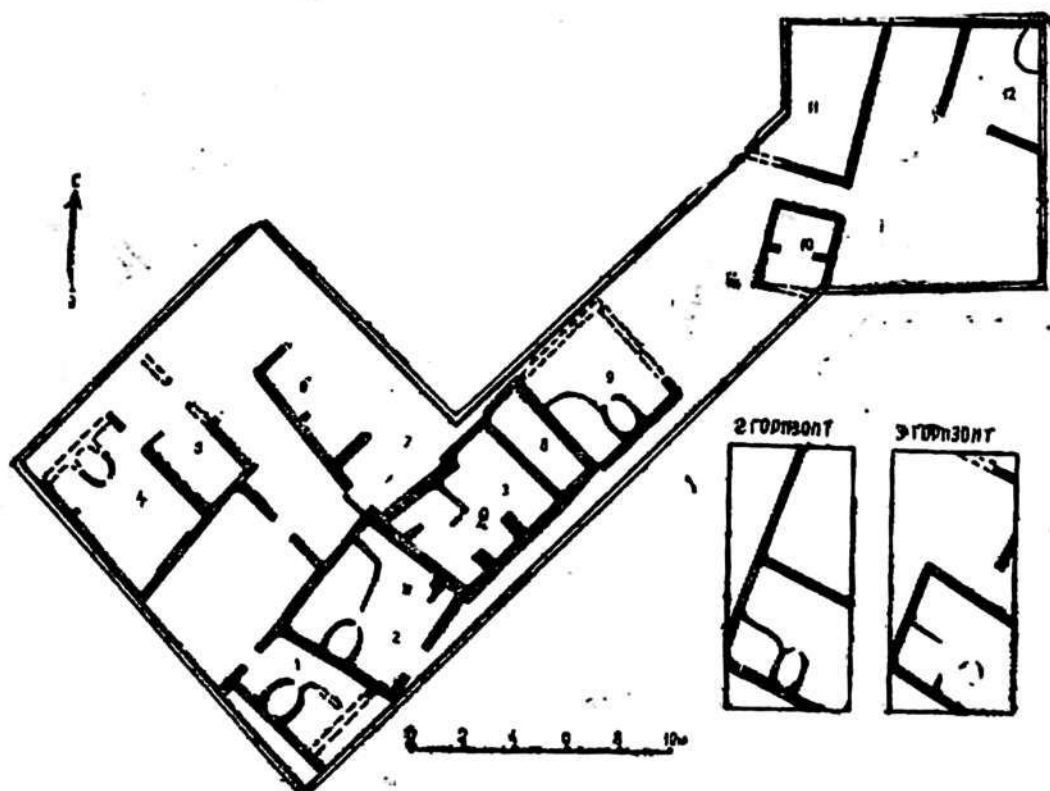
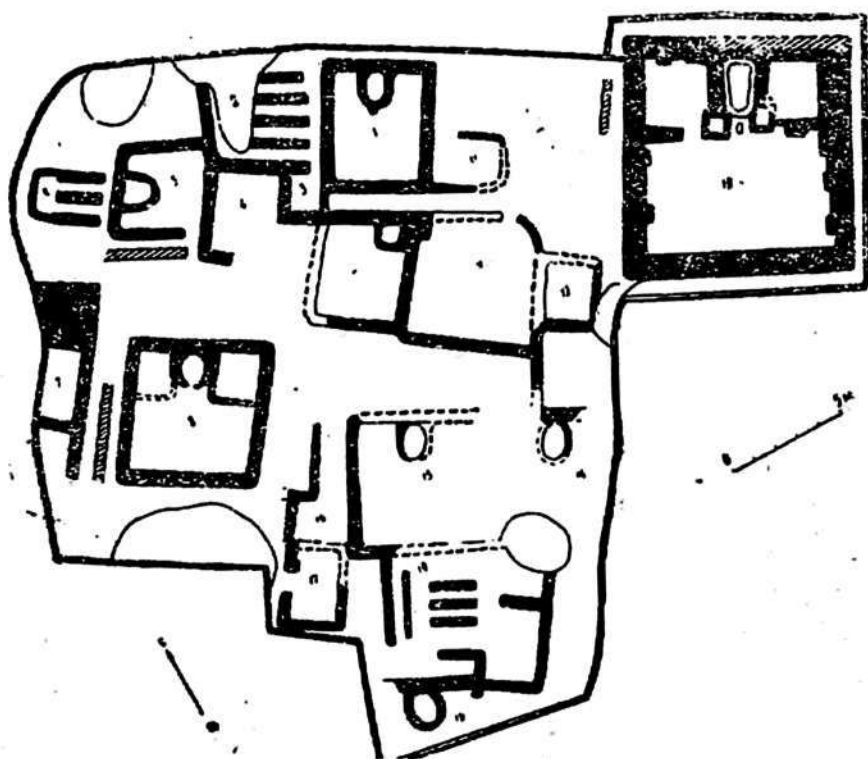

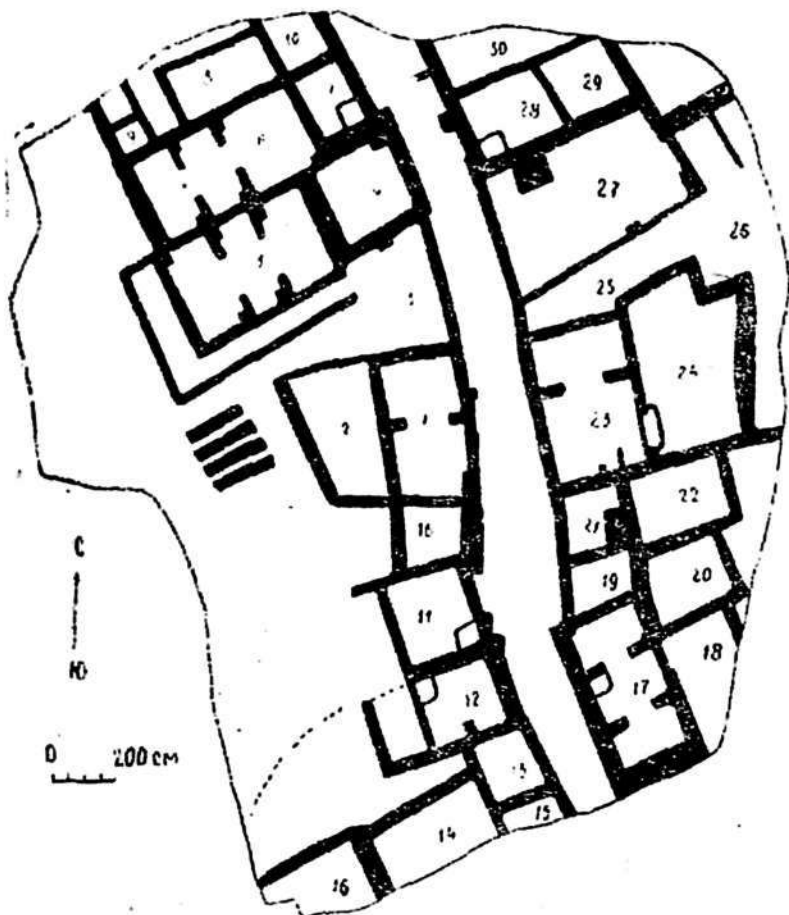
Рис. 1. Карта распространения памятников эпохи неолита и раннего энеолита.

Р и с. 2. План поселения Чопан-депе.

Р и с. 3. План поселения Песседжик-депе.

Р и с. 4. План поселения Чакмаклы-депе.

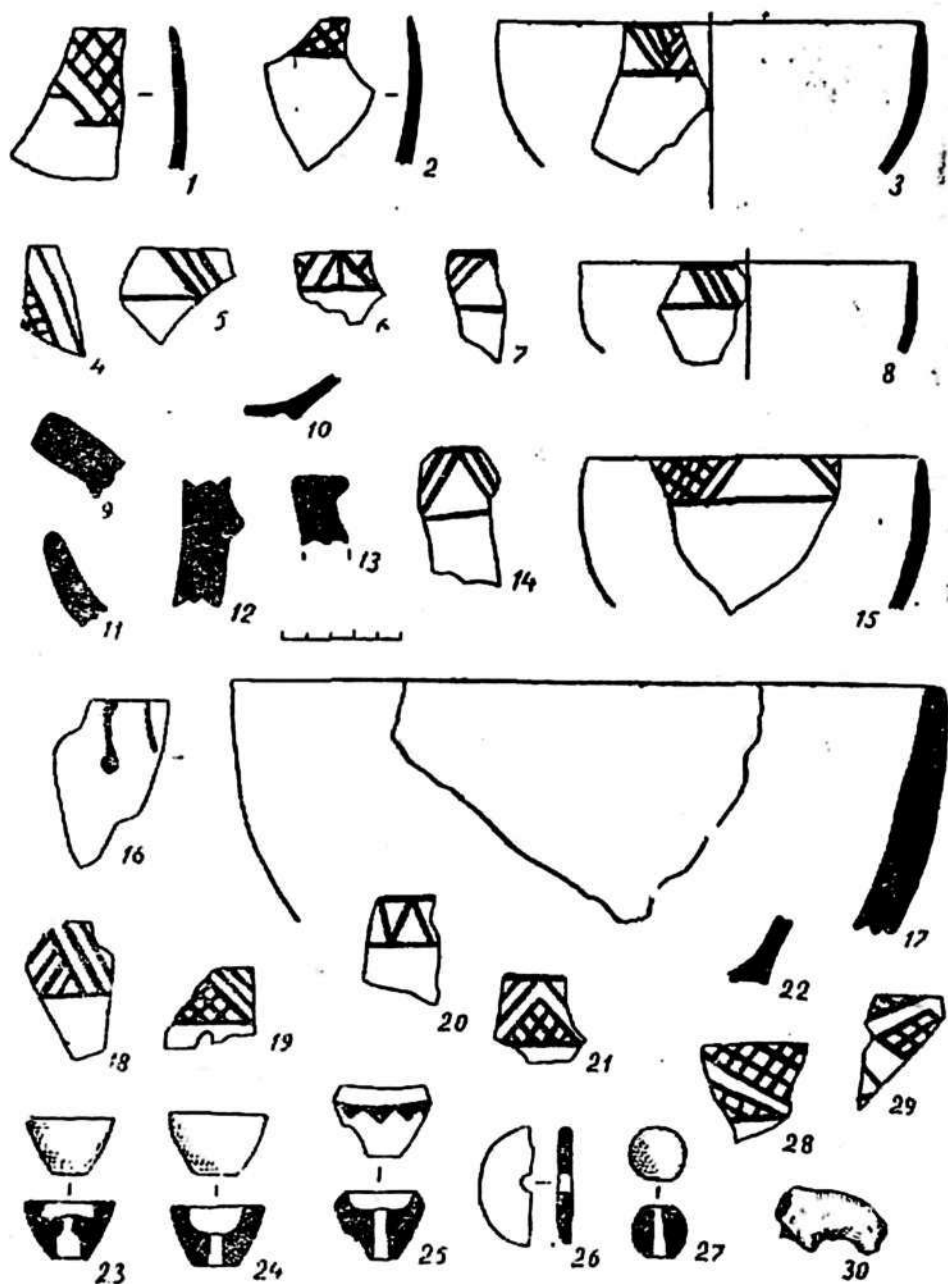
Р и с. 5. План поселения Монжуклы-депе.

ФАЗЫ	ФОРМЫ		СОСУДОВ				
	КОРЧАГИ	ЧАШИ	КАЛТАЙЧИ	МИСКИ	БАНКИ	ГОРШКИ	ТАГОРА
I							
II							
III							
IV							

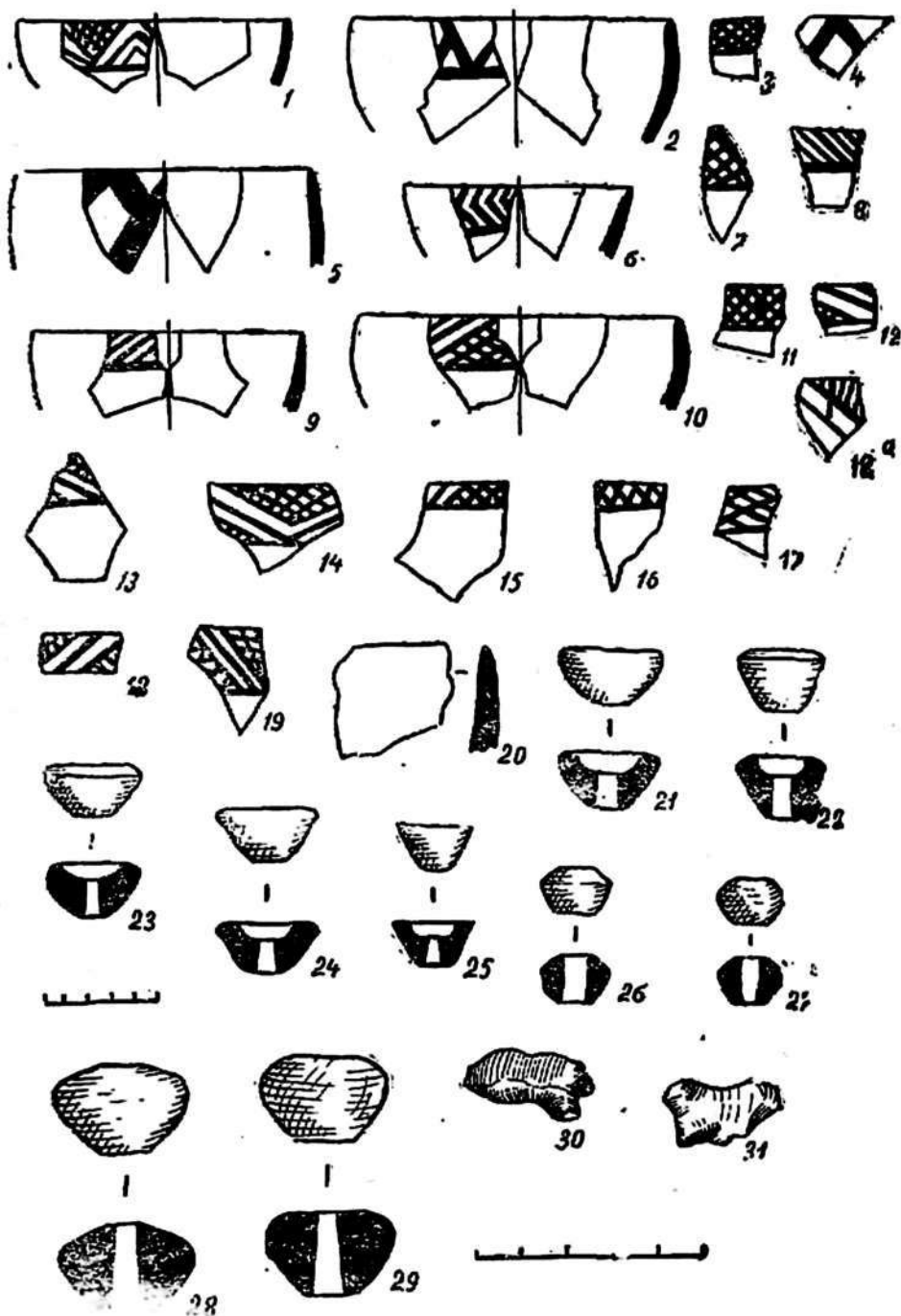
Р и с. 6. Формы сосудов джейтунской культуры.

ФАЗЫ	МОТИВЫ	ОРНАМЕНТОВ
I		
II		
III		
IV		

Р и с. 7. Мотивы орнаментов джейтунской культуры.

Р и с. 8. Чакмаклы-депе. Керамика и керамические изделия из стратиграфического шурфа, 1963 год.

Р и с. 9. Чакмаклы-депе. Керамика и керамические изделия из стратиграфического раскопа 1968 года.

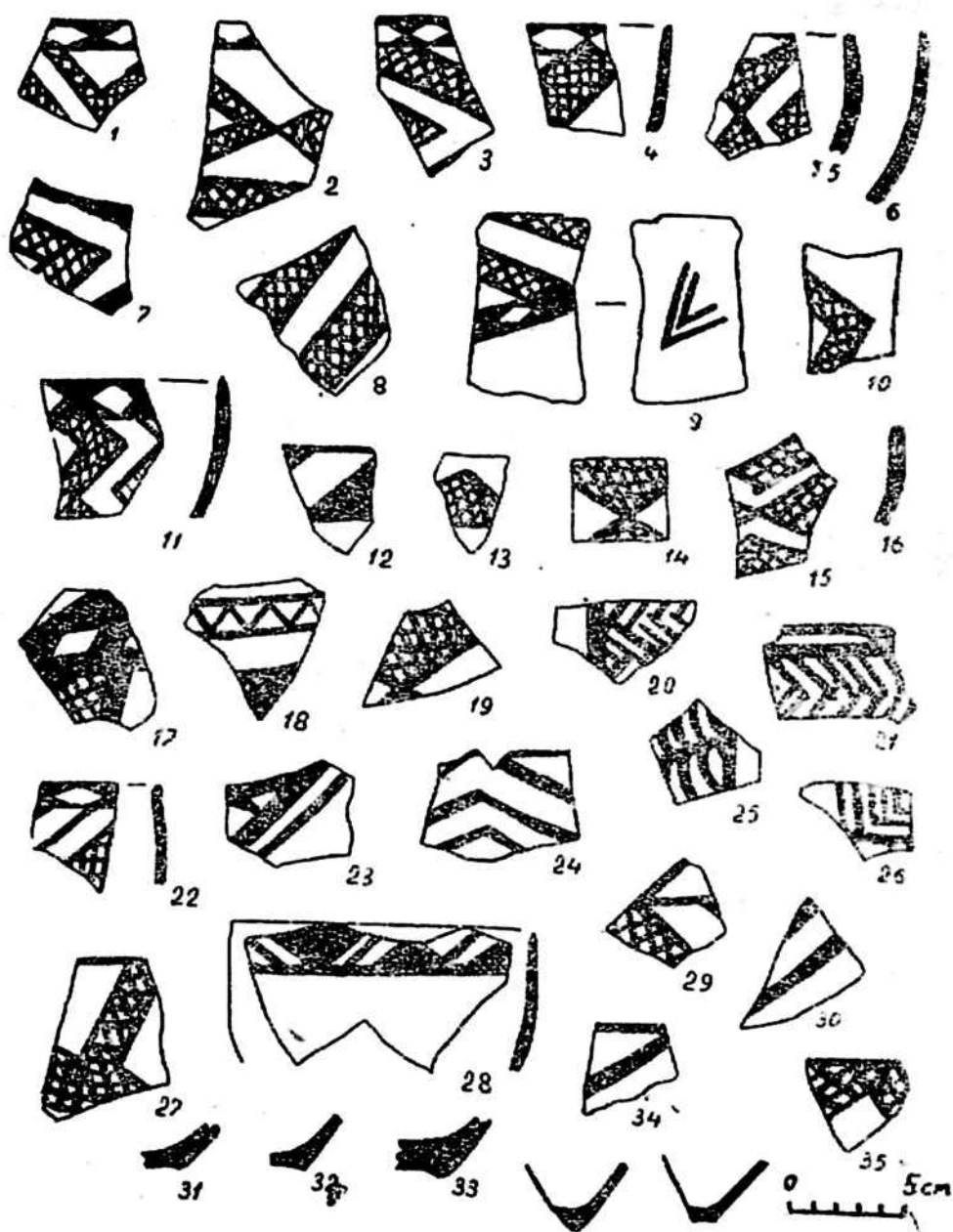
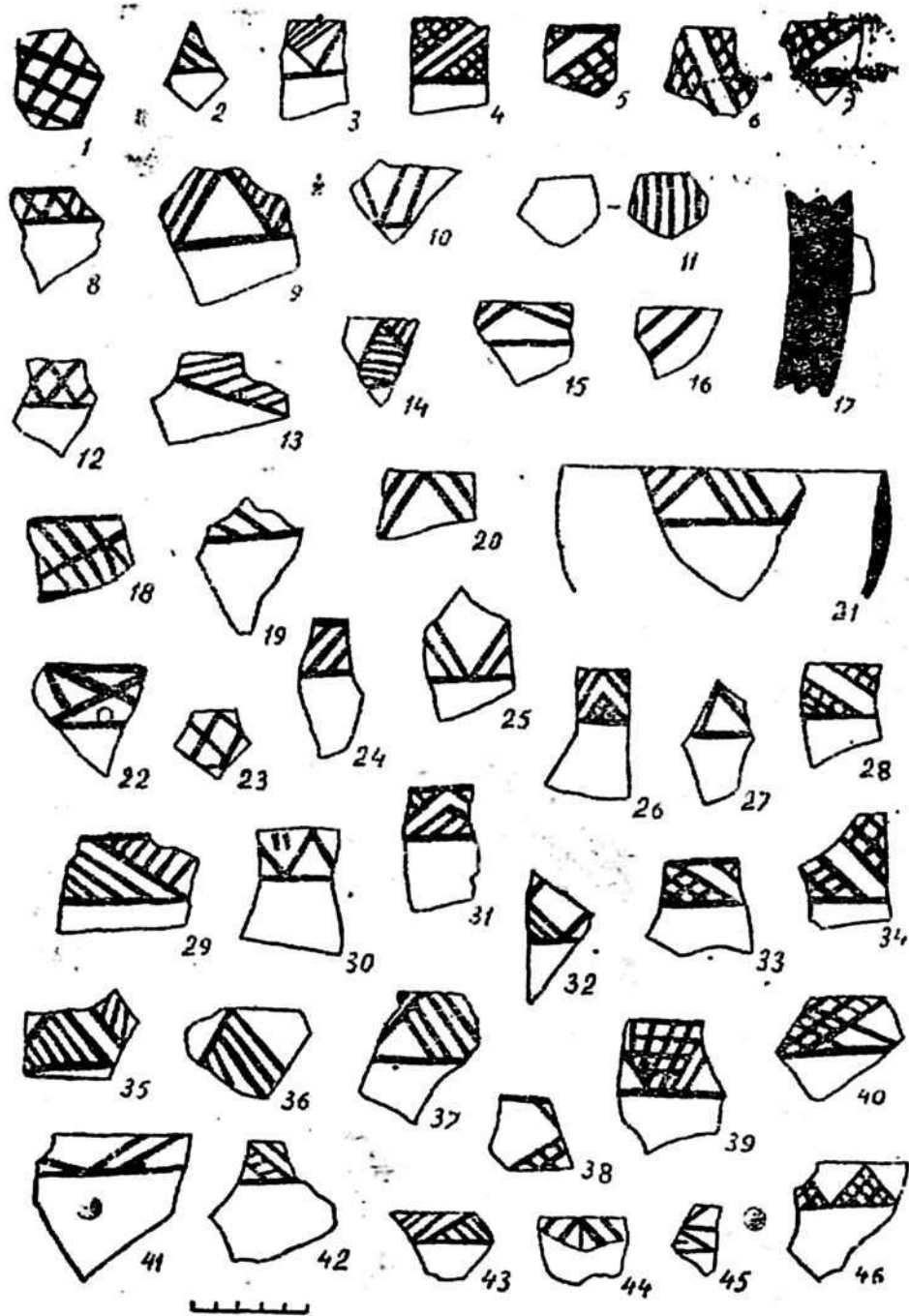

Рис. 10. Чакмаклы-депе. Керамика из стационарного раскопа 1965 года.

Р и с. 11. Чакмаклы-депе. Керамика из стационарного раскопа 1965 года.

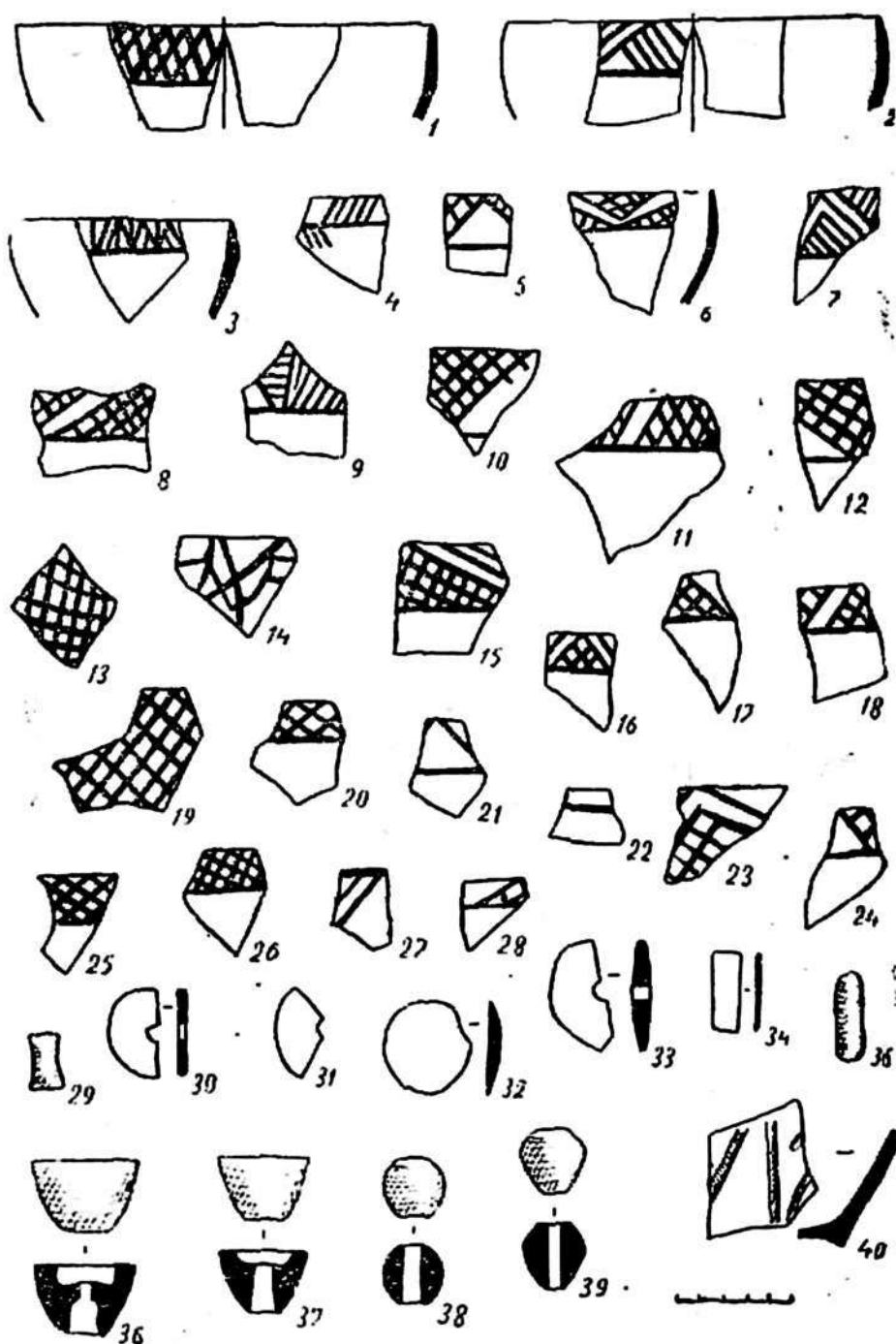
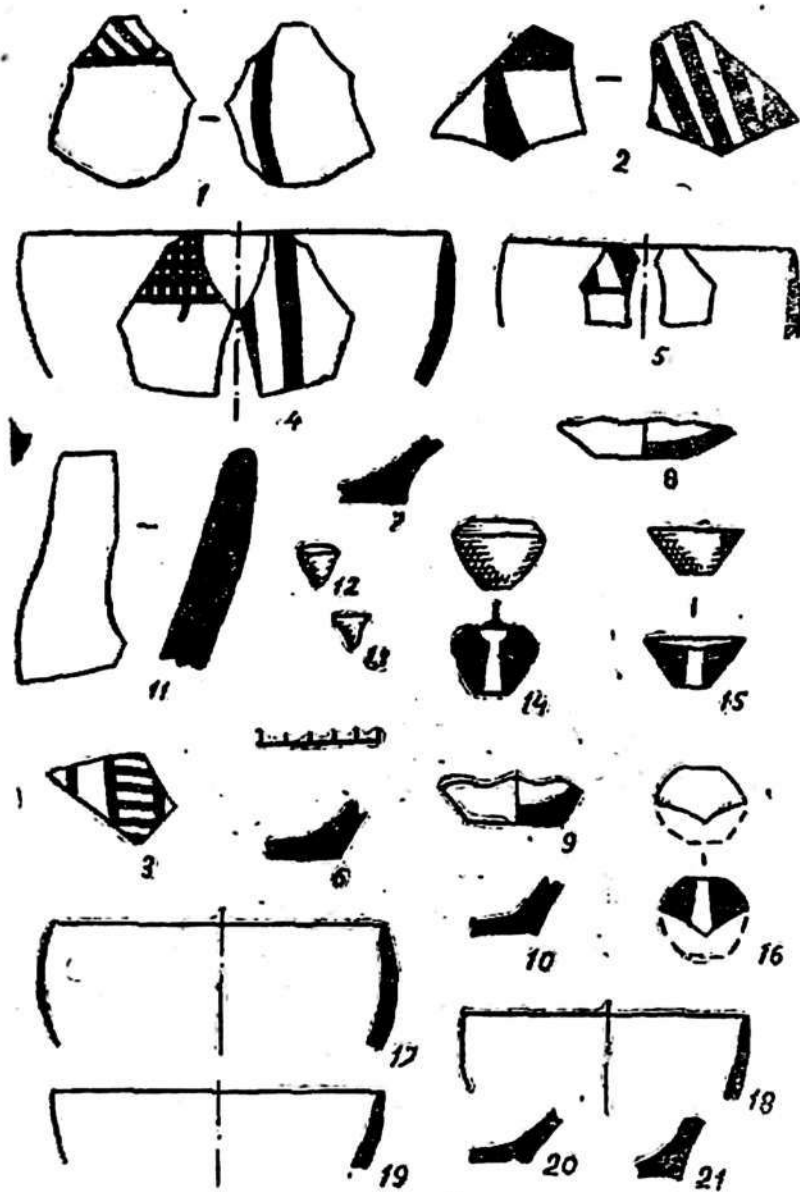

Рис. 12. Чакмаклы-депе. Керамика и керамические изделия из стационарного раскопа 1966 года.

Р и с. 13. Монжуклы II. Керамика и керамические изделия.

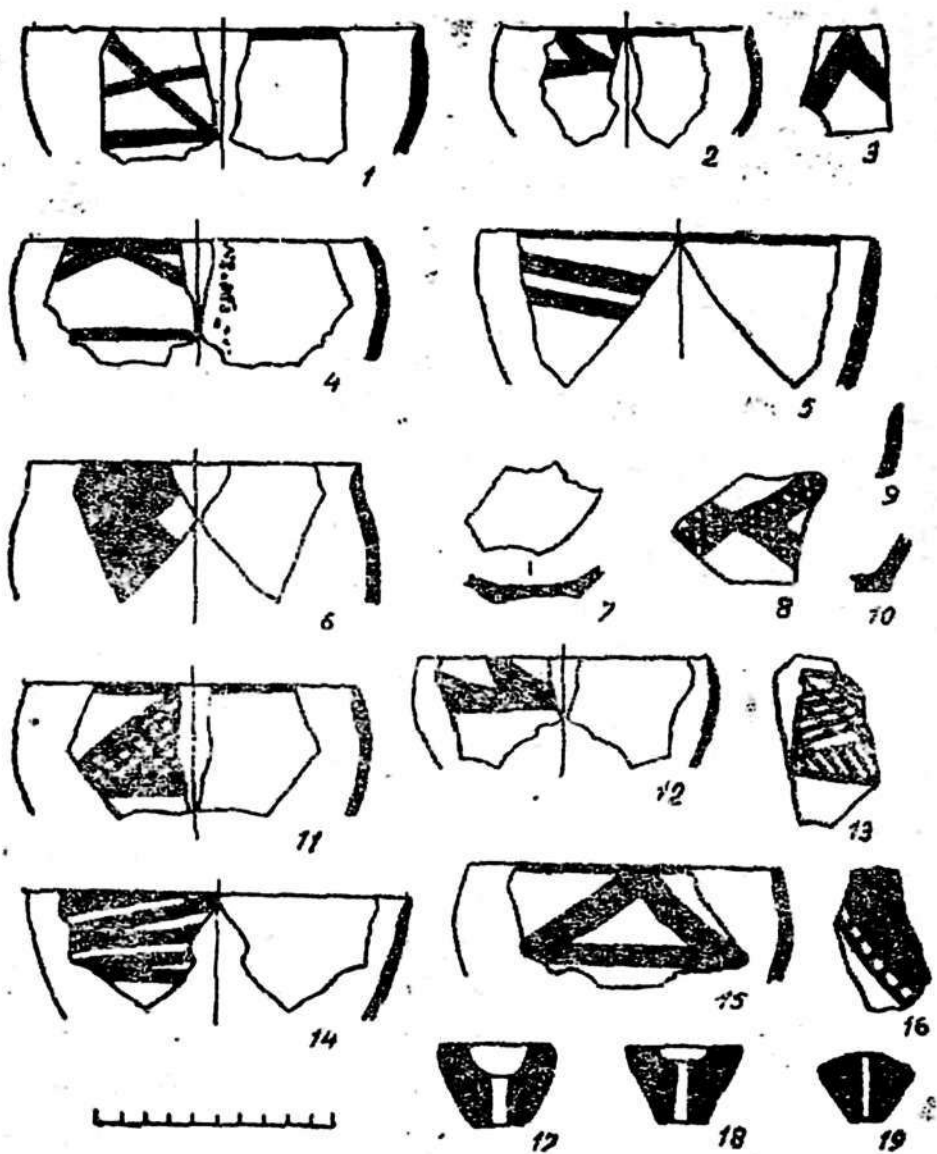

Рис. 14. Анау. Керамика и керамические изделия.

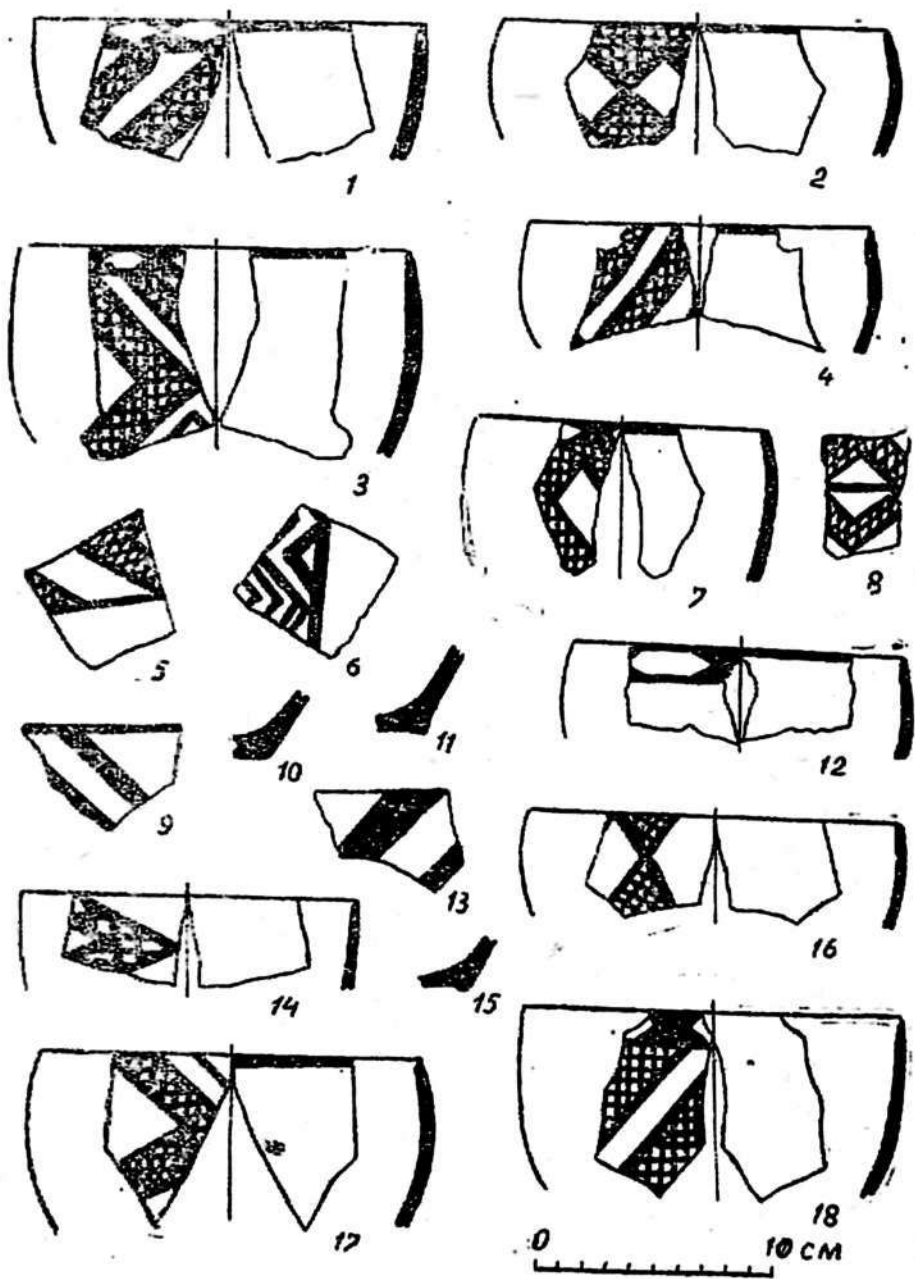
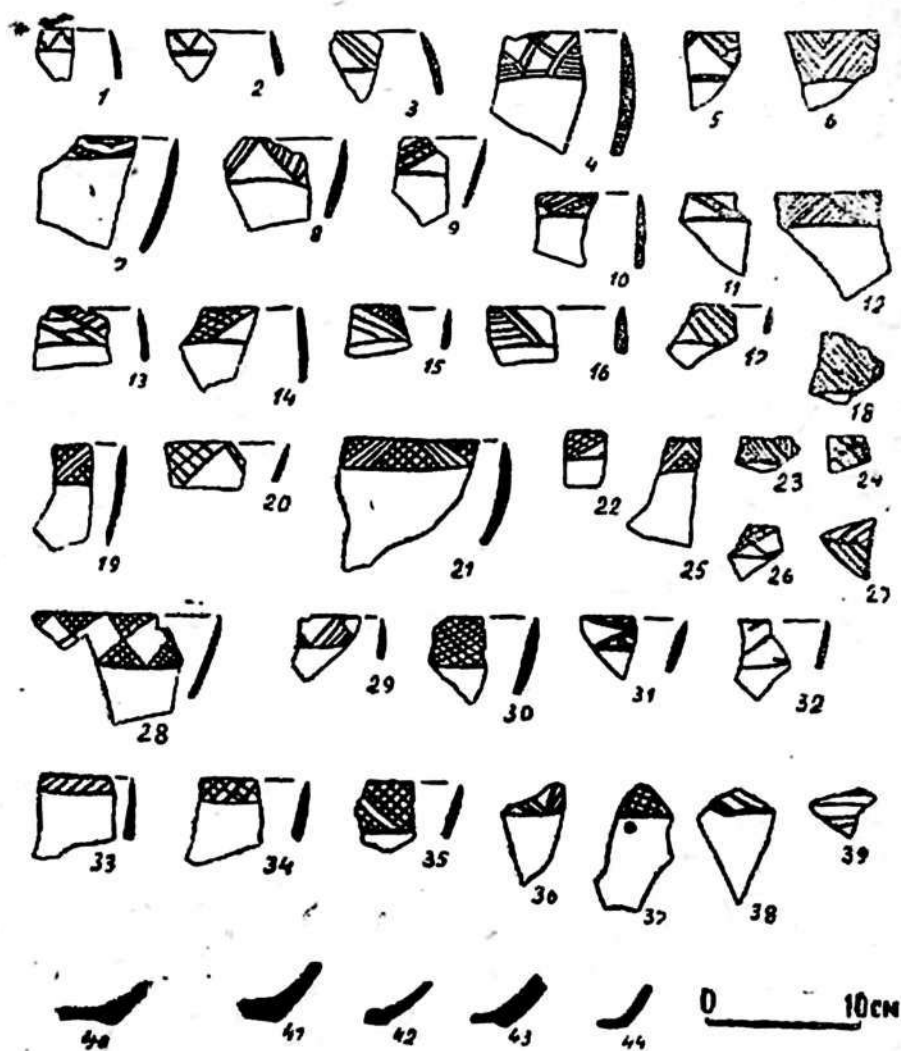

Рис. 15. Овадан-депе. Керамика.

Р и с. 16. Гавыч-депе. Керамика (1958 год).

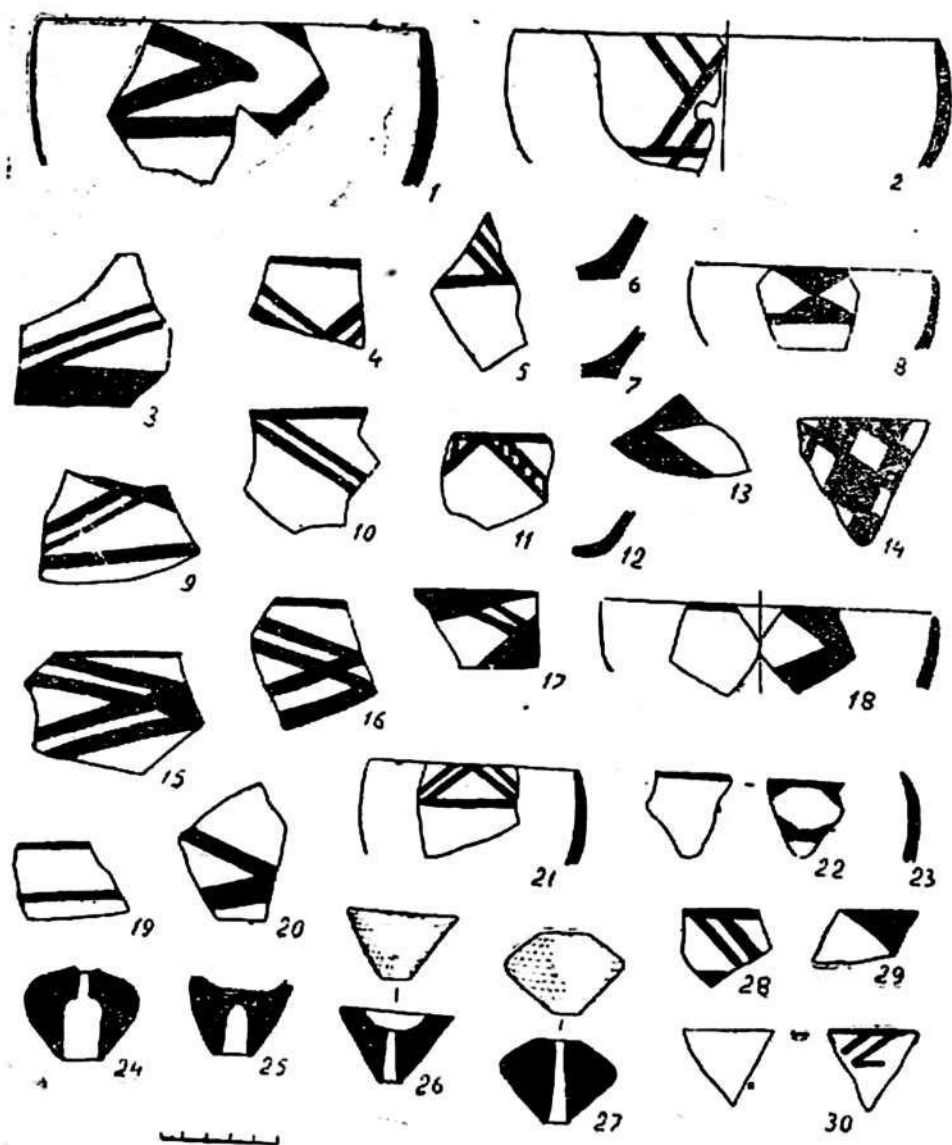
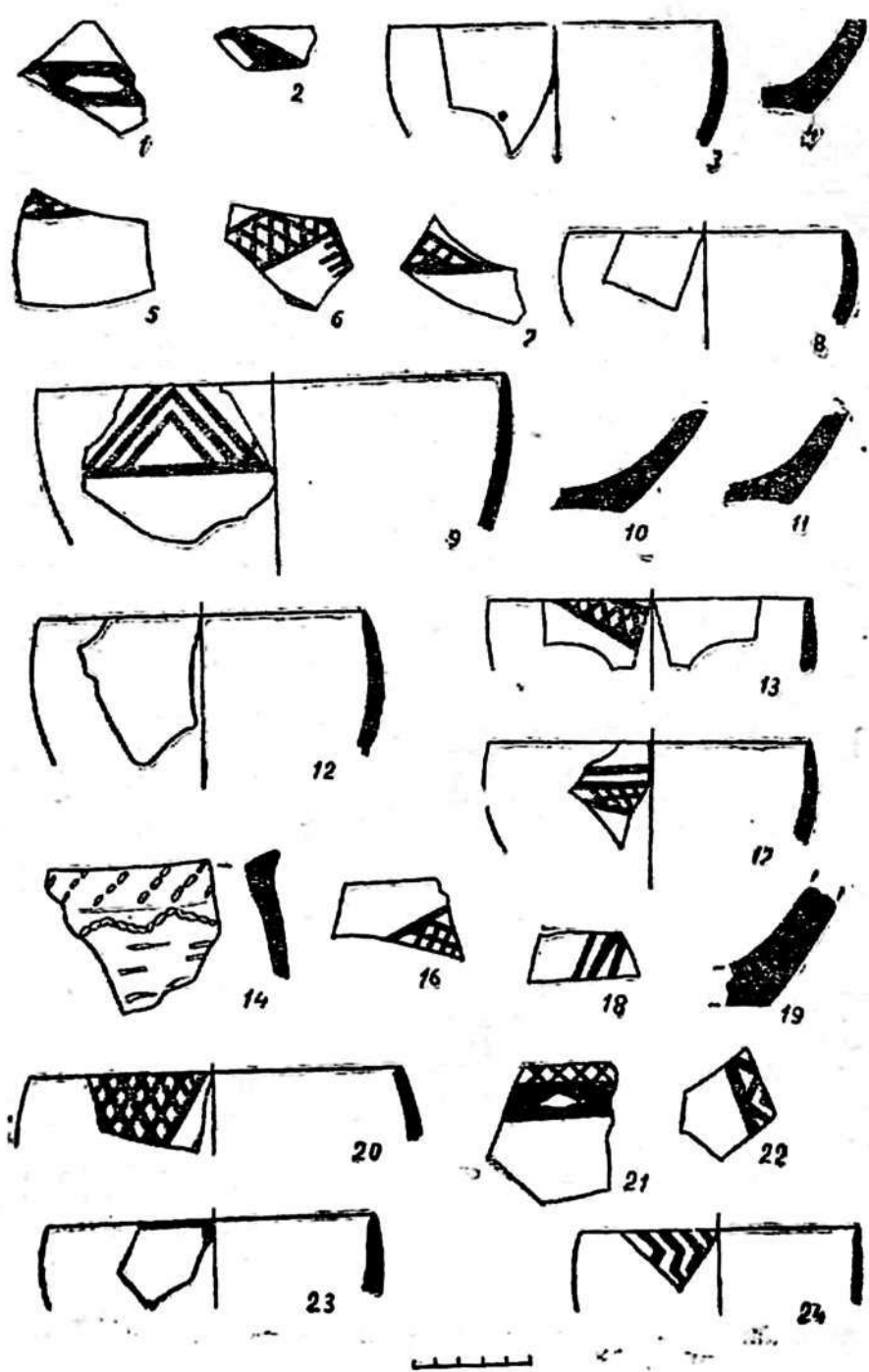

Рис. 17. Гавыч-депе. Керамика и керамические изделия (1959 год).

Р и с. 18. Керамика из поселения на 73-м километре.

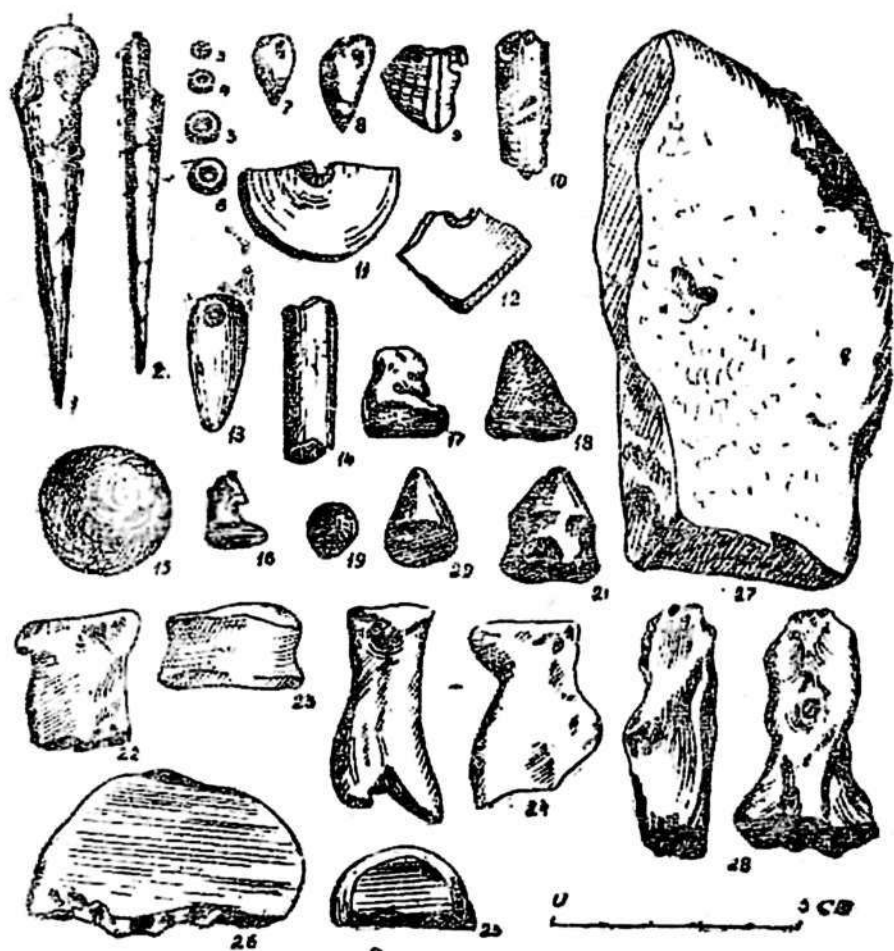

Рис. 19. Джейтун. Каменные, костяные и керамические изделия (подъемные сборы 30—40-х годов).

В. И. САРИАНИДИ

**МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА
ЮЖНОГО ТУРКМЕНИСТАНА
В ПЕРИОД РАННЕЙ БРОНЗЫ**

Вторая половина III тыс. до н. э. характеризуется не только дальнейшим подъемом хозяйства и культуры, но и наступлением новой эпохи ранней бронзы¹. За недостаточностью данных мы не можем утверждать, что именно в это время изделия из бронзы окончательно вытесняют и замещают медные. Под определением «эпоха ранней бронзы» подразумевается тот качественный скачок, который наблюдается в это время в материальной культуре, и в первую очередь в экономике, свойственный обществу, стоящему на следующей, более высокой ступени своего исторического развития по сравнению с предшествующей эпохой энеолита.

Хотя еще далеко не все руководящие признаки, знаменующие наступление новой эры, нам ясны, мы все же имеем ряд бесспорных фактов, свидетельствующих о тех качественных сдвигах, которые произошли в среде местного общества во время ранней бронзы.

Обнаружение медеплавильных печей указывает не только на дальнейшее развитие и успехи металлообработки, но и на существование постоянных мастеров на поселениях.

Об этом свидетельствуют полуразрушенные остатки двух медеплавильных печей на окраине поселения Хапуз-депе, рядом с которыми встречены медные шлаки, обломки глиняных ложек «лячек» с остатками медных натеков. Специальные работы показали, что в этих печах производилась металлургическая плавка, причем в шлаках наблюдается много полезных отходов, что, возможно, связано с низкой технологией без применения искусственного дутья. Вместе с тем документально установлено, что это не были одпоразовые печи, а, наоборот, в них производилась неоднократная выплавка руды. Показательно также постоянное присутствие в шлаках железа, что может указывать на единый рудный источник.

¹ Поскольку фактические материалы энеолитического периода уже опубликовались, в том числе в обобщающих работах, а также из-за ограниченности объема сборника раздел «Материальная культура Туркменистана в эпоху энеолита» не вошел в данный сборник.

Все сказанное, бесспорно, указывает на качественные изменения, происшедшие в обществе местных племен во второй половине III тыс. до н. э., когда среди земледельцев появляются лица, занятые преимущественно в сфере зарождающегося гончарного и металлургического ремесла.

И, наконец, наличие монументальных строений не оставляет сомнений в сложных преобразованиях, происшедших в среде местных племен во второй половине III тыс. до н. э. К сожалению, пока ничего не известно об уровне развития земледелия, что, в первую очередь, может объясняться малыми масштабами раскопочных работ на поселениях этого времени.

Как бы то ни было, даже приведенные факты, несомненно, свидетельствуют о том, что местные племена вступают в это время в следующую фазу своего исторического развития. Как и в предшествующее время, в эпоху ранней бронзы Южный Туркменистан остается наиболее развитым и высококультурным центром в системе всей Средней Азии.

Эпоха ранней бронзы по археологической периодизации относится к периоду Намазга IV, который, в свою очередь, соответствует ранним фазам Анау III. Слон этого времени на разных памятниках достигают мощности от 4 до 9 м, причем внешним, наиболее показательным признаком комплекса является наличие расписной керамики, которая затем полностью исчезает на рубеже III—II тыс. до н. э.

В это время наблюдается дальнейшая дифференциация в типах поселений, которая теперь приобретает совершенно четкие признаки. С одной стороны, имеются памятники сельского типа площадью до 1 гектара, а иногда и еще меньше (Ак-депе, Анау, Шор-депе, Коша-депе), с другой — налицо памятники протогородского типа, площадь которых достигает десятка гектаров (Намазга-депе, Улуг-депе, Хапуз-депе, Алтын-депе).

Несомненно, что сложение двух характерных типов поселений знаменует собой дальнейшие качественные сдвиги в местном обществе эпохи ранней бронзы, причем новейшие исследования дают основание предполагать, что ряд поселений сельского типа заново складывается именно на поздних этапах периода Намазга IV. В этом отношении показательно сложение совершенно нового оазиса поселений сельского типа в районе ст. Артык — Баба-Дурмаз (Тайчанак-депе, Шор-депе, Коша-депе) (Щетенко, 1968). Все эти сельские поселки содержат в самых нижних слоях, лежащих непосредственно на материковых отложениях, материал времени позднего Намазга IV. Хотя конкретные причины подобного расселения еще во многом не ясны, нет оснований допускать приход ка-

ких-то новых племен извне. Наоборот, материалы нижних слоев этих памятников представляют собой типичный, глубоко местный комплекс времени Намазга IV.

Налицо бесспорный процесс расселения местных племен, обусловленный резким ростом населения крупных поселений. Так, сложение нового оазиса в районе ст. Артык — Баба-Дурмаз скорее всего обязано выходцам с близрасположенного гигантского памятника Намазга-депе, где, видимо, к этому времени земледельческая база уже не удовлетворяла насущным потребностям сильно возросшего народонаселения.

Очевидно, что избыточное население было вынуждено переселиться на новые места, основав свои поселки по берегам мелких горных речушек, стекавших с предгорий Копетдага. К сожалению, нам еще мало известно о конкретной структуре и планировке поселений эпохи ранней бронзы. Правда, на основании частичных раскопок было высказано предположение, что крупные поселения имели уже оборонительные стены, однако вопрос этот не может считаться окончательно решенным. Основанием для такого предположения послужили раскопки на северо-восточной окраине поселения Алтын-депе, где была выявлена мощная стена длиной в 60 м, толщиной в 2 и высотой около 5 м (Ганялин, 1967). По внешнему фасу стена оказалась фланкированной выступами-пилястрами размером 0,5×0,5 м. Установлено, что строительство стены относится к самой ранней фазе периода Намазга IV, причем за длительное время ее существования имели место перестройки и надстройки.

Вместе с тем целая серия траншей, заложенных на других окраинных участках этого же поселения, не выявила никаких остатков стен подобного рода. Более того, оказалось, что северную окраину Алтын-депе образовывала стена толщиной всего в 0,5 м, принадлежавшая обычному многоквартирному дому (Массон, 1967). Не обнаружены оборонительные стены этого времени и на Улуг-депе (Сарианиди, 1969).

Пока с большим основанием можно видеть в упомянутой мощной стене Алтын-депе остатки какого-то монументального здания культового или дворцового назначения. В настоящее время еще нет твердых данных допускать наличие специальных оборонительных стен даже для крупных поселений эпохи ранней бронзы, как, например, Улуг-депе и Алтын-депе.

В целом, в эпоху ранней бронзы наблюдается процесс унификации культуры в системе всего Южного Туркменистана, что, разумеется, не исключало отдельных локальных проявлений. Вероятно, один из таких локальных вариантов в культурном развитии обнаруживали племена западной области типа обитателей поселения Ак-депе, под Ашхабадом.

Можно предполагать, что в этом отношении сказывается большая территориальная близость племен западной области с населением Северо-Восточного Ирана, в то время как восточнее расположенные области все более втягивались в орбиту культурных контактов с племенами Пакистана и Белуджистана.

Однако унификация культуры не может заслонить те глубокие изменения, которые претерпевало местное общество в эпоху ранней бронзы. Это особенно четко проявляется в сфере развития древнего хозяйства. Использование керамических печей сложной конструкции и параллельно с этим гончарного круга, прогресс в обработке камня на сверлильных станках, дальнейшие успехи в области древней металлообработки, использование верблюдов в качестве тягловой силы — не оставляет в этом отношении никаких сомнений. Естественно полагать, что эти кардинальные перемены в сфере древнего хозяйства, не могли не отразиться и на социальном развитии местного общества.

Формирование двух типов поселений, из которых поселки протогородского облика состояли из многокомнатных домов, свособразных кварталов, употребление специальных печатей, возможное появление монументальной архитектуры, постепенная выработка единого иконографического образа женского божества — свидетельство качественных преобразований, получивших свое окончательное завершение в следующее время, в эпоху развитой бронзы.

Поселения и архитектура. Наши сведения о типе застроек частных домов еще очень ограничены. Этот пробел в какой-то степени восполняется данными, полученными при раскопках Халуз-депе, поселения, расположенного к югу от Геокюрского оазиса. Небольшой раскоп площадью около 150 м² (Сарианиди, 1964) выявил в слоях эпохи ранней бронзы 10 взаимосвязанных между собой помещений, составляющих вместе часть единого компактного жилого комплекса. Обширные помещения с круглыми, углубленными в пол очагами, определяются как жилые. Маленькие кухоньки имеют аналогичные очаги, устроенные в одном из углов. В системе вскрытого комплекса выделяется одно прямоугольное помещение с двумя глинобитными «поддумами», расположенными в середине стен один против другого. Не исключено, что это помещение являлось небольшим домашним святилищем. В целом же вскрытый участок, бесспорно, составляет часть многокомнатного дома, напоминая в этом отношении застройку поселений эпохи позднего энеолита.

Принципиально такой же тип застройки на поселении Улуг-депе, где одним из раскопов вскрыто три последовательных горизонта этого времени. Здесь прослежена прямая ули-

ца, по обе стороны которой располагаются два обособленных жилых комплекса, состоящих из жилых домов и хозяйственных помещений. Характерно, что на протяжении двух строительных горизонтов сохраняется общее направление улицы и сам принцип застройки взаимосвязанных между собой групп помещений.

Аналогичный тип застройки небольшого поселения выявляется при раскопках поселения Ак-депе под Ашхабадом (рис. 1). Здесь, в верхнем строительном горизонте, расчищено двенадцать помещений, имевших разное назначение. Судя по находкам, выделяются жилые и хозяйственные комнаты, а также, возможно, святилище. Полы и стены некоторых из помещений оказались обмазанными алебастром. Отмечаются хозяйственные помещения, видимо, хранилища со стоящими в них крупными сосудами.

Как видно, даже эти далеко не полные данные рисуют сравнительно общий тип застройки поселений многокомнатными домами, возможно, образующими отдельные кварталы, из которых и состояли сами поселения.

Орудия и оружие. Все так же широко используется кремль для изготовления наконечников стрел. В этом отношении весьма показательны находки на Хапуз-депе кремневых наконечников стрел листовидной формы с тщательной двухсторонней ретушью и треугольно-черешковой пильчатой ретушью. Если учесть, что этот памятник находился вдали от гор, то следует допустить специальные экспедиции в горы обитателей Хапуз-депе за необходимым материалом.

Наличие кремневых стрел, которых только на Хапуз-депе найдено около 50 экземпляров, косвенно свидетельствует об ограниченности металлических изделий. Хотя на том же Хапуз-депе найдены остатки двух мастерских, набор медных предметов весьма незначителен. Это иголки с ушками, пробойники, шилья, рыболовные крючки.

Керамика. Переходя к рассмотрению керамики эпохи ранней бронзы, следует сразу же отметить, что именно в эту пору на смену двум керамическим стилям предшествующего времени приходит один общий керамический стиль. Во всяком случае, расписная керамика типа Намазга IV в целом единообразна в восточной и центральной областях, что, разумеется, не исключает существования локальных вариантов.

Расписная посуда этого времени преимущественно монохромная, орнаменты отличаются мелкими узорами, из которых состоят фризы. В целом наиболее распространенными становятся геометрические рисунки, былые зооморфные сюжеты практически полностью исчезают. Лишь единичные сосуды украшаются схематичными рисунками птичек и наиболее реалистично выполненными фигурами козлов, нередко стоя-

щих между деревьями. Показательно, что изображения козлов получают теперь иное стилистическое оформление, чем на керамике позднеэолитического времени. Упорное постоянство, с которым гончары рядом с козлами непременно рисуют деревья, заставляет вспомнить весьма популярный на Древнем Востоке сюжет о козлах, охраняющих «древо жизни», — мотив, возможно, навеянный оттуда в среду местных южнотуркменских племен.

В общем же, среди керамики этого времени, можно предвзительно выделить три группы посуды: расписную, нерасписную и серую. Как будет показано далее, серая посуда была более распространена в западной области обитания местных племен.

В настоящее время наиболее полная стратиграфическая колонка, рисующая картину развития керамического комплекса от эпохи позднего энеолита в раннебронзовом веке, известна с поселения Хапуз-депе (Сарнаиди, 1964).

Стратиграфический раскоп, заложенный на наиболее возвышенной части Хапуз-депе, выявил следующую керамическую последовательность, в какой-то степени рисующую картину постепенного развития керамического стиля ранней бронзы этого конкретного памятника.

Непосредственно на материалах аллювиальных отложений залегают культурные слои толщиной в 1 м с расписной посудой, чрезвычайно близкой к посуде наиболее поздних поселений Геоксюрского оазиса. Керамика этого слоя имеет ярко-красную фоновую облицовку, на которую нанесены крупные орнаменты рисунков типичного геоксюрского стиля. Это обстоятельство позволило предположить, что Хапуз-депе было основано конкретными выходцами из Геоксюрского оазиса, когда жизнь там в середине III тыс. до н. э. окончательно замирает. В целом этот самый нижний метровый комплекс как бы занимает промежуточное звено между комплексом эпохи позднего энеолита (Намазга III) и ранней бронзы (Намазга IV). Вышележащая пятиметровая толща стратиграфического шурфа содержит расписную посуду, типичную для поселений раннебронзового века.

На примере керамической последовательности Хапуз-депе наглядно прослеживается тенденция в сторону дальнейшего измельчения былых геоксюрских орнаментов. В основе орнаментальных композиций лежат геометрические узоры, которые, однако, становятся более мелкими, так что фризы отличаются большой пестротой и дробностью рисунков. Наряду с этим появляются и единичные мотивы рисунка в виде зубчатых уголков, мелких пирамидок, которые, в конечном счете, также восходят к постгеоксюрским орнаментам.

То же касается и самих форм сосудов, среди которых наиболее распространены кубки с прямыми вертикально поставленными стенками и резким перегибом к подкошенной придонной части, а также полусферические чаши, миски, конические чаши. По существу все эти формы могут соответствовать посуде предшествующего времени, хотя налицо и такие новшества, как появление острореберных сосудов.

Глина посуды эпохи ранней бронзы отличается хорошим качеством, без растительной примеси; она плотной структуры, качественного обжига. Дробные, напоминающие ковровые рисунки орнаменты, как правило, в виде широких фризов охватывают верхнюю половину сосудов. Орнаменты нанесены преимущественно черной, реже буроватой, краской по красноватому или розоватому фону. В единичных случаях отмечено использование красного цвета, причем только на сосудах крупных форм, что лишней раз указывает на керамические традиции геоксюрского стиля. Еще более редким является введение в роспись белой краски, причем исключительно на небольшие, почти сферические сосуды, изготовленные из глины кофейного цвета с примесью песка. Следует отметить, что роспись белой краской совершенно неизвестна в Туркмении в предшествующее время, зато отмечена для расписной посуды Белуджистана III тыс. до н. э.

Одним словом, использование преимущественно красной облицовки в фоновой загрузке сосудов, сохранение в росписи, хотя и в переработанном виде, геометрических, постгеоксюрских, в том числе полихромных орнаментов, не оставляют сомнений в генетической связи керамических традиций комплекса Намазга IV с предшествующей позднеэнеолитической посудой Юго-Восточной Туркмении. Особую важность приобретает керамическая последовательность, выявленная на Халуз-депе еще и потому, что посуда уже самой ранней фазы комплекса Намазга IV изготовлена на вращающемся инструменте.

В этом отношении показательны крупные сосуды, найденные из нижних слоев поселения, у которых корпус еще выделан вручную, а венчики несут следы правильных концентрических кругов, более свойственных сосудам, изготовленным при помощи вращательного инструмента. Вместе с тем, судя по стратиграфии памятника и по последовательности в изготовлении керамической посуды в Халуз-депе, внедрение гончарного круга в практику местных жителей не было одноактным явлением, а имело постепенный характер. На протяжении всей пятиметровой толщи керамического комплекса Намазга IV встречаются сосуды, изготовленные как вручную, так и с бесспорным применением гончарного круга. Это наблюдение позволяет уточнить вопрос о времени использования гончар-

ного круга в Южной Туркмении, относя это событие к середине III тыс. до н. э., а не к концу того же тысячелетия, как считалось ранее.

В целом аналогичная картина развития керамического производства наблюдается и на другом крупном поселении эпохи ранней бронзы Юго-Восточной Туркмении — Алтын-депе (Ганялин, 1967). Хотя и ограниченные по масштабам работы выявили здесь керамический комплекс, в целом близко соответствующий хапузскому. Роспись черной или бурой краской нанесена преимущественно на красный или кремовый фон сосудов. Почти вся расписная керамика с Алтын-депе этого времени изготовлена на гончарном круге, глина хорошего качества, без растительной примеси, прекрасного обжига. Орнаменты в целом повторяют хапузский комплекс, отличаясь, однако, в ряде случаев тщательной техникой исполнения. Это обстоятельство, в первую очередь, объясняется тем, что Алтын-депе являлось одним из центральных памятников в противоположность такому периферийному поселению, как Хапуз-депе, уже тогда затерявшемуся на далекой окраине местного земледельческого мира. И, действительно, в Алтын-депе сравнительно чаще встречаются зооморфные и фитоморфные изображения, чем на Хапуз-депе, хотя в целом удельный вес этих мотивов весьма скромнен на фоне решительного преобладания геометрической орнаментации.

Весьма показателен комплекс керамики времени Намазга IV с поселения Улуг-депе. Как по формам сосудов, так и по мотивам орнаментов посуда Улуг-депе близко напоминает аналогичный комплекс Алтын-депе с той лишь разницей, что здесь, наряду с краснофонной керамикой, имеются в достаточно большом количестве и сосуды со светлым ангобом. В этом отношении на Улуг-депе как бы сочетаются две керамические традиции, восходящие в конечном счете к более древним технологическим приемам, соответственно, восточной и центральной областям Южного Туркменистана.

Наряду с массовым распространением геометрических орнаментов в единичных случаях отмечены рисунки козлов и птичек, а кроме того в большом количестве представлены привозные сосуды из центральной области. Это и понятно, если учесть, что поселение Улуг-депе занимает как бы пограничное место между этими двумя областями.

Среди керамических форм выделяется двойной расписной сосуд из погребения Улуг-депе; подобная форма ранее в Южном Туркменистане не засвидетельствована.

Керамика этого времени с Намазга-депе и Анау отличается высоким качеством изделий и некоторой вычурностью форм (Массон, 1956). Характерной особенностью является широкое распространение острореберных сосудов. В этом отно-

шении керамический комплекс центральной области стоит ближе к единовременной керамике Улуг-депе и Алтын-депе, чем к посуде поселения Хапуз-депе.

Особенность керамического комплекса этой области обнаруживается в первую очередь в зеленовато-белом фоне, по которому нанесена роспись. Кроме того, здесь более распространены зооморфные и фитоморфные мотивы сравнительно с более восточными поселениями типа Алтын-депе. Эти чисто локальные варианты в керамическом искусстве получают свое объяснение в консервативности керамических традиций. Так, преимущественно красный фон сосудов поселений Юго-Восточной Туркмении с более частым использованием полихромной техники восходит к местным традициям керамического искусства геоксюрского времени.

С другой стороны, зеленовато-белый фон и сравнительно более частые зооморфные и фитоморфные мотивы отражают местные керамические традиции керамики времени Намазга III, поселений типа Кара-депе — Намазга-депе. Однако в целом эти различия отражают чисто технологические приемы в местном гончарстве и полностью нивелируются общим керамическим стилем орнаментации drobных, измельченных фризов.

Еще более скудны наши сведения относительно керамического комплекса эпохи ранней бронзы из западной области. По существу, здесь лучше всего изучена керамика с поселения Ак-тепе, расположенного в окрестностях Ашхабада. Достаточно широкие раскопки памятника были осуществлены А. А. Марущенко еще в 30-х годах нашего столетия, однако материалы до сих пор остаются неопубликованными. Все это заставляет нас несколько подробнее остановиться на керамике с Ак-тепе.

Первое, что бросается в глаза при просмотре керамики с Ак-тепе — это преобладание сероглиняной посуды сравнительно с расписной. Последняя почти не отличается от такой же с синхронных поселений остальной части Туркмении. Роспись выполнена черной краской по светлому фону сосудов. Наряду с геометрическими рисунками (рис. 2, 4) имеются зооморфные и фитоморфные мотивы. Первые представлены исключительно рисунками бородатых козлов с большими саблевыми рогами (рис. 3). Иногда такие козлы скомбинированы с рисунками деревьев. В ряде случаев козлы изображены не статично, а, наоборот, в позе «летающего галопа» (рис. 6). Обращает на себя внимание один фрагмент с возможным изображением животного с изогнутым телом. Если это действительно так, то общий стиль рисунка близко напоминает манеру росписи животных Геоксюрского оазиса. В целом же как рисунки животных, так и растений бесспорно продолжают

традиции, восходящие к керамике времени Намазга III. В этом отношении показательны сосуды с рисунками пятнистых барсов (рис. 5), полностью соответствующие аналогичным на керамике верхнего слоя Кара-депе.

Но, как отмечалось выше, особый интерес представляет тонкостенная сероглиняная керамика изящных, порою вычурных форм. Здесь выделяются сероглиняные вазы, конические чаши и острореберные кубки на гофрированных, часто полых, ножках (рис. 11). Нередко такие сосуды украшены процарапанными узорами то в виде горизонтальных волнистых линий (рис. 9, 10), то крупных треугольников, иногда заштрихованных внутри (рис. 7, 8, 12). Но совершенно исключительного интереса заслуживает сероглиняная керамика, на которой изображены извивающиеся змеи (рис. 13). Следует отметить, что рисунками змей украшены преимущественно серые сосуды, и пока они не отмечены на расписной посуде, точно так же, как изображения козлов, решительно преобладают в расписной керамике и лишь в единичных случаях отмечены на сероглиняной посуде. Все это может указывать на специальное назначение серых сосудов с рисунками змей.

Кроме того, имеются редкие экземпляры серой посуды, венчики которых украшены наклепными шишечками. Среди кухонной посуды имеются котлы обычных сферических форм, хумы и хумчи, глубокие миски со сливами (рис. 14).

Сероглиняная керамика с Ак-тепе представляет особый интерес и, возможно, является локальной особенностью керамического искусства племен эпохи ранней бронзы Юго-Западного Туркменистана.

Необходимо указать, что аналогичного типа сероглиняные образцы с процарапанным орнаментом практически встречаются в синхронных слоях всех других памятников Южного Туркменистана. Однако здесь они составляют ничтожный процент по сравнению с расписной посудой и производят впечатление импорта с западных поселений типа Ак-депе, под Ашхабадом.

Столь широкое распространение сероглиняной керамики на Ак-тепе, а также в некоторых других поселениях Юго-Западного Туркменистана (Ганялин, 1953) свидетельствуют о влиянии, идущем из Северного Ирана в пределы Южного Туркменистана. Весьма показательны, что поселения западной области территориально располагаются ближе всех других к иранским памятникам типа Тюренг-тепе и Шах-тепе, где в середине III тыс. до н. э. сероглиняная посуда является наиболее массовой и распространенной (Deshaye, 1969).

Как бы то ни было, нет никаких оснований допускать обратную картину появления серой посуды в Северном Иране,

якобы из среднеазнатских областей, как это считают некоторые авторы (Массон, 1964; Сариниди, 1969).

Пока еще трудно с точностью определить раннюю и позднюю фазы керамики типа Намазга IV. Можно лишь указать, что для начальной фазы более характерны измельченные орнаменты, в то время как в позднюю фазу орнаменты становятся крупнее, в виде «звездочек» и «уголков» и более небрежными по исполнению. В этом отношении показательны сосуды из погребальных камер на Алтын-депе, где в одном комплексе имеются как расписные сосуды с крупными рисунками, так и совершенно лишенные росписи, более характерные для керамики следующего периода развитой бронзы (Намазга V).

О большом прогрессе в керамическом производстве свидетельствует и новый тип гончарных печей эпохи ранней бронзы, раскопанных на поселениях Намазга-депе и Хапуз-депе. На смену примитивным одноярусным печам предшествующего времени теперь приходят керамические горны значительных размеров, а главное, более сложной конструкции.

Это уже двухъярусные печи, у которых обжигательная камера находится непосредственно над топкой и облицована кирпичами. В центре топки устроена либо длинная стена, либо опорный столб, на который опирается под обжигательной камеры с множеством продухов. Топка через специальное отверстие загружалась дровами, так что горячий воздух попадал через продухи в обжигательную камеру, где стояли полуфабрикаты. Камера находилась снаружи и имела сводчатое перекрытие, сложенное из кирпичей со специальным загрузочным лазом, через который в нее ставили приготовленные для обжига сосуды. Очевидно, работа с такими сложными гончарными горнами с регулируемой температурой требовала уже специальных технологических навыков. Использование гончарного круга и обжиг сосудов в печах сложной конструкции не оставляет сомнений в том, что в это время уже выделяются профессиональные гончары, специализировавшиеся на изготовлении керамической продукции.

Украшения и мелкие поделки. Большие новшества обнаруживаются в период Намазга IV и в области сфрагматики. Кажется, впервые на смену амулетам приходят уже изделия типа печатей. Так, при раскопках поселения Улуг-депе найдены две группы предметов, которые могут быть определены как печати. Это, во-первых, плоские квадратные каменные изделия с двумя отверстиями в центре для продевания шнура и орнаментом с лицевой стороны. Пока отмечены только геометрические узоры, выполненные характерной техникой выемчатого сверления в виде серии мелких круглых отверстий. Как сами орнаменты, так и особенно использование анало-

гичной техники сверления могут быть отмечены в печатях Афганистана, и в первую очередь Мундигака.

Сходство настолько очевидное, что не оставляет абсолютно никаких сомнений о былой реальной связи. Пока еще трудно судить о конкретной направленности влияний в области сфрагистики между Южным Туркменистаном и Южным Афганистаном, которые, возможно, являются двумя ответвлениями одного общего корня. Слабая изученность Северного Афганистана эпохи бронзы затрудняет более точное определение этого весьма интересного факта.

Если такие каменные изделия с двумя отверстиями в центре для продевания шнура отражают еще начальную стадию в области развития сфрагистики, то появление петелек-ручек на них не оставляет сомнений в их назначении. И такая керамическая печать была найдена в одном слое с каменными на Улуг-депе. Эта массивная квадратная печать имеет на лицевой стороне резной орнамент в виде крестиков, а с тыльной части—петельку-ручку. Нарезной рисунок прямо копирует аналогичные мотивы орнаментов по южнотуркменстанской расписной посуде, что не оставляет сомнений относительно местных истоков подобных изделий.

Очевидно, что появление печатей среди местных общинников знаменует собой определенные сдвиги в самом обществе эпохи ранней бронзы.

В это время большого развития достигает и камнерезное искусство, что хорошо видно по искусно выточенным фигурным бусам и подвескам. Новшеством является изготовление крупных биконической формы украшений, составленных из каменных пластин разного цвета. Широкое использование сверлильного станка подтверждается находками каменных сосудов с правильными симметричными формами. Обычно это цилиндрические слегка сужающиеся кверху сосудики с небольшим венчиком, отогнутым наружу. Среди металлических изделий отмечаются все те же длинные булавки с навершиями в виде лопаточек и миниатюрные булавочки с бипирамидальными навершиями. Вместе с тем появляются и единичные булавки, украшенные разными фигурными навершиями в виде ступенчатых пирамидок и крестовидных фигур. Нетрудно заметить, что эти новые формы фигурных наверший точно копируют орнаменты расписной посуды, свидетельствуя об использовании глубоко местных мотивов в области развития художественного металла.

Мелкая скульптура. Хотя антропоморфная пластика сравнительно с предшествующим временем представлена значительно меньшим количеством образцов, тем не менее в целом она рисует картину преемственности в этой области древнего искусства. Несмотря на многочисленность известных экземп-

ляров, уже сейчас можно выделить несколько иконографических типов антропоморфных статуэток эпохи ранней бронзы.

Это в первую очередь миниатюрные женские статуэтки, изображаемые без рук и грудей, но всегда в сидячей позе. Такие терракотовые и каменные фигурки известны с Халуз-депе, где они, бесспорно, отражают иконографические традиции пластинок позднегеоксюрского времени. Об этой же генетической преемственности южнотуркменистанской пластики свидетельствуют статуэтки, изображающие сидящих, но с ярко выраженными женскими признаками. Одна такая массивная статуэтка с Халуз-депе имеет на бедрах процарапанные зигзагообразные линии, скорее всего имитирующие струи бегущей воды. Вообще же в это время былую роспись на статуэтках эпохи энеолита окончательно заменяют наклепные и процарапанные узоры. Становятся все более популярными фигурки с прическами в виде двух прямых кос, переброшенных на грудь, и третьей, спускающейся на спину. Эти стилевые новшества, зародившиеся еще в пору позднего энеолита, получают свое окончательное завершение в антропоморфной пластике эпохи бронзы.

На фоне этой традиционной местной линии развития мелкой терракотовой пластики имеются уже отдельные образцы с индивидуальными чертами исполнения. Так, с Алтын-депе происходит статуэтка, изображающая беременную женщину—вздутый живот покрыт серпией мелких наколов. Эта фигурка рисует новый иконографический образ, поисковый тип, возможно символизирующий идею зачатия, вечную идею материнства.

На это может указывать верхняя часть фигурки с Алтын-депе, головка которой украшена характерной прической в виде косичек, обрамляющих лицо с обеих сторон. Такой тип прически совершенно не известен для других южнотуркменистанских терракот, зато отмечен для антропоморфной пластики поселения Телл Тайнет в Сирии.

К столь же редким типам относятся две статуэтки (с Намазга-депе и Алтын-депе), у которых одна рука вытянута вдоль тела, а вторая—поднесена к лицу. Единичными экземплярами представлены женские и мужские статуэтки, характерным признаком которых являются прямые цилиндрические основания; формальные аналогии подобным основаниям можно отметить в статуэтках «эхобского типа» Пакистана. Однако во всем остальном (подквадратные плечи, косы, переброшенные на грудь, всевозможные налепы) они, несомненно, восходят к местным статуэткам позднего энеолита.

Наряду с такими рядовыми рассчитанными на массовое потребление фигурками существовали уже несравненно более эффе́ктивные парадные, являющиеся не индивидуальными

божками отдельных лиц, а, вероятно, объектами публичного поклонения. Торс одной такой массивной статуи, выточенной из белого мрамора, был найден на Намазга-депе. В резной части торса сохранилось глубокое отверстие для штыря, которым крепилась отдельно выточенная головка, к сожалению, не сохранившаяся.

Хотя еще трудно наметить главную линию эволюции антропоморфной пластики на протяжении всей второй половины III тыс. до н. э., но есть основания считать, что в поздней фазе периода Намазга IV уже вырабатывается тот иконографический тип, который станет наиболее массовым и популярным в следующую эпоху развитой бронзы.

В этом отношении наиболее показательной является находка целой женской фигурки на Алтын-депе. Это уже совершенно плоская (а не традиционно объемная) сидящая статуэтка с расставленными в стороны руками, а спереди на грудь спускающимся двумя прямыми косами, сзади на спине — третья коса. Это уже новый, вполне сложившийся тип, обнаруживающий генетическую связь с местной антропоморфной пластикой.

В целом эпоха ранней бронзы выступает как период творческих поисков в области коропластики, завершившийся становлением нового типа женского божества. Несомненно, что за этим фактом скрываются глубокие изменения в культовых воззрениях того времени. На это же могут указывать и терракотовые идольчики в виде обнаженных мужских фигурок со схематичным, еле намеченным лицом, но с изображением преувеличенно большого натуралистично выполненного фалоса в эротическом состоянии. Здесь мастер все свое внимание уделил показу именно этого признака как символа мужского начала.

И, наконец, обособленную группу составляют редкие миниатюрные глиняные идольчики с растопыренными, иногда слегка согнутыми ногами, но без признаков пола. Нередко на спине и животе нанесена серия мелких глубоких наколов, что, конечно, не было случайным.

Хотя в целом антропоморфные статуэтки обнаруживают единый стиль в системе всего Южного Туркменистана, женские фигурки с Ак-тепе под Ашхабадом несколько выделяются среди них стоящей позой и серым тестом глины. В этом отношении они более близки к фигуркам с Тюренг-тепе.

Зооморфная пластика в массе представлена все теми же условно вылепленными фигурками животных: на этом фоне особенно резко выделяются единичные изображения верблюдов. Их чрезвычайная ценность определяется тем, что они принадлежат терракотовым моделям повозок, в переднюю часть которых вмазывались такие головки верблюдов на длин-

ной шее. Перед нами документальные свидетельства использования тягловой силы, что имело огромное значение в истории развития домашнего скотоводства и хозяйства вообще.

Погребальный обряд. При раскопках слоев времени Намазга IV встречены как индивидуальные захоронения, так и коллективные погребения в прямоугольных камерах. Однако последний тип захоронений преимущественно отмечен для обитателей Юго-Восточной Туркмении, что лишний раз подчеркивает генетическую преемственность с местной культурой постгеоксюрского типа. Коллективные погребения в камерах встречены на Хапуз-депе и Алтын-депе, но пока не известны в центральной области, как, например, на Намазга-депе.

Имеющиеся материалы дают основание предполагать, что коллективные захоронения в отдельно стоящих камерах были более характерны для ранней фазы периода Намазга IV. В позднюю фазу специальные камеры постепенно замещаются коллективными захоронениями в заброшенных помещениях, перегороженных тонкими стеночками на ряд камер. Вместе с тем и в этих камерах сохраняется коллективный способ захоронения. Погребальные приношения не отличаются богатством, сравнительно с предшествующим периодом увеличивается лишь количество сосудов. Одним из характерных признаков погребального инвентаря является захоронение вместе с умершими каменных светильников, выточенных из светлого камня (типа мрамора). Как правило, светильники имеют форму удлиненного цилиндра, слегка сужающегося книзу. В верхней части сделано небольшое углубление, которое, как и у многих светильников, закопчено. Углубление прикрыто съемной крышечкой с маленьким отверстием в центре. В одном случае сохранился даже фитиль в крышечке. Очевидно, что захоронение таких светильников в могилы указывает на усложнение взглядов, связанных с заупокойными культами. Видно, уже и в то время потусторонний мир представлялся темным и мрачным царством.

ЛИТЕРАТУРА

Щетенко А. Я. Раскопки памятников эпохи неолита и бронзового века в Каахкинском районе. В кн.: Каракумские древности, вып. 1, 1968.

Ганялин А. Ф. Раскопки в 1959—1961 гг. на Алтын-депе. СА, 1967, № 4.

Массон В. М. Протогородская цивилизация юга Средней Азии. СА, 1967, № 3.

Сарианиди В. И. Хапуз-депе как памятник эпохи бронзы. КСИА АН СССР, вып. 98, 1964.

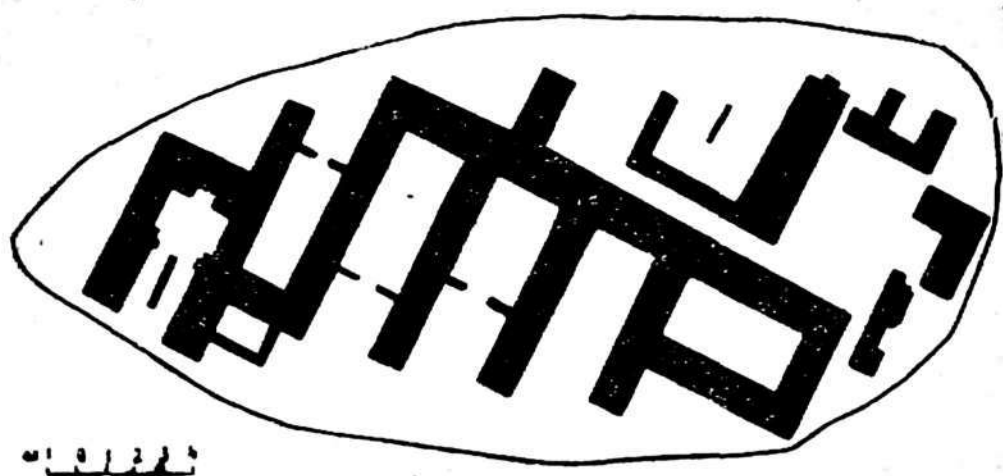
Массон В. М. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина. ТЮТАКЭ, т. 7, 1956.

Ганялин А. Ф. Археологические памятники горных районов северо-западного Копет-Дага. «Известия АН СССР», 1953, № 5.

Deshaye I. New Evidence for the Indo-Europeans from Tureng Tepe, Archaeology, N 22, N 1, 1969, pp. 10—14.

Массон В. М. Средняя Азия и Древний Восток. М.—Л., 1964.

Сарианиди В. И. Южная Туркмения и Северный Иран. Древнейшие связи и различия. СА, 1969, № 3.

Р и с. 1. Ак-депе. План верхнего горизонта.

Рис. 2. Ак-депе. Расписная керамика.

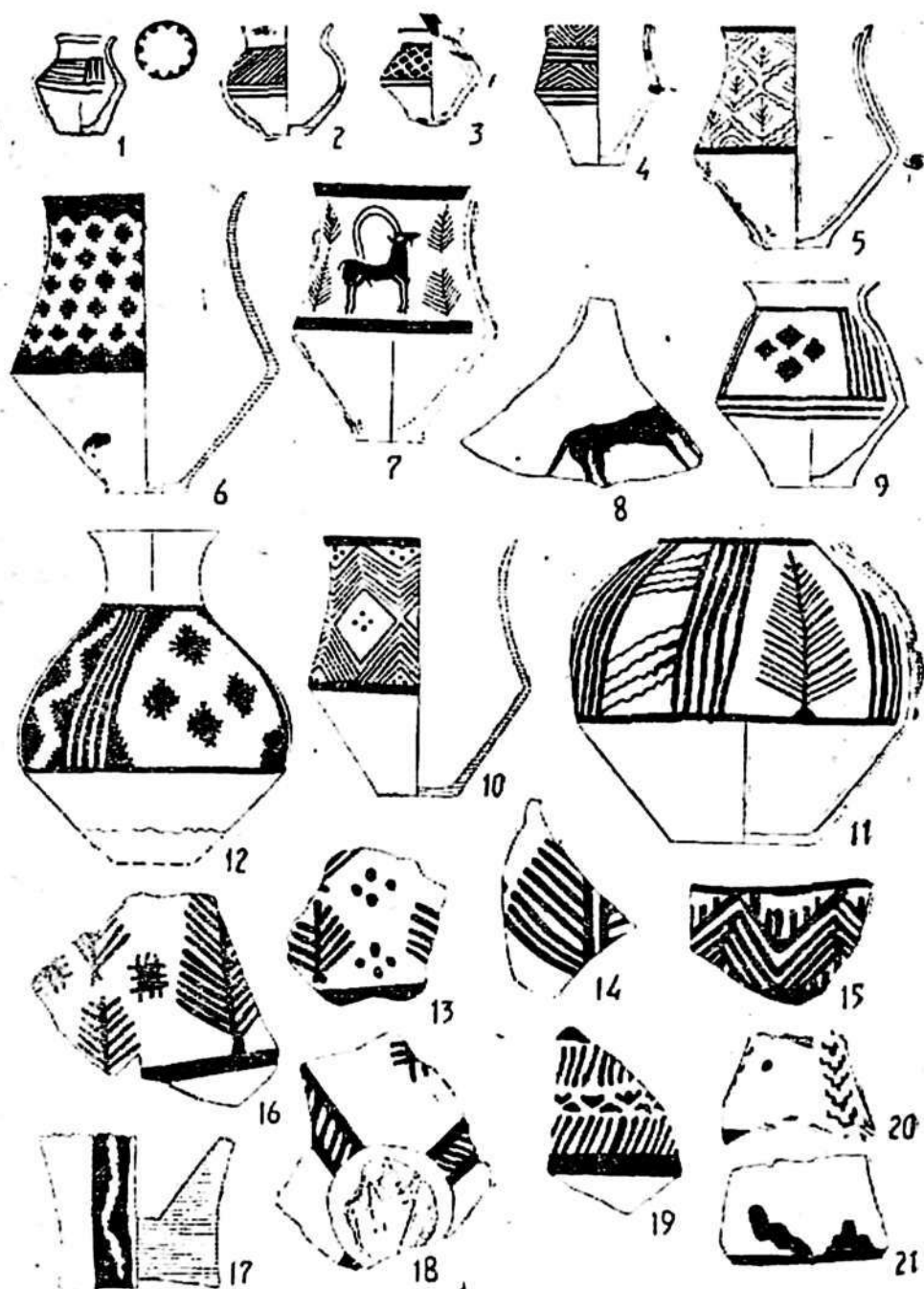

Рис. 3. Ак-депе. Расписная керамика.

Рис. 4. Ак-депе. Расписная керамика.

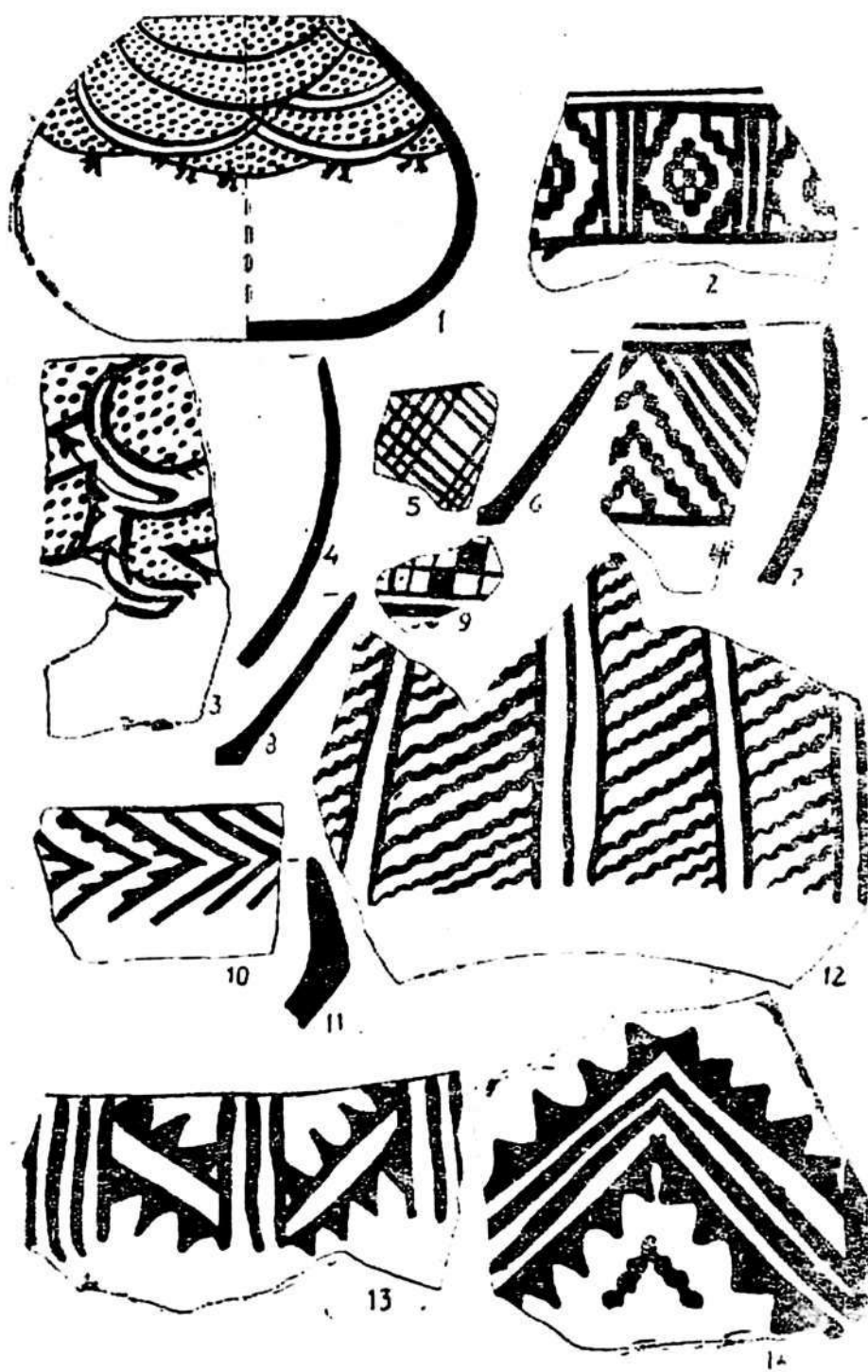

Рис. 5. Ак-депе. Расписная керамика.

Рис. 6. Ак-депе. Расписная и серая керамика.

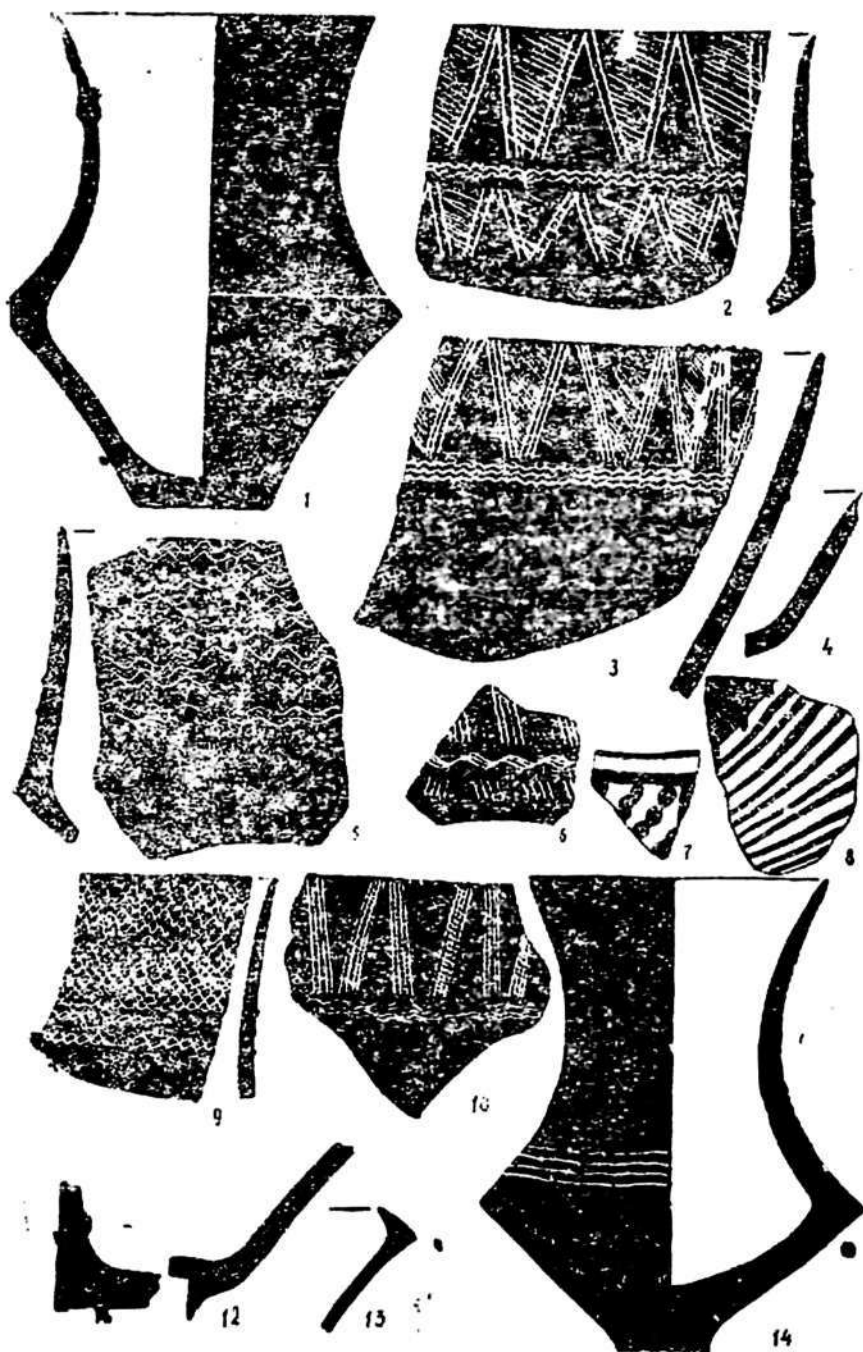

Рис. 7. Ак-депе. Серая керамика с процарапанным орнаментом.

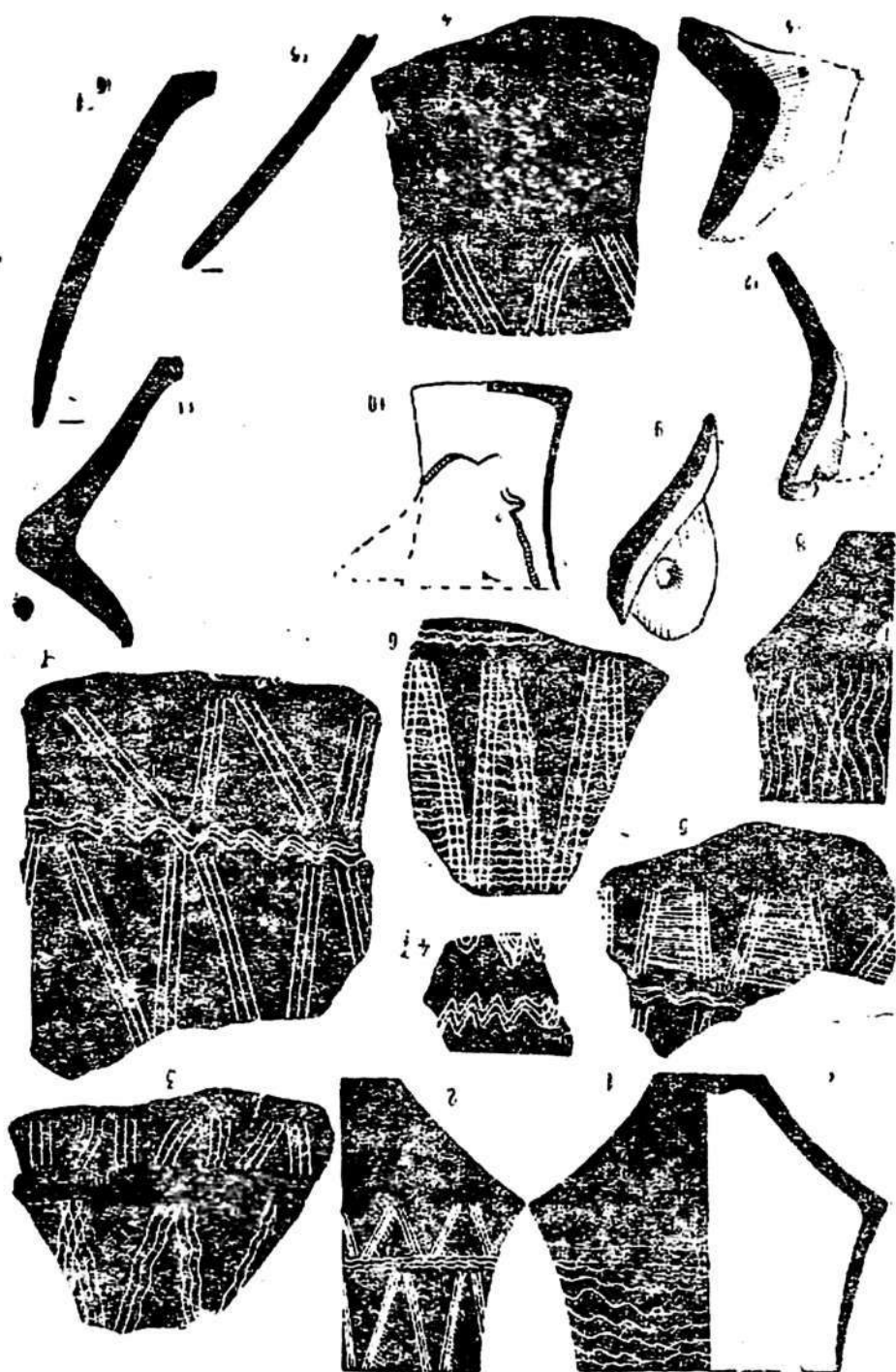

Рис. 8. Ак-депе. Серая керамика с процарапанным орнаментом.

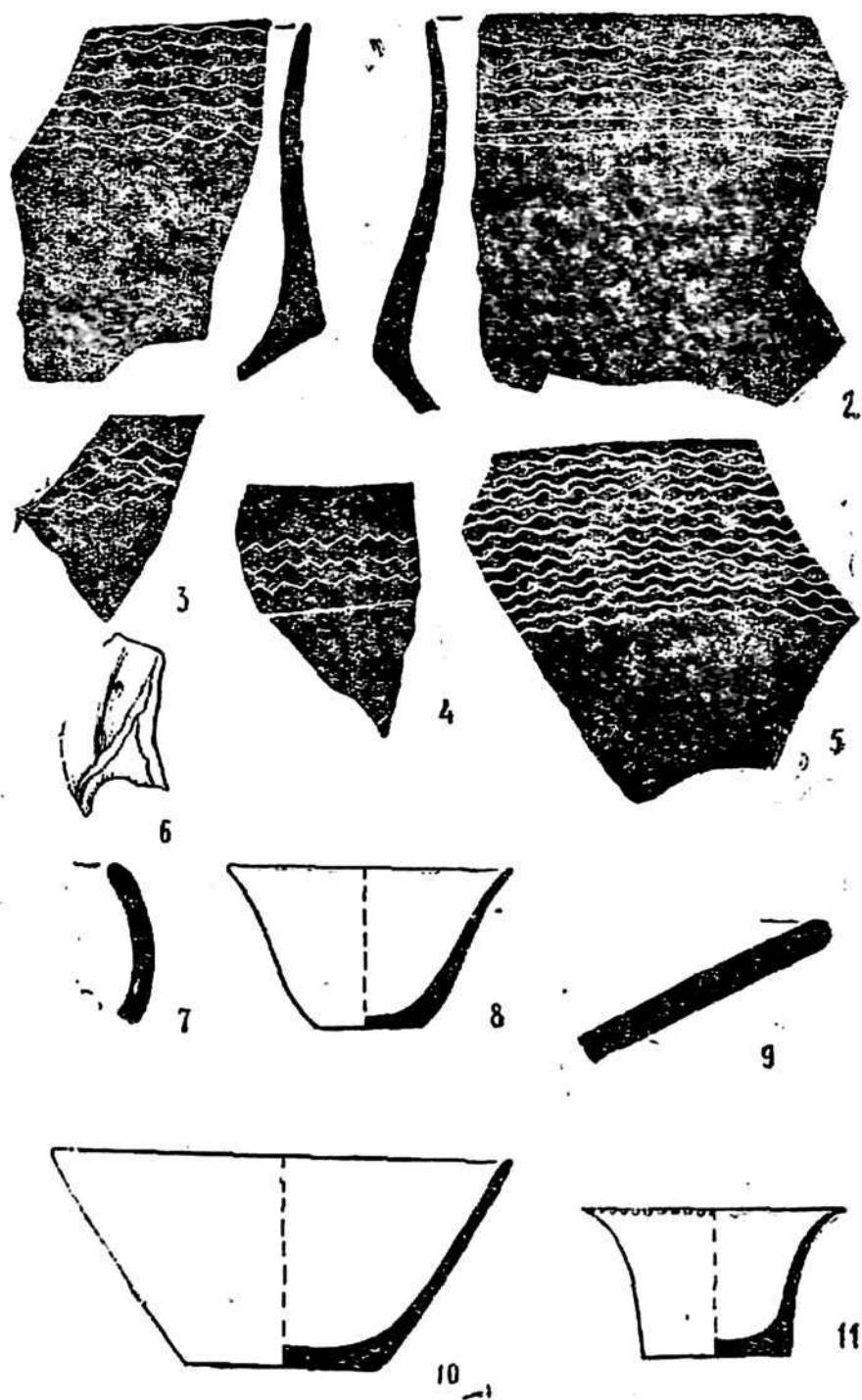

Рис. 9. Ак-депе. Серая керамика с процарапанным орнаментом.

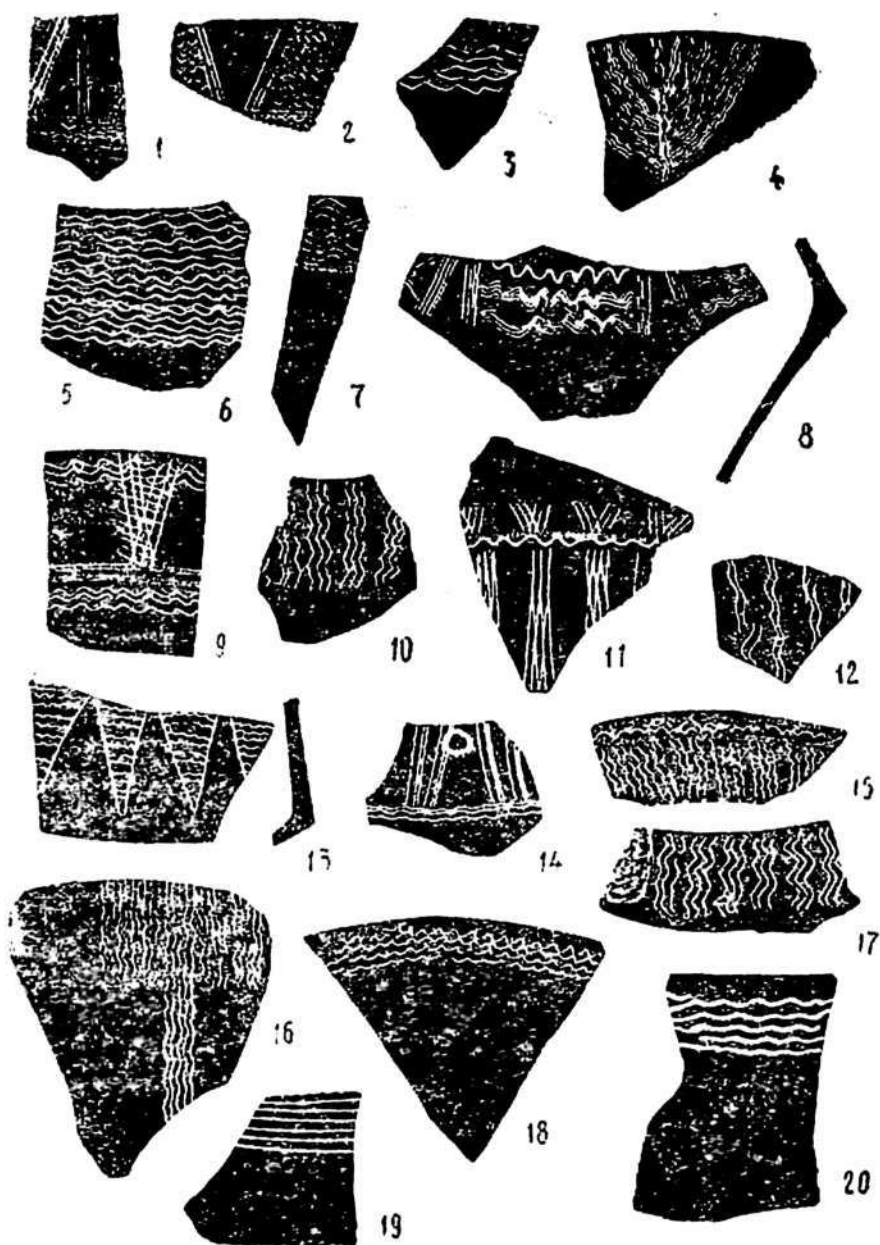
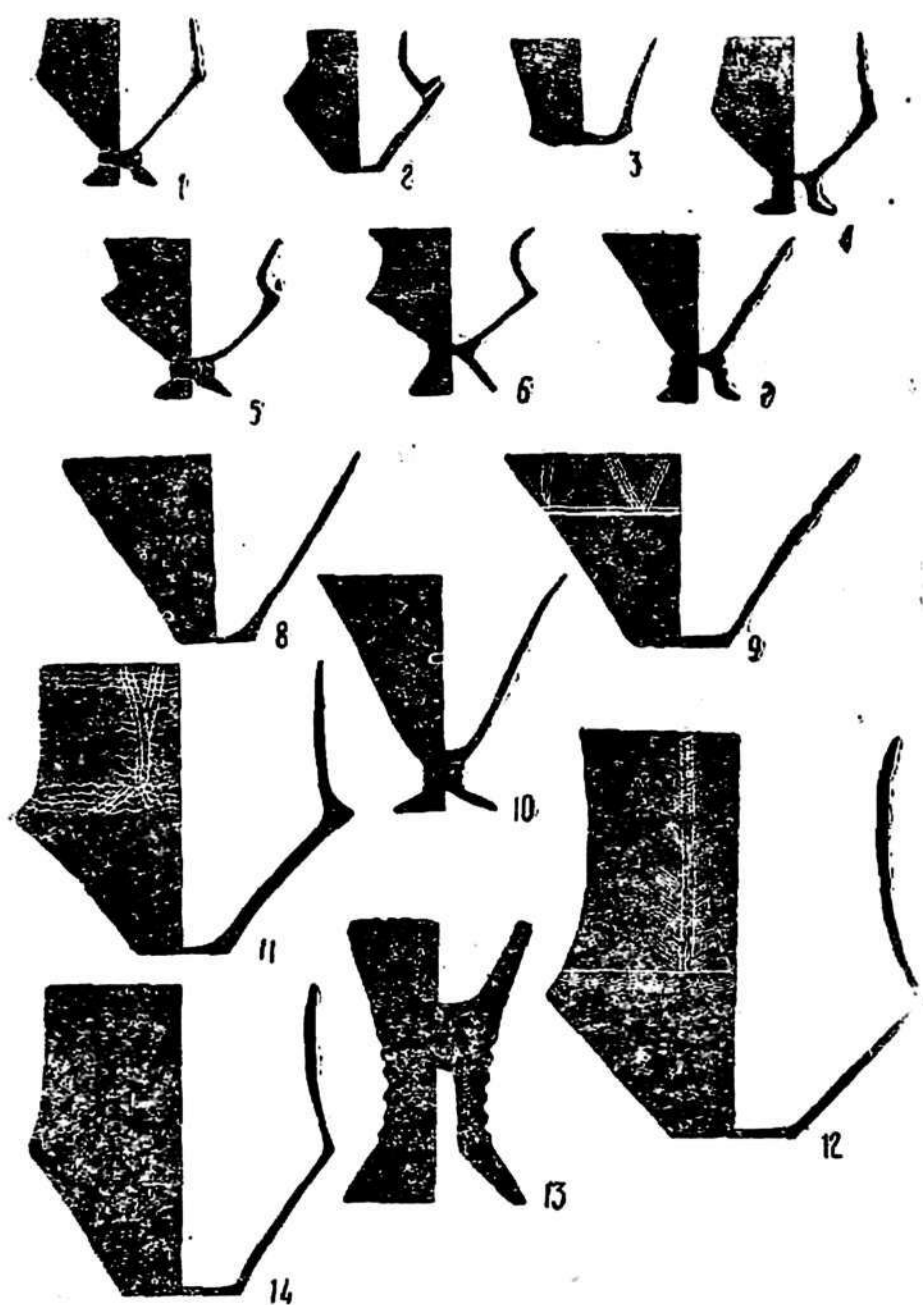

Рис. 10. Ак-депе. Серая керамика с процарапанным орнаментом.

Фиг. 11 Ак-депе. Серая керамика с процарапанным орнаментом.

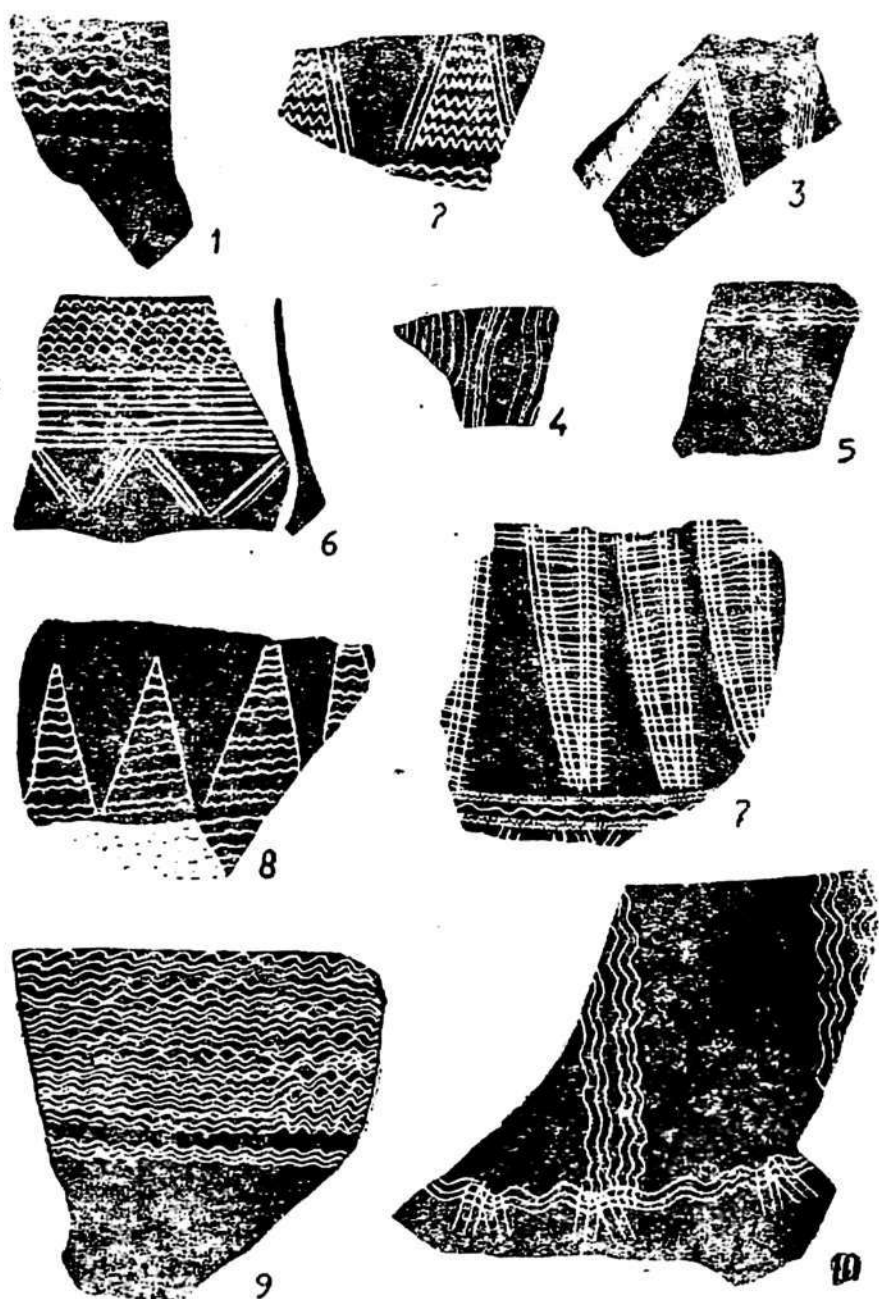

Рис. 12. Ак-депе. Серая керамика с процарапанным орнаментом.

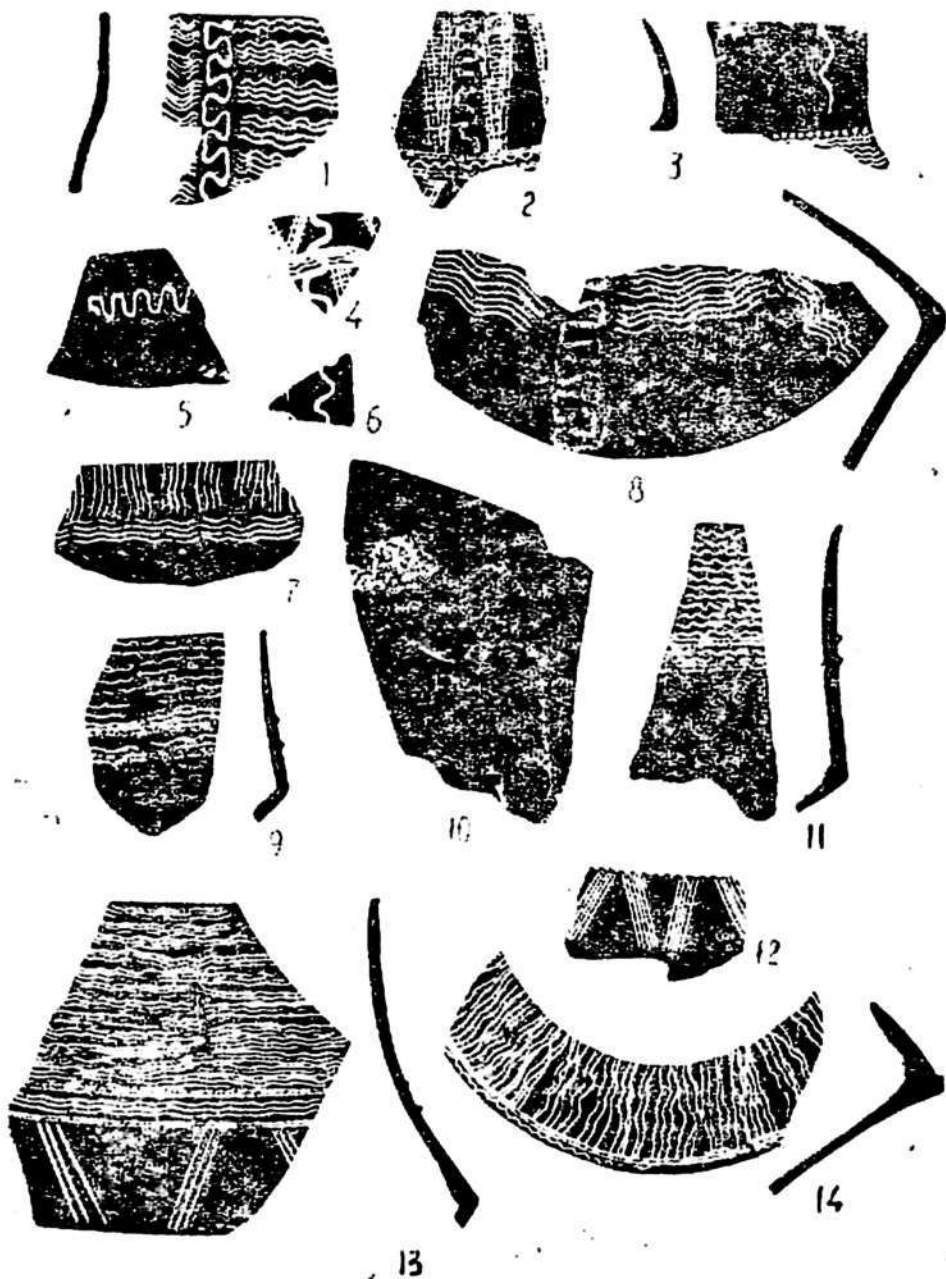

Рис. 13. Ак-депе. Керамика с процарапанным орнаментом.

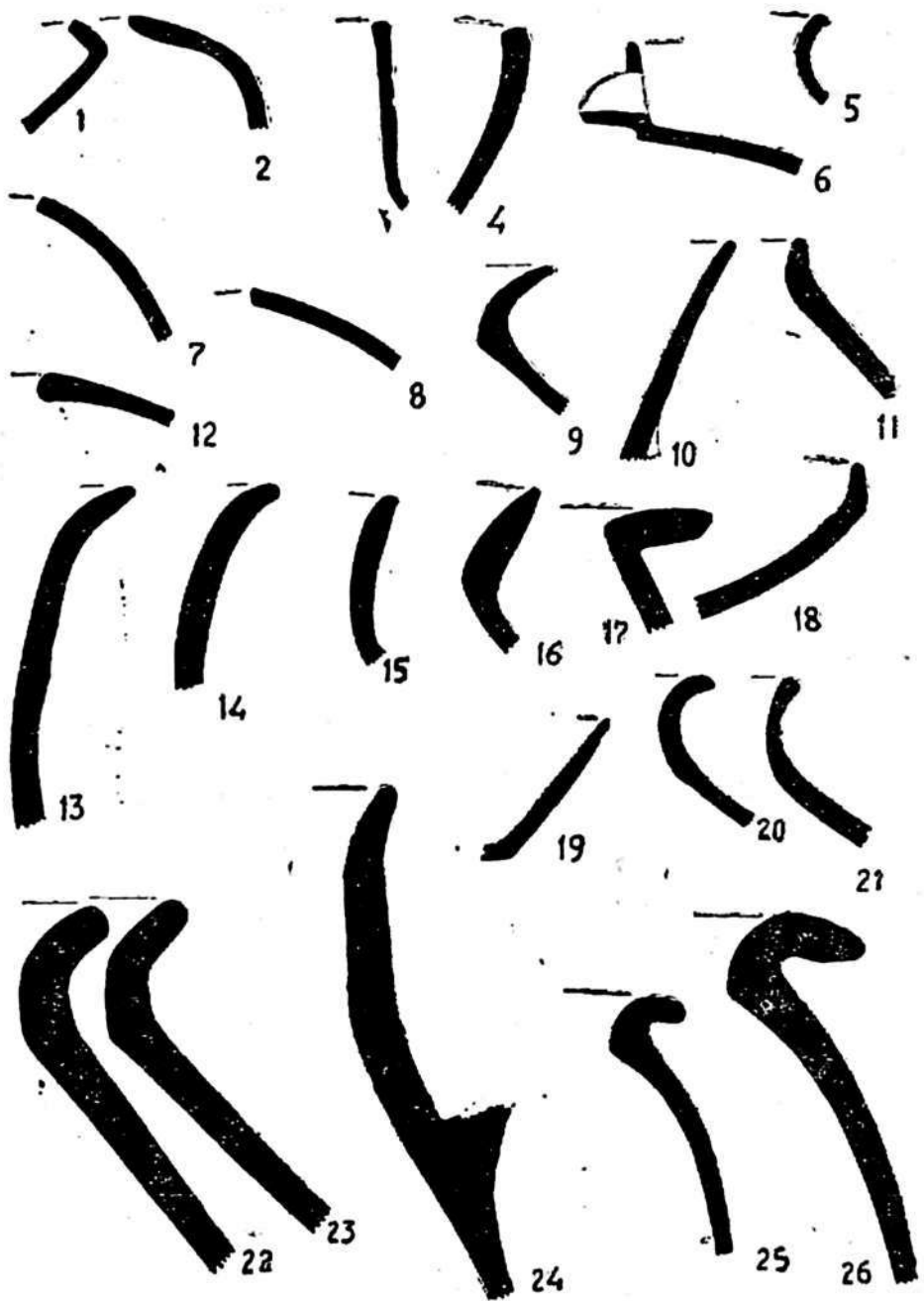

Рис. 14. Ак-депе. Формы нерасписной керамики.

Рис. 15. Ак-депо. Различные изделия из керамики, камня и металла.

В. М. МАССОН

**НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ЧЕРТЫ РАЗВИТИЯ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ПЕРВОБЫТНОГО ТУРКМЕНИСТАНА**

В Южном Туркменистане эта эпоха изучена сравнительно хорошо и представлена поселениями джейтунской культуры, комплексами Анау I-A, Намазга I, II и III. Высокая эффективность новой экономики проявилась прежде всего в сокращении времени, необходимого для обеспечения пищей членов общества, в увеличении досуга, росте общественного благосостояния.

Материальная культура достаточно чутко и оперативно реагирует на возрастающие возможности и потребности древних коллективов. Быт всячески благоустраивается, значительное внимание теперь уделяется сооружению и оформлению прочных, долговременных жилищ. Обязательным элементом экономической системы становятся разнообразные домашние промыслы, не связанные прямым образом с изготовлением орудий труда, наблюдается расцвет прикладного искусства. Технологическая специализация этих промыслов, возросшая с внедрением металлургии, требовала от исполнителей все большей степени профессионализма, что привело к появлению первобытного, или общинного ремесла.

Наконец, третья важная эпоха, которая лишь частично освещена материалами настоящей книги,— это время становления городской цивилизации, этой экономической основы раннеклассовых обществ древневосточного типа. В Южном Туркменистане это период Намазга IV и особенно Намазга V.

Интенсификация всех производств от земледелия до первобытных ремесел, рост производительности труда и общественного благосостояния образовывала экономические предпосылки социальной дифференциации общества, распадающегося на бедных и богатых, на состоятельную аристократию и рядовых общинников.

В материальной культуре этого времени особенно проявляется высокая степень технологической специализации отдельных производств, превращающихся в подлинное ремесло. Усиленно протекающий процесс социальной дифферен-

циации приводит к выделению в особые отрасли ювелирного дела и производства оружия. Крупные размеры поселений и появляющиеся на них строения монументальной архитектуры являются яркими показателями общего прогресса. Разнообразные клады вещей и погребения с богатым инвентарем представляют собой чуткий археологический индикатор происходящих социальных сдвигов. Рассмотрим кратко по этим трем периодам изменения различных проявлений материальной культуры по материалам, суммированным в настоящем издании.

Весьма выразительно эта историческая динамика отражается в типах жилищ и поселений. Эпоха присваивающей экономики, как правило, дает нам остатки сезонных стоянок и временных поселений. При этом человек стремится в первую очередь использовать естественные убежища — гроты, пещеры, скальные навесы. Такие пещерные стоянки в Туркмении известны в Прикаспии — Джебел, Кайлю, Дам-Дам-Чешме, где обнаружены многочисленные наслоения мезолитического и неолитического периодов.

Удобные природные укрытия использовались неоднократно на протяжении нескольких поколений. Скорее всего пещерные стоянки появились в Южном Туркменистане еще в эпоху раннего палеолита, но освоение известных в настоящее время прикаспийских гротов восходит по времени не ранее финальных этапов верхнего палеолита. При отсутствии пригодных природных убежищ древние охотники были вынуждены сами заботиться о своих жилищах. Их древнейшими видами были яма-углубление и ветровой заслон, из которых возникают основные типы первобытных жилищ — землянки и различные наземные постройки (от хижины до глинобитного дома).

Фундаментальные жилища эпохи верхнего палеолита известны главным образом в приледниковой зоне Европы, где их сооружение было вызвано суровыми природными условиями. В Средней Азии при более теплом, аридном климате естественней ожидать остатки более легких жилищ, но их достоверные остатки пока не обнаружены археологами. Возможно, такие сооружения имелись на самаркандской верхне-палеолитической стоянке.

Решительный поворот в сфере домостроения наступает в эпоху производящей экономики, являясь одним из наиболее ярких свидетельств ее качественно нового состояния. С распространением земледелия, приобретающего в конкретной природной среде Южного Туркменистана уже на ранних этапах черты орошаемого земледелия, устанавливается оседлый образ жизни, появляется глинобитная архитектура. Дома из сырцового кирпича теперь становятся надежным местом обитания. Эти строения, объединенные в поселки, достаточно выразительно отражают культурную и социальную эволюцию.

древнеземледельческих общин. Наиболее ранние из них — джейтунское поселение поры неолита, характеризуется уже весьма совершенной глинобитной архитектурой. Стандартные однокомнатные дома, с тщательно отработанным интерьером (алебастровый пол, цветное покрытие стен), являются важным достижением неолитического периода. Однако эта исходная планировочная единица образует путем многократного повторения поселок относительно бессистемно, явно стихийно застроенного. Здесь еще нет ни улиц, ни центральной площади, ни такого архитектурно-организованного центра, как святилище. Однако уже на среднем этапе джейтунской культуры такое святилище появляется, как об этом свидетельствуют раскопки Песседжик-депе. По своему планировочному решению оно представляет собой увеличенный жилой дом, по сами стены двойной толщины и интерьер, декорированный полихромной росписью и пилястрами, свидетельствует о рождении особой культовой архитектуры.

Строения с полихромноокрашенными интерьерами, скорее всего святилища, известны и на энеолитических памятниках времени Намазга I. С точки зрения архитектурной организации поселка как единого целого большой интерес представляют два поселения времени Анау I-A — Монжуклы-депе и Чакмаклы-депе. В обоих случаях поселение разделено на две части неширокой, но относительно прямой улицей, четко делящей на две части скопление жилых и хозяйственных строений. Не исключено, что подобная планировка как-то связана с дуальной организацией обитавших здесь общин.

Другой тип планировочного решения поселка как единого целого дают нам памятники Геоксюрского оазиса поры развитого энеолита — Муллали-депе и Ялангач-депе. Здесь небольшие поселки обведены по периметру ломаной линией обводной стены, причем в местах пересечения ее отрезков расположены круглоплановые строения. Правда, толщина этой обводной стены (около 50 см) еще весьма незначительна, но по формальным признакам план этих поселков напоминает крепости или замки. Вероятно, появление такой ограждающей стены, четко определяющей внешние границы поселения, обусловлено было, в первую очередь, необходимостью усиления функции обороны этого крайнего северо-восточного форпоста южнотуркменистанского массива раннеземледельческих племен.

Заметный прогресс в архитектуре отмечается в период позднего энеолита. В это время центрами земледельческих оазисов являются такие крупные поселения, как Кара-депе и Геоксюр, число жителей которых по разным подсчетам колебалось от 1000 до 2000—3000 человек (Массон, 1964). Раскопки Кара-депе показали, что здесь, в центре поселе-

ния, находился большой незастроенный участок, своеобразная площадь, на которую выходили неширокие улочки. Такими улочками на Кара-депе и Геоксюре разделялись многокомнатные дома — массивы, объединявшие целый ряд жилых и подсобных помещений и бывшие, судя по всему, местом обитания большесемейных общин. В Геоксюре составным элементом таких массивов было небольшое домашнее святилище с круглым жертвенником — эхсерой. Важным достижением было появление ложносводчатых конструкций, представленных погребальными камерами Геоксюра. Не вполне ясным остается вопрос о наличии крупных, монументальных зданий.

В эпоху бронзы начиная со времени Намазга IV в Южном Туркменистане достаточно определенно начинают проявляться черты формирования городской цивилизации. Весьма тщательные строения небольшого поселения этого времени — Ак-депе под Ашхабадом, правда, еще не обнаруживают черт принципиально новых архитектурных решений. Зато в крупном центре этого времени — Алтын-депе — открыты остатки мощных обводных стен, возможно, внешней части какого-то значительного культового комплекса.

Еще более показательна в этом отношении архитектура времени Намазга V, когда местная оседлоземледельческая культура достигает наибольшего расцвета, и ее можно именовать ранней цивилизацией. Из археологически осязаемых признаков цивилизации особое значение исследователями придается следующей триаде: поселения с числом жителей более 5000 человек, монументальные культовые центры, письменность. Если рассматривать систему знаков на статуэтках этого времени как свидетельство зарождения искусства письма (Массон, Сарияниди, 1973), то в памятниках Южного Туркменистана времени Намазга V следует видеть именно формирующуюся цивилизацию древневосточного типа.

Архитектура этого времени особенно примечательна. С одной стороны, жилые кварталы Алтын-депе и Намазга-депе так же, как и планировка небольших поселков типа Шор-депе, практически мало отличаются от Геоксюра и Кара-депе с их узкими извилистыми улочками, имеющими лишь подобие системы в хаотическом нагромождении жилых и хозяйственных строений. Вместе с тем налицо и качественно новые черты появления монументальной архитектуры, представленной на Алтын-депе массивным башнеобразным сооружением типа зиккурата и расположенным около «дома с обводом», вознесенным на сырцовую платформу трехметровой высоты.

Господство массивных объемов, монументальное строительство — характерные черты архитектуры Месопотамии, свидетельствующие об использовании формирующейся цивилизацией уже сложившихся форм. Появление монумент-

тальной архитектуры — прямое свидетельство наличия в обществе значительного прибавочного продукта, яркая черта его нового качественного состояния. Социологическое обоснование этого явления еще в середине XIX века дал К. Маркс, когда он писал, что «часть прибавочного труда общины принадлежит высшему коллективу, существующему в конечном счете в виде одного лица, а этот прибавочный продукт проявляется в виде дани и т. п., и в коллективных видах труда, служащих для возвеличения единства — отчасти действительного деспота, отчасти воображаемого племенного существа — бога» (Маркс, 1939).

Черты значительного прогресса, происходящего на протяжении трех эпох отражают и орудия труда. В этом отношении особенно богатным материалом для изучения являются коллекции различных периодов каменного века, когда именно орудия труда и сопутствующие их изготовлению отщепы, составляют основную массу находимых предметов. К сожалению, каменные изделия поры палеолита и мезолита не были подвергнуты массовому изучению методом функционального анализа, что существенно уменьшает их значимость как полноценного источника по истории хозяйства.

Судя по типологическим признакам, большая часть кремневых орудий периода палеолита связана с охотой и с обработкой получаемых на охоте продуктов — разделкой туш и выделкой шкур. Здесь ярко выступает основная целевая направленность эпохи присваивающей экономики, сохраняющейся на протяжении многих десятков тысяч лет. Однако было бы неверным представлять этот огромный отрезок времени как что-то застывшее и неподвижное. Здесь все время шли успешные технологические поиски способов наиболее простого и быстрого изготовления наиболее совершенных орудий. Это находит отражение в появлении одновременно существующих различных технических традиций, что, возможно, имело место в Туркменистане уже в мустьерский период.

Важнейшим поворотным пунктом на пути этих технических достижений был переход к пластинчатой индустрии верхнего палеолита, когда основной исходной заготовкой становится пластина, скалываемая с призматического нуклеуса. Это не только упростило процесс производства самих орудий, но и открыло широкие возможности для их функциональной вариабельности.

Пластинки и их различные производные варианты, вставляемые в костяные или деревянные рукоятки, становятся универсальным типом орудия в пору мезолита. Именно этот тип достаточно совершенных и производительных орудий труда явился одной из производственных предпосылок перехода к производящей экономике. Орудия труда неолитического Джей-

туна являются закономерной финальной фазой мезолитических индустрий.

Таким образом, комплекс орудий труда раннего этапа производящей экономики представляет собой прямое наследие предыдущей эпохи, приспособляемое к пучкам новых видов хозяйственной деятельности. Прямые жатвенные ножи, или серпы, составляющие около 30% всех орудий на джейтунских памятниках, представляют собой типично мезолитическое вкладышевое орудие, используемое в новой функции. Общество ранних земледельцев вело неустанные поиски в области технического прогресса. Функциональный анализ джейтунских орудий труда показывает, что эти усилия были направлены на ускорение производственных процессов и экономию материалов, что в целом вело к повышению производительности труда в процессе самого производства орудий (Коробкова, 1969).

Завершением этих поисков был переход к изготовлению медных орудий, появившихся в комплексах Анау I-A, видимо, не без воздействия усилившихся связей с центральным Ираном, где имелись отсутствующие в Туркменистане рудные источники (Кузьмина, 1966). Переход к металлу сразу сказался в обеднении набора кремневых орудий, практически исчезающих ко времени Намазга I—II. В этот период известны единичные наконечники стрел и вкладыши серпов, не идущие ни в какое оравнение с сотнями вкладышей серпов, находимых на джейтунских памятниках. Это позволяет заключить, несмотря на обедненный набор форм медных изделий, в большинстве своем шедших в переплавку, что орудия из меди стали основой производительных сил раннеземледельческих общин. Массивные изделия из камня — ступки, зернотерки, песты, требующие уже по своей функции использования именно этого материала, ни в какой мере не меняют подобного заключения. Все эти каменные изделия продолжали бытовать до развитого железного века. Применение техники обжига делало медные орудия достаточно прочными, а технология литья позволяла легкое и быстрое получение массовых серий.

Судя по находке массивного меча из Кара-депе, в это время происходит выделение оружия из состава орудий труда, так как для эпохи производящей экономики охотничье оружие можно рассматривать как составную и важнейшую часть этих орудий. Это свидетельство и сложных социальных отношений, и усложнения специализации первобытных ремесленников. Об этом свидетельствует и распространение в позднем энеолите одноярусных горнов для обжига керамики.

В эпоху формирования городской цивилизации эта специализация и профессионализм заметно возрастают, появляются

ся изделия из сплава меди и свинца, меди и мышьяка, видимо, происходит специализация внутри металлургов. Разнообразное оружие является как бы материальным отражением социальных противоречий выделения аристократии с дружинами воинов. Важное орудие появляется и у керамистов. Это гончарный круг, остатки которого в виде терракотового диска были найдены на одном из поселений времени Намазга V. Как и в Передней Азии, технологической основой раннегородской цивилизации Южного Туркменистана была развитая бронзовая индустрия.

Важным видом археологических источников является глиняная посуда, представляющая собой, начиная с эпохи неолита, едва ли не наиболее массовый материал в составе добываемых коллекций. В эпоху присваивающей экономики, насколько можно судить главным образом по данным этнографии, глиняные сосуды с успехом заменяли корзины, кожаные и деревянные изделия.

С введением в рацион питания зерновых продуктов необходимость в жаростойких сосудах резко возросла, и уже на джейтунских поселениях мы находим первый, еще довольно однообразный набор глиняной посуды. Весьма существенно, что уже на этих ранних этапах глиняные сосуды покрываются росписью, то есть являются объектом прикладного искусства. В дальнейшем роспись усложняется, в нее вводятся зооморфные сюжеты, вырабатываются изысканные орнаментальные стили, достигающие подлинного расцвета в период позднего энеолита. Это массовое народное искусство с четким декоративным направлением является характерной чертой раннеземледельческой эпохи. Представляется, что в ней нашел яркое отражение резкий рост благосостояния общин, перешедших к новым прогрессивным формам экономики и могущих уделять все больше внимания своему быту.

Достаточно показательны и последующие изменения, наблюдаемые в керамических комплексах. В пору ранней бронзы (Намазга IV) постепенно входит в употребление гончарный круг, а расписные орнаменты к концу этого периода становятся и обедненными, и количественно относительно редкими среди общей массы и нерасписной посуды. Эта тенденция находит свое завершение в комплексе Намазга V, когда мы имеем ремесленную посуду стандартных форм, практически полностью лишенную орнаментации. Мастер-профессионал приходит на смену домашним промыслам, народное прикладное искусство вытесняется из сферы гончарного производства.

Характерно также широкое распространение каменных и бронзовых сосудов. Видимо, существовали и сосуды из драгоценных металлов. Это была также одна из причин упадка

расписной керамики и вместе с тем материальное воплощение имущественной дифференциации общества. Г. Чайлд про раннединастическую Месопотамию писал, что «к услугам богов и даже зажиточных граждан были каменные, золотые, серебряные и медные сосуды. Керамика предназначалась для слуг и для стола бедняков» (Чайлд, 1956).

Одной из сложных проблем исторической интерпретации данных археологии является изучение идеологических представлений по памятникам материальной культуры. Для эпохи присваивающей экономики такие данные не только для территории Туркменистана, но и для всей Средней Азии предельно малы. С уверенностью можно говорить лишь о возникновении погребального обряда, представленного для времени мустье знаменитым погребением тешикташского мальчика, а для позднего мезолита и раннего неолита — могилами южнотаджикистанских Туткаула и Сай-Саёда, а также прикаспийского Кайлю. В последнем некрополе представлены такие характерные черты более позднего времени, как посыпание покойников охрой и помещение в могилу кремневых изделий, возможно, ножей и украшений в виде бус. Мелкая скульптура, столь прекрасно представленная верхнепалеолитическими комплексами приледниковой зоны, отсутствует как в Средней Азии, так и на Ближнем Востоке. Вместе с тем, во всяком случае в конце этой эпохи, выделяются своеобразные культовые центры в виде пещер, стены которых покрыты цветными рисунками главным образом различных животных (Зарауткамар, Шахты). Правда, о наскальных рисунках Туркменистана известно в основном по долинам рек Сумбар и Чандыр; судя по всему они относятся к весьма позднему времени.

В земледельческо-скотоводческую эпоху продолжались ранее возникшие традиции посыпания покойников охрой и помещения в могилу различных вещей, главным образом украшений и сосудов, скорее всего содержавших пищу. Правда, первая из этих традиций постепенно угасает, но вторая устойчиво сохраняется, позволяя уловить начало процесса имущественной дифференциации. С последним, надо полагать, связано появление в позднем энеолите погребений, содержащих не 1—2, а до 8 глиняных сосудов. В позднем же энеолите распространяется и новый для Южного Туркменистана обряд коллективных захоронений в погребальных камерах — толосах, возможно, являвшихся в некоторых случаях своеобразными усыпальницами большесемейных общин.

Специфической чертой раннеземледельческих комплексов является широкое распространение мелких глиняных фигур, изображавших жейщин и различных животных. Стиль этих

скульптур, особенно антропоморфных, несколько меняется на протяжении энеолита, но в целом принадлежит одному художественному направлению, связанному с определенной идеологической концепцией. Это была имитивная магия с ее основным признаком «часть вместо целого», что порождало появление как бы некомплектных женских фигурок, не всегда с реалистичной полповесностью в проработке специфически женских черт — груди и пышных бедер.

В позднем энеолите появляются мужские статуэтки, как, например, «головки воинов», что, возможно, отражает усложнение социальной структуры общества. Находка торса мраморной статуэтки на Намазга-депе и культовые сцены в росписи на керамике показывают, что во всяком случае статуэтки сидящих женщин играли роль идолов, помещавшихся в специальных святилищах. Появление таких святилищ также составляет специфическую черту эпохи производящей экономики.

Научившись строить дома, человек строит их не только для жилья, но и как воплощение единства общины, воспринимаемое через призму религии. Начиная с неолита культовые центры, или святилища становятся обязательным составным элементом раннеземледельческих поселков. Диктуемая экономическими потребностями необходимость такой регламентации аграрных циклов вела к появлению и усилению роли жрецов как реальных хранителей зачатков положительных знаний.

Существенные перемены наблюдаются в эпоху формирования раннегородской цивилизации. Правда, они оказываются не столь значительными, поскольку мы имеем дело не со сложившейся социально-экономической структурой нового качества, а с процессом формирования, кардинальным образом воздействующего на надстроечные явления. Старые традиции погребального обряда, включая сосуществование коллективных и одиночных погребений, сохраняются. Наблюдается усиление тенденции к имущественной дифференциации («погребение жрицы» на Алтын-депе), но княжеские погребения пока не известны, что, правда, скорее всего отражает степень изученности археологами данного периода, а не его характерные черты.

Весьма показательны перемены, происходящие в сфере мелкой пластики. Объемно прочувствованные скульптурные традиции предшествующей эпохи сменяет условно-плоскостный стиль с заметными чертами веризма, особенно в трактовке причесок и головных уборов. Это, скорее всего, отражает процесс усиления абстрактного мышления и, надо полагать, формирование религиозной системы, приходящей на смену пестрой мозаике народных верований и культов.

Наличие устойчивой системы знаков на женских статуэтках, сочетающихся со специфическими и иконографическими признаками, возможно, также указывает на попытки кодифицировать их изображения пантеона небесных духов. Мону-ментальные культовые центры, рассчитанные на регулярное функционирование, вероятно, отражают выделение жрецов в особую касту в системе социальной верхушки общества.

И, наконец, последний вопрос, тесно связанный с изучением памятников материальной культуры первобытного Туркменистана. Это проблема соотношения местного, автохтонного развития и инокультурных связей и влияний. Советские археологи решают эту проблему с определенных идеологических позиций, покоящихся на признании примата социально-экономического процесса как главной и определяющей силы мировой истории. Однако процесс исторического развития протекал не в искусственном вакууме, а в конкретной среде сложного многообразия существующих и взаимовлияющих племенных групп и народов. Такие расселения составляли важную черту специфики развития того или иного района, отнюдь не подменяя главную, социально-экономическую доминанту.

Это соотношение главного и вторичного, но также важного и существенного, достаточно определенно прослеживается и в эволюции материальной культуры первобытного Туркменистана. Уже в эпоху присваивающей экономики Туркмения входила в одну историко-культурную зону с Передней Азией, и мы наблюдаем определенные связи и воздействия, исходящие из ближневосточных центров. Примером таких связей является «зарзийская струя», выделяемая в мезолитических комплексах Прикаспия.

Однако все эти связи осуществлялись в рамках одной хозяйственной системы, одного уровня развития хозяйственного и экономического развития. С переходом к производящей экономике резко усиливается неравномерность исторического процесса, обусловливаемого целым рядом природных и социальных факторов.

В раннеземледельческих культурах Южного Туркменистана в настоящее время достаточно отчетливо выделяются два периода активного воздействия со стороны ирано-месопотамских культур, сопровождавшегося скорее всего даже прямыми переселениями отдельных племенных групп. Первый период — время Апау I-A, когда в Южном Туркменистане появляется металл, каменные мотыги сипалковско-хассунского типа и специфическая расписная керамика, резко отличная от глиняной посуды джейтунского неолита. Эти новые черты уходят своими истоками в область центрального Ирана, район Кашан — Тегеран. Второй период — особо заметных влия-

ний и инфильтраций, время Намазга III, когда в керамической росписи появляется отчетливая зооморфная струя на западе и геоксюрский орнаментализм на востоке, а в мелкой пластике отчетливо прослеживается воздействие шумеро-эламской традиции.

Эти новшества прослеживаются в центральном и Северо-Восточном Иране (Спалк—Гиссар) и далее на юг в области Двуречья. Однако было бы едва ли правомерно рассматривать эти периоды как время кардинального разрыва местных традиций. Домостроительные приемы и керамический комплекс времени Намазга I нельзя объяснить вне его связей с джейтунским неолитом. Из привнесенных новшеств усваивались, сохранялись и получали развитие лишь те черты, которые отвечали уровню, достигнутому южнотуркменистанскими общинами. Так, прогрессирующий упадок кремневой индустрии, отчетливо прослеживаемый по трем фазам джейтунской культуры, подготовил внедрение медных орудий.

В эпоху позднего энеолита из Спалка-Гиссара были заимствованы элементы росписи, но не гончарный круг, а из Шумера и Элама — элементы мелкой пластики, но не монументальной архитектуры. Местная среда в это время еще не подошла к уровню развития, когда гончарное колесо и монументальные постройки становятся насущной потребностью эпохи, когда уже не важно, импортированы ли эти новшества со стороны или изобретены заново. Такая правильная научная перспектива особенно важна при изучении культур расписной керамики, где богатый орнаментальный материал открывает неограниченные возможности для построения миграционных концепций. Гипертрофированный автохтонизм и ультрамиграционизм одинаково чужды теоретическим основам советской археологии.

ЛИТЕРАТУРА

Коробкова Г. Ф. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. МИА СССР, 1969, № 158.

Кузьмина Е. Е. Металлические изделия эпохи энеолита и бронзового века Средней Азии. М., 1966.

Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. ВДИ, 1939, № 1.

Массон В. М. Средняя Азия и Древний Восток. М.—Л., 1964.

Массон В. М., В. И. Сараниди. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. М., 1973.

Чайлд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956.

И. С. МАСИМОВ

**МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА
ЮЖНОЙ ТУРКМЕНИИ В ПЕРИОД РАЗВИТОЙ
И ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ**

Памятники эпохи бронзы территории современного Южного Туркменистана сейчас достаточно широко изучены в пределах периодов развитой и поздней бронзы соответствующей археологической периодизации Намазга V и Намазга VI. Время Намазга V в древней истории Туркменистана — пора наивысшего расцвета культуры местных оседлоземледельческих племен, а сменяющее его время Намазга VI характеризуется постепенным спадом и застоєм этой культуры.

Впервые материалы комплексов типа Намазга V и VI были получены с южного холма Анау близ Ашхабада, еще в конце прошлого века раскопками русского генерала А. В. Комарова. Вторично холмы Анау были обследованы и раскопаны в 1903—1904 гг. американской экспедицией Р. Пампелли (Rappelly, 1905, 1908). В 1916 г. был открыт один из крупнейших памятников этой эпохи, содержащий в своих верхних слоях комплексы Намазга V и VI поселение Намазга-депе, расположенное к западу от ж.-д. ст. Каахка (Букиннич, 1924, 1929). В 1928 г. было открыто второе по величине поселение эпохи бронзы Алтын-депе, которое перекрыто слоями комплекса типа Намазга V. В 30-е годы был открыт еще целый ряд холмов подгорной полосы Копетдага, содержащих в себе комплексы Намазга V и VI (Марущенко, 1939; Ершов, 1944; Атагарриев, Бердыев, 1967).

С образованием в 1946 г. Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ) при АН ТССР изучение памятников бронзового века в Туркменистане приобретает еще более широкий размах. В 1949—1950 гг. отряд ЮТАКЭ, возглавляемый Б. А. Литвинским, проводит раскопки на Намазга-депе (Литвинский, 1952). В 1951 г. другой отряд этой экспедиции под руководством А. Ф. Ганялина раскапывает могильник поздней бронзы у Янги-кала близ Геоктепе (Ганялин, 1956). В 1952 г. проф. Б. А. Куфтин на основе стратиграфического изучения поселения Намазга-депе устанавливает дробную хронологическую колонку культурных сло-

ев памятника от Намазга I до Намазга VI, впоследствии ставшей основой в изучении других поселений культуры Анау (Куфтин, 1954). Он также проводит стационарные раскопки верхнего слоя поселения и на «Вышке» холма (Куфтин, 1956). В 1953, 1955—1957 гг. А. Ф. Ганялин осуществляет значительные раскопки на Намазга-депе как с целью изучения его стратиграфии, так и комплексов времени развитой бронзы. Им был раскопан участок к югу от «Вышки», где выявлены несколько самостоятельных комплексов и около 20 керамических печей для обжига посуды*. В эти же годы сотрудники ЮТАКЭ проводят раскопки нескольких поселений эпохи поздней бронзы на Мисрианской равнине (Массон, 1956а), а также древней дельты Мургаба (Массон, 1959).

С 1953 г. начинаются раскопки крупнейшего (вслед за Намазга-депе) памятника бронзового века Южного Туркменистана поселения Алтын-депе (Ганялин, 1959, 1967). Однако систематические и более масштабные раскопки этого поселения начались с 1964 г. Каракумской экспедицией ЛОИА АН СССР (Ленинградское отделение Института археологии) и ЮТАКЭ АН ТССР, руководимой В. М. Массоном. Основной задачей экспедиции на этом поселении является изучение верхнего слоя холма, целиком относящегося ко времени развитой бронзы Намазга V (Массон, 1967).

В последующие годы сотрудниками Каракумской экспедиции было изучено большинство памятников эпохи бронзы, в том числе и небольшие поселки типа Шор-депе, Тайчанак-депе, Теккем-депе и др. (Щетенко, 1970).

В результате этих работ накоплен огромный археологический материал, позволяющий на фактических данных охарактеризовать уровень материальной культуры древнего населения Южного Туркменистана в эпоху развитой и поздней бронзы.

Археологические комплексы эпохи развитой и поздней бронзы сейчас выявлены в целом ряде памятников. Комплекс типа Намазга V характеризуется наличием нерасписной посуды, исключительно изготовленной на гончарном круге. Лишь отдельные изделия этого времени, используемые в хозяйственных целях, вылеплены от руки. Как правило, черепок хорошо обожжен, глина без примеси. Основные цвета — зеленовато-белый, красновато-розовый, красный, реже кремовый и светло-желтый. Начало комплекса типа Намазга V определяется со времени исчезновения расписной посуды, бытовавшей в период ранней бронзы Намазга IV, а конец

* К сожалению, результаты его раскопок опубликованы неполностью. См.: М а с с о н И. С. Комплекс керамики из раскопа А I Намазга-депе. — В кн.: Материальная культура Туркменистана, вып. 2. Ашхабад, 1965.

характеризуется появлением серой и красноангобирванной посуды, относящейся к комплексу типа Намазга VI.

В Намазга-депе при общей мощности культурных напластований холма в 34 м слои Намазга V имеют толщину не больше 2,5 м. На поселении Улуг-депе работами последних лет слои Намазга V установлены в 3,5 м (Сарианиди, 1969), на Алтын-депе — 2,4 м (Массон, 1968), хотя на отдельных его участках они зафиксированы и до глубины 5 м (Массон, 1970).

Относительная хронология комплексов типа Намазга V в какой-то мере разработана сейчас лишь для Алтын-депе. Начальные фазы этого комплекса характеризуются наличием сосудов вытянутых пропорций, преимущественно биконических форм, а конец — появлением круглых керамических подставок и фрагментов серой керамики (Массон, 1970; Щетенко, 1969). Абсолютная хронология комплексов типа Намазга V также основана на данных Алтын-депе. Радиоуглеродный анализ и ряд синхронизмов с материалами развитой и поздней Хараппы в целом выдвигает дату 2100—1850 гг. до н. э. — для раннего Намазга V и 1850—1650 гг. до н. э. — для комплексов позднего Намазга V.

Комплекс типа Намазга VI, как уже отмечено выше, начинается с появления серой и красноангобирванной керамики, конец связан с появлением в этом комплексе расписной керамики культуры Яз I, изготовленной от руки. Слои комплекса Намазга VI в настоящее время выявлены на трех поселениях, расположенных в подгорной полосе Копетдага. На Намазга-депе они имеют 7 м, на Теккем-депе — 6, на поселении Улуг-депе — 1,5 м, что, несомненно, требует еще своего уточнения.

На поселениях Мургабского оазиса слои Намазга VI менее велики. Так, на Тахирбай-3 они составляют 2,5 м, а на Аучин-депе — 1,5 м. Судя по приведенным цифрам, время Намазга VI в подгорной полосе, видимо, занимало более длительный отрезок времени по сравнению со слоями предшествующего периода Намазга V.

Анализ древесных углей из различных поселений выдвигает следующие даты для комплексов типа Намазга VI. Для раннего Намазга VI (Улуг-депе 3280 ± 95 (1330 ± 95 гг. до н. э.)). Для позднего Намазга VI («Вышка» Намазга-депе) 1030 ± 60 гг. до н. э. (Романова, Семенцов, Тимофеев, 1972, стр. 59—60). Мургабские памятники времени Намазга VI ориентировочно датированы 1700—1100 или 1600—1000 гг. до н. э. (Массон, 1959).

Эпоха развитой бронзы отмечена яркой страницей в древней истории Туркменистана, когда культура населявших ее оседлоземледельческих племен становится своеобразным цеп-

тром культуры всей остальной части Средней Азии. Еще в предшествующие периоды развития местной культуры (историю которой — в неолитической культуре Джейтуна) проглядываются ощутимые перемены во многих областях экономики древних, совершая подлинно грандиозные скачки в отдельных видах хозяйства. Появляются крупные центры городского типа с населением в несколько тысяч человек, где сосредоточены важные виды источников древней экономики. Строятся крупные монументальные здания общественного пользования, на отдельных участках больших поселений формируются кварталы ремесленников, знати, других слоев населения.

Судя по всему, земледелие в это время становится основой древнего хозяйства. Появляются специализированные ремесла. В гончарном производстве полностью исчезают методы ручного изготовления посуды, а применяется гончарный круг, видимо, имевший к тому же достаточно современные конструкции. Строятся сложные двухъярусные керамические горны, позволяющие получать высококачественную посуду в большом количестве. Видимо, в отдельное ремесло в это время выделяется и искусство резьбы по камню. В целом, развитый уровень древних ремесел способствует превращению крупных поселений с большим числом людей в очаги обмена и торговли, а также в центры интенсивной деятельности ремесленников в профессиональном развитии. Характер всего этого с уверенностью позволяет говорить, что южно-туркменистанское общество в пору развитой бронзы по своему уровню находилось на пороге классового образования, что культура населявших его племен была аналогичной многим другим культурам, развивавшимся в ту пору на Древнем Востоке. Такие протогорода, как Алтын-депе и Намазга, несомненно, стояли в одном ряду с городскими цивилизациями древней Месопотамии и хараппской цивилизации долины Инда.

Однако археологические исследования памятников поздней бронзы показывают, что эта блестящая культура, в основу которой было заложено прогрессивное продвижение вперед, по неизвестным нам причинам неожиданно задерживается и постепенно приходит в заметный упадок. Крупные поселения, бывшие центрами земледельческих оазисов и очагами развитой культуры, приходят в полное запустение или жизнь на них наблюдается лишь на отдельных участках. Недалеко от крупных поселений появляются небольшие поселки. Наступивший упадок и кризис проявился не только в сокращении обжитых территорий, но и в уровне роста хозяйств, в том числе ремеслах, и в первую очередь, керамическом ремесле, качество и ассортимент которого стали значительно низкими.

Поселения и архитектура. Поселения эпохи развитой и поздней бронзы расположены в подгорной полосе Копет-дага, а также на территории древней Маргианы. Это холмы распылчатой формы, имеющие небольшую высоту и площадь. Однако есть и достаточно крупные памятники площадью в несколько десятков га и высотой более 20 м. По внешним признакам и площади выделяются три группы поселений этого времени. Это небольшие холмы площадью 2—5 га, холмы площадью до 10 га и крупные поселения с огромными площадями.

Первая группа поселений хорошо изучена в районе между ж.-д. ст. Артык и Баба-Дурмаз, где к концу ранней бронзы Намазга IV возник небольшой оазис в составе таких холмов, как Шор-депе, Тайчанак-депе, Коша-депе (Щетенко, 1968). На первом из этих поселений — Шор-депе архитектура вскрыта на уровне трех строительных горизонтов, мало отличающихся друг от друга. Выделяются самостоятельные комплексы из десяти и более комнат, ограниченных небольшими улочками или незастроенными участками, возможно, являвшимися дворами. Как хозяйственные, так и жилые помещения, обмазаны толстым слоем штукатурки. Под полами и стенами помещений встречены погребения без инвентаря. В третьем строительном горизонте расчищен горн двухъярусной конструкции (Щетенко, 1970).

Планировка Тайчанак-депе во многом сходна с архитектурой Шор-депе. Остатки жилищ здесь раскопаны в двух строительных горизонтах. Помещения образовали несколько самостоятельных комплексов из жилых и хозяйственных комнат. Одно из помещений второго строительного горизонта с толстыми стенами, покрытыми снаружи слоем белой штукатурки, возможно, является домашним святилищем (Щетенко, 1968). На Коша-депе в слоях стратиграфического шурфа, заложенного здесь в 1968 г., прослежены участки стен помещений на основе керамического материала, относящегося к эпохе бронзы (Масимов, 1968).

Поселения второй группы в архитектурном отношении менее изучены, чем первые. Сюда, видимо, следует отнести южный холм Анау и Улуг-депе. Последние раскопки на Улуг-депе показывают, что планировка этого памятника в основном состоит из жилых и хозяйственных помещений. Их архитектура во многом носит следы однообразия, включая приемы и методы строительства.

Крупные памятники Южного Туркменистана эпохи бронзы занимают особое место, которое мы относим к поселениям третьей группы. Это Алтын-депе и Намазга-депе. В архитектурном отношении каждое из них изучено неравномерно (верхние слои Намазга-депе большей частью заняты мусульманским

кладбищем). Лучше всего обстоит дело с первым из этих памятников. Многолетнее изучение Алтын-депе достаточно ярко рисует картину его заселения в период развитой бронзы. Выделяется несколько типов строений: монументальные здания, дома индивидуального назначения и многокомнатные дома. Первый тип представлен пока остатками древнего зиккурата в восточной части памятника (Массон, 1968). В истории его существования выявлены три периода. В первый период — небольшой холм со слоями времени Намазга IV, облицованный сверху сырцовыми кирпичами и превращенный в ступенчатое башнеобразное сооружение — зиккурат. По фасаду оно имеет длину 21 м и строго ориентировано по линии север — юг. В это время вторая ступень зиккурата с внешней стороны оформлена трехступенчатыми пилястрами. Декор фасада сохраняется и во второй период существования зиккурата. Это время расцвета комплекса, когда высота всего здания достигает примерно 12 м. В третий период комплекс приходит в постепенный упадок, разрушаются отдельные его участки, сопровождаемые мелким ремонтом. Судя по характеру найденной керамики, зиккурат функционировал непродолжительное время в основном в пору раннего Намазга V (Массон, 1969). Последующие годы за фасадом зиккурата на уровне первого и второго строительных горизонтов было раскопано жилое здание, условно названное «домом жреца», с примыкающими к нему хозяйственными постройками. В 1972 г. на уровне третьего строительного горизонта, соответствующего времени сооружения первого зиккурата, был раскопан погребальный храмовый комплекс, состоящий из пяти комнат, одна из которых служила святилищем. В нем было обнаружено большое количество находок, в том числе великолепные предметы из драгоценных камней и металлов, свидетельствующие о высоком мастерстве жителей в изготовлении произведений искусства (Массон, 1973).

Второй тип построек на Алтын-депе представлен домами индивидуального назначения. Однако особое место здесь занимает отдельно расположенный дом в восточной части холма и являющийся своего рода уникальным для эпохи бронзы (Массон, 1970). В отличие от других жилых домов Алтын-депе, все 6 помещений этого здания четко вписаны в прямоугольник размером 15×7,5 м. Помещения № 1—4 относились к числу жилых; они имели тщательную внутреннюю отделку, иногда оформлены стенными нишами. Два других помещения (№ 5—6), видимо, играли роль подсобных по отношению к жилым. По мнению В. М. Массона, дом принадлежал знатному семейству на Алтын-депе, возможно, племенному вождю (Массон, 1970).

Дома индивидуального назначения хорошо изучены на восточном склоне холма. Здесь, на протяжении нескольких лет, раскапывался целый жилой массив, показывающий четкую картину объединения нескольких помещений в замкнутые комплексы (Массон, 1969). Дома состояли из нескольких комнат жилого и хозяйственного назначения, что подтвердилось и наличием найденных там находок, их площадью и отделкой интерьера. В домах одно помещение, как правило, служило кухней (Кнышев, 1971).

Наконец, третий тип строений на Алтын-депе представляет собой многокомнатные дома, раскопанные в северной части холма, принадлежащие ремесленному кварталу гончаров (Масимов, 1970). Дома состояли из 10 и более комнат, имеющих жилое и хозяйственное назначение. Здесь же находились и помещения-хранилища с несколькими крупными сосудами для продуктов, установленными вдоль стен. В домах имелись и внутренние дворики, в которых сооружались специальные отсеки для кухни. В одном из многокомнатных домов отмечено наличие домашнего святилища (Масимов, 1973). В целом многокомнатные дома Алтын-депе выступают как самостоятельные жилищно-хозяйственные комплексы, плотно пристроенные друг к другу и ограниченные небольшими узкими улочками.

Многокомнатные дома вскрыты также на Намазга-депе*. Характер строений (раскоп А1) имеет близкие аналогии с домами квартала гончаров Алтын-депе. Вскрытые помещения (более 30) — прямоугольных и квадратных форм — составляют два самостоятельных комплекса, разделенных между собой узкой улочкой (рис. 1). Здесь же находились остатки нескольких гончарных горнов, сооруженных, видимо, после запустения помещений. В помещениях найдено большое количество керамического материала, в том числе несколько десятков целых сосудов, часть из которых находилась в хуме.

Следует отметить, что строительство многокомнатных домов в эпоху развитой бронзы, можно сказать, всецело продолжает архитектурные традиции эпохи энеолита. На поселении Кара-депе у Артыка и памятников Геоксюрского оазиса, относящихся к этому времени, застроенные участки холмов почти целиком состояли из многокомнатных домов, представляющих собой сплошные дома-массивы (Массон, 1961; Сарпаниди, 1961, 1962).

Строительство многокомнатных домов в Южном Туркменистане сохраняется и в период поздней бронзы. Во всяком случае в комплексах со слоями этого времени пока не раскопаны строения монументального характера или дома инди-

* Раскопки А. Ф. Ганялина.

видуального назначения. К памятникам поздней бронзы относятся южный холм Анау, Елькен-депе (Марущенко, 1959), «Вышка» Намазга-депе и Теккем-депе, расположенные в 2 км к югу от Намазга-депе. На «Вышке» Намазга-депе вскрыта площадь более 1000 м². В центре этого участка раскопан комплекс жилых и хозяйственных помещений, отделенных друг от друга широкими (до 2,5 м) улицами. Комплекс состоял из трех больших комнат, к которым примыкали небольшие строения, видимо, относящиеся к хозяйственным комнатам или дворам. Ближе к раскопу располагались гончарные горны двухъярусных конструкций (Хлопин, 1966).

На втором поселении этого времени — Теккем-депе вскрыта площадь около 2000 м². На южном склоне холма прослежено 4 строительных периода с остатками древних сооружений. В первом периоде раскопано 9 помещений, образующих единый массив. Стены комнат выложены из кирпича (50×25×10 см) в два ряда и обмазаны толстым слоем штукатурки. Постройки второго периода воздвигнуты непосредственно над остатками первого. Здесь раскопаны 4 помещения, аналогичные строениям первого периода. В третьем периоде раскопано 7 помещений и 4 горна, одно из которых имело прямоугольную форму (2×2,4 м) и две камеры — топочную и обжигательную. В горне сохранилась часть свода перекрытия топки и отверстия дымохода (Щетенко, 1971). На северной части поселения вскрыто около 30 помещений в двух строительных периодах. На поселении обнаружено большое количество археологического материала, в том числе керамического, датируемого временем поздней бронзы. В 1973 г. здесь было найдено несколько экземпляров каменных литейных форм*. Раньше литейные формы для изготовления булавок были встречены на «Вышке» Намазга-депе (Щетенко, 1972).

В отличие от памятников подгорной полосы, образовавшихся гораздо раньше, чем Намазга VI, поселения Мургабского оазиса возникают непосредственно в этот период. Здесь шесть поселений дают материалы, характерные комплексам типа Намазга VI поселений подгорной полосы, в связи с чем получили название мургабского варианта культуры Намазга VI (Массон, 1959). Наиболее ранним из них является Аучин-депе, почти квадратное в плане, высотой 1,6 м. Здесь раскопана керамическая печь вытянутой формы со стеной в топочной камере, делящей ее по длине на две части. На эту стену опирался под обжигательной камеры, позволяющий в целом отнести печь к двухъярусным. На поселении Тахирбай-3 вскрыта площадь 100 м², на которой четко выявлены два стратигра-

* Устное сообщение А. Я. Щетенко.

фических комплекса, в каждом из которых встречены остатки древних строений и печей в виде тамдыра и очагов (Массон, 1959). В других поселениях (Тахирбай-4, Якипер-депе) на поверхности встречены обломки медных изделий керамического шлака, много керамики, а также гончарные горны.

Орудие и оружие. В эпоху бронзы металлургия делает следующий шаг в своем развитии. Уже в комплексах ранней бронзы Намазга IV на поселениях в достаточном количестве встречены различные предметы, изготовленные из металла. Известны находки ложек-лячек для плавки руды (Хопуз-депе). Особенно прогрессивное развитие металлургия получает в период развитой и поздней бронзы. Разнообразный набор предметов, найденных в комплексах типа Намазга V и Намазга VI, лишний раз могут указать на важную роль и значение продуктов металлургии в ту пору. Для этого времени уже известны, собственно, бронзовые изделия, в качестве приплова которым служили свинец и олово (Сб. «Средняя Азия...», 1966). С южного холма Анау известна находка двулезвийного ножа, относящегося ко времени Намазга V, кинжалов, шильев из слоев Анау II и III (Кузьмина, 1966). Один экземпляр ножа найден на поселении Алтын-депе. Из сельскохозяйственных орудий следует отметить один экземпляр серпа, найденный на «Вышке» Намазга-депе. Еще один экземпляр серпа найден в том же южном холме Анау (Кузьмина, 1966). Следует отметить и находки многочисленных пробойников, наконечников стрел и других предметов, обнаруженных на поселениях бронзового века.

Несмотря на столь широкое использование изделий из металла, в быту все еще остаются каменные, костяные орудия, а также предметы из глины. Многочисленны в этом списке орудия, представленные из камня — зернотерки, песты, лощила, ступки, используемые для обработки продуктов земледелия. Некоторые песты и ступки, видимо, использованы и как рудодробилки с одним или двумя рабочими концами. На их поверхности видны многочисленные следы от ударов разной силы, поверхность кое-где имеет трещины, в которых сохранились кусочки металла. Зернотерки изготовлялись из песчаника, как правило, они имеют ладьевидную форму. Из камня изготовлялись также наконечники стрел, сырьем для которых служили кремень, халцедон, кварцит, кремнистый сланец. Функциональные исследования каменных наконечников стрел с поселения Алтын-депе показали, что большинство из них употреблялось вторично в качестве орудия для прокалывания сверл, проколов, разверток, пилок, вкладышей составных орудий, боковых скребков (Скакун, 1972).

По сравнению с орудиями из камня костяные орудия малочисленны. С Алтын-депе известна находка костяной проколки в одном из помещений квартала керамистов. Из глины делались прясла, бусы, возможно, и другие предметы, используемые в быту.

Следует отметить, что в эпоху развитой бронзы изготавливались не только металлические орудия, но и другие предметы, причисляемые к художественным изделиям. К этим следует отнести многочисленные находки печатей с изображением креста и животных, часто имеющих круглую или прямоугольную (крестообразную) форму. Как правило, эти изделия с обратной стороны имеют петельку для подвешивания. Известны находки и других предметов, как, например, металлических жезлов с навершием головы козла. Два экземпляра подобных жезлов с головками козлов были найдены на поселении Алтын-депе.

В эпоху поздней бронзы металлические орудия использовались, видимо, не меньше, чем в пору развитой бронзы. Об этом хотя бы могут свидетельствовать упоминавшиеся выше находки из Теккем-депе каменных литейных форм для отливки различных металлических предметов.

Керамика. В первобытную эпоху Южного Туркменистана наивысший расцвет керамического производства отмечается в период развитой бронзы. Еще в предшествующем этапе своего развития производство керамики в силу применения гончарного круга, а также использования сложных конструкций керамических печей для обжига посуды постепенно выделяется в специализированное ремесло. Этот процесс окончательно завершается в пору развитой бронзы, когда керамическое производство становится одной из ведущих отраслей древнего ремесла. Несомненно, достигнутому успеху прежде всего способствовало коренное изменение, происшедшее в технологии изготовления керамики. Лишь за небольшим исключением вся керамика этого времени формируется на круге, что свидетельствует о повсеместном его применении в производстве. Есть все основания полагать, что гончарный круг в ту пору имел достаточно совершенные конструкции с быстрым вращением.

Не случайно, в пору Намазга V в комплексах керамики преобладают сосуды открытых форм в виде усеченного конуса, вазы на высокой ножке, цилиндрические сосуды, представляющие собой продукцию высокого технологического качества. Вероятно, подобные изделия со сложной профилировкой формовались при быстром вращении круга, с длительным сохранением ровности вращения и с большим числом оборотов (Сайко, 1971).

Использование круга в производстве дало огромные возможности мастеру-гончару в повышении его творческих навыков. Кажется, что между отдельными мастерами идет настоящее соперничество в умении изобретать все новые и новые виды изделий, достойные самой высокой оценки. Яркое свидетельство тому и сами изделия периода развитой бронзы, которые по богатству ассортимента оставляют далеко позади продукцию гончаров предшествующих эпох.

Как правило, глина, используемая для выделки сосудов, тщательно и тонко отмучена и не имеет в составе растительной примеси. Обжиг изделий — самого высокого качества, полученный при высоких температурах. Эти факторы при отсутствии росписи на сосудах этого времени являются характерной особенностью керамики периода развитой бронзы Намазга V.

К сожалению, типологическая классификация керамики этого времени отсутствует, хотя попытки подобной классификации уже предпринимались исследователями в предшествующие годы (Литвинский, 1952; Массон, 1956) и предпринимаются ныне. Вместе с тем этот недостаток не позволяет достаточно конкретно выделить существующие формы изделий, что значительно снижает их ценность. В какой-то мере это связано и с отсутствием красочных рисунков на посуде, чутко реагирующих на происшедшие изменения. Этот существенный недостаток сейчас компенсируется изучением технологической стороны производства керамики периода развитой бронзы (Сайко, 1972).

Комплексы керамики типа Намазга V сейчас известны во многих поселениях, главным образом расположенных в подгорной полосе Копетдага. При этом по характеру продукции керамического производства этого времени выделяется два крупных центра: Алтын-депе на востоке и Намазга-депе в центральной части прикопетдагской равнины.

На первом из этих памятников, поселении Алтын-депе, на ранних фазах керамики времени развитой бронзы Намазга V преобладают изделия вытянутых пропорций, преимущественно биконические сосуды, причем эта особенность подтверждается как стратиграфическими данными, так и наличием в этом комплексе расписных сосудов типа позднего Намазга IV (Массон, 1970). Из числа изделий вытянутых пропорций на Алтын-депе были распространены так называемые «вазы для цветов», у которых высокие и вместе с тем узкие прямые горла, переходящие на покатистые плечики тулова сосудов, суживающиеся к нижней части. Нередко эти изделия имеют и островыступающие ребра по середине тулова, оканчивающегося плоским дном. На поселении в достаточном количестве представлены кувшины двух форм. Пер-

вая имеет шаровидное тулово с невысоким и узким горлом, заканчивающимся отогнутым наружу валиковидным в сечении венчиком. Вторая форма кувшинов имеет высокие широкие горла и вытянутые тулова. Как правило, у обоих видов донца плоские, но есть и поддоны, больше встречающиеся у кувшинов второго типа. В последующем на поселении в значительном количестве появляются чаши, горшки, миски, бокалы, кубки. В единичных экземплярах встречены «вазы для фруктов», «чайники», рюмковидные и стаканообразные сосуды, а также графины. В комплексах позднего Намазга V количество сосудов вытянутых форм резко сокращается, больше становится чаш и мисок, причем последние имеют значительные размеры; они, вероятно, использовались в хозяйственных целях. Много тагор, котлов, сковород. Тогда же появляются и круглые керамические подставки, нередко с прочерченным орнаментом.

По сравнению с Алтын-депе комплексы керамики типа Намазга V на поселении Намазга-депе еще мало изучены. Мусульманское кладбище, занимающее значительную его поверхность, не позволяет проводить широкие раскопки. Несмотря на это, даже незначительные работы, проведенные на этом огромном памятнике в предыдущие годы (раскопки А. Ф. Ганялина), дали значительный керамический материал, по составу и богатству не уступающий алтыновскому, возможно, в некоторых случаях и превосходящему.

Наиболее разнообразна в этом отношении посуда столового назначения. Из этого числа обращают на себя внимание сосуды на тонких ножках, напоминающие форму фужеров (рис. 2, 2—3). Возможно, они имели конусовидные ножки (рис. 2, 11—12) не менее изящной выделки и вазообразные сосуды на высоких профилированных ножках с конусовидным основанием, полым внутри (рис. 3, 1—2). Особенно изящны и стройны острореберные сосуды, также имеющие конусовидные ножки, иногда оформленные сливами (рис. 2, 1, 6—8). Отдельные экземпляры этих сосудов имеют зауженную нижнюю часть, переходящую в плоское дно, и в целом напоминающие такие же сосуды из Алтын-депе.

Многочисленными экземплярами на Намазга-депе представлены (целыми и обломками) сосуды, условно именуемые «чайниками» (рис. 3; 3, 4, 5, 6) на Алтын-депе они встречены в единичных экземплярах, причем в отличие от намазгинских, все без горловин. В достаточном количестве на этом поселении встречены также и цилиндрические сосуды, почти отсутствующие на Алтын-депе. Как правило, это высокие трубковидные изделия с плоским дном. Иногда корпус сосуда слегка суживается кверху (рис. 5, 1), есть случаи, когда верхняя часть стенки сосуда расширяется наружу (рис. 5, 2). Встре-

чаются цилиндрические сосуды и с прямой пропорцией, у которых венчик слегка отогнут с небольшим вырезом в наружной части (рис. 5, 3). Как правило, по тулову цилиндрических сосудов нанесены горизонтальные линии, доходящие числом до 10 и более, причем нанесенных в различных его участках. На Намазга-депе в большом количестве встречаются кувшины, которые имеют самые различные размеры: от миниатюрных (рис. 2, 14—21), до достаточно крупных образцов. (рис. 4). Кувшины имеют плоские донца и высокие расширяющиеся наружу горла с пристроенными венчиками. Встречаются кувшины и со сливом, у которых высокие расширяющиеся наружу горла и плоские донца (рис. 3, 8—9). Достаточно многочисленны на Намазга-депе и бокалы, чаши, миски, розетки (рис. 6). Последние характерны наличием двух-трех выступающих линий по наружной стороне стенок (рис. 6, 1—2).

Из хозяйственных сосудов можно отметить такие формы изделий, как тагора, хумча и хумы, в большей степени используемые для хранения продуктов или их транспортировки. К числу хозяйственных относятся также котлы, сковороды и ковши, от которых сохранились лишь обожженные глиняные штыри, являющиеся их ручками. Котлы и сковороды изготовлены из глины, имеющей в своем составе большую примесь крупного песка, кусочков кварца и других минералов. Это делалось для того, чтобы придать изделию огнеустойчивость и способность сохранять тепло длительное время. Интересно, что некоторые экземпляры котлов и сковородок формованы на кругу, черепок — не пористый, хотя с большим содержанием примеси. Список хозяйственных сосудов завершают несколько фрагментов крышек, представляющих собой плоские керамические диски с ручкой.

В комплексах керамики типа Намазга V есть и редкие формы изделий. К числу их относятся несколько образцов двойных и тройных сосудов, прикрепленных друг к другу. Редкими являются и несколько фрагментов художественной керамики, встреченной на Намазга-депе. Следует отметить и находки так называемых культовых сосудов — реликвариев, представляющих собой прямоугольную коробочку, стенки которой украшены снаружи (нередко сквозными) фигурами крестов, полукрестов и пирамидками. Целый экземпляр такого сосуда найден на Алтын-депе (Щетенко, 1970а).

Керамика поздней бронзы Намазга VI так же, как и посуда Намазга V, изготовлена на гончарном круге (за исключением кухонной керамики), однако такого богатства форм, как это было в предшествующий период, здесь не отмечено, хотя обжиг керамики производится в печах сложных устройств. При этом, судя по конструктивным особенностям последних, они ни в чем не уступают печам времени развитой

бронзы в целом, продолжая свое дальнейшее развитие. В это время в двухъярусных печах опорные столбы отсутствуют. Вместо этого в топке сооружаются специальные устои для поддержки перекрытия топки («Вышка» Намазга-депе), а также сводчатые перекрытия (Текем-депе, Улуг-депе). Посуда же сохраняет свои традиции лишь в отсутствии росписи, тогда как технология ее изготовления, видимо, претерпевает значительные изменения, что хорошо наблюдается по качеству сосудов, характерных утяжелением и огрубением.

В целом комплексы керамики типа Намазга VI могут быть разделены на два локальных варианта. Первый из них происходит с поселений подгорной полосы Копетдага, второй — с памятников древней Маргианы, где выделен т. н. мургабский вариант культуры Намазга VI.

В подгорной полосе в период поздней бронзы большое распространение получают сосуды с красным, кремовым, серым и светлым черепком, причем на ранних этапах этого комплекса черепки с красным цветом представлены в незначительном количестве. Поверхность сосудов большей частью красного и светлого тонов. Вместе с тем некоторые сосуды имеют лощение (серая и красноангобированная керамика). Наиболее характерные формы керамики этого времени повторяют пропорции сосудов развитой бронзы, хотя значительно уступают им в отделке. Так, вазообразные сосуды имеют толстые стенки, массивные конические ножки, редко с наличием профилированной втулки. Резервуар этих сосудов напоминает форму мисок с отогнутым наружу венчиком. Встречены чаши с загнутым вовнутрь венчиком, в целом приближающиеся по своим формам к мискам. В большом количестве керамические подставки конической формы и различные горшки. Некоторые сосуды последнего вида напоминают форму кубков. Хумчи, как правило, встречаются двух форм: шаровидные с выкружкой в придонной части и яйцевидные, с плоскими или слегка расширяющимися наружу донцами. Венчики хумчи отогнуты наружу и имеют валиковидный профиль в сечении. Почти близкую форму имеют и хумы, однако они значительны по своим размерам. Есть случаи, когда на сосудах встречаются нацарапанные орнаменты, чаще всего в виде вертикальных насечек. Кухонная посуда представлена крупными горшками и котлами, причем в последней группе как будто выделяются три различных типа (Хлопина, 1972). Вся кухонная посуда сделана вручную.

В комплексах керамики типа Намазга VI поселений Мургабского оазиса четко выделяются две хронологические группы. Ранний из них получен с поселения Аучин-депе, материалы которого сходны с комплексами керамики времени На-

мазга V. Характерно преобладание в этом комплексе черепка с розовым, красным, зеленовато-белым оттенкам, типичными для керамики Намазга V подгорной полосы. Аучиновские вазы почти повторяют форму таких сосудов из Янги-кала. Сходство отмечается и в других формах сосудов (Массон, 1959).

Керамика позднего периода происходит из поселения Тахирбай-3. Здесь распространены вазообразные сосуды; новыми являются кубковидные изделия с ребром посередине тулова. Правда, полностью исчезают бокаловидные сосуды. Хумча и круглые керамические подставки продолжают бытовать в этом комплексе как характерные образцы сосудов культуры Намазга VI как для мургабских, так и для центрально-копетдагских поселений (Массон, 1957). Серая керамика встречается довольно редко.

Украшения и мелкие поделки. Широкое использование металла в быту характерно для культуры развитой бронзы. Свидетельством тому могут быть многочисленные находки металлических предметов, нередко представляющих собой художественную ценность. Достаточно привести в пример многочисленные находки печатей. Здесь наряду с многократно повторяющимися рисунками креста встречены и экземпляры печатей с изображением животных, чаще всего козла. В одном случае на лицевую часть печати было нанесено рельефное изображение фантастического трехглавого зверя. Немало печатей встречено и из глины. С поселения Алтын-депе известны два экземпляра металлических жезлов с навершием головы козла, выполненных с большим мастерством. С этого же памятника происходят и другие металлические предметы, в том числе драгоценные металлы — золото, серебро. Известны находки золотых колец, сережек, перстней, золотых пластин, используемых как украшения. Каменные бусы нередко покрыты сверху слоем золота.

Развитая металлургия, гончарное ремесло, являвшиеся ведущими в ремесленном хозяйстве, видимо, способствовали росту и других отраслей.

Так, большой подъем наблюдается в ту пору и в искусстве обработки камня. Судя по находкам каменных предметов в это время, надо полагать, существовали какие-то инструменты для обработки камня. Каменные бусы, пуговицы, сосуды, имеющие сложные пропорции и симметричность форм, лишней раз говорят в пользу подобной гипотезы. Как правило, все изделия из камня гладко отшлифованы. Вместе с тем подобранные породы камня с прожилками придают многим изделиям, особенно сосудам, красивый наряд. Известны многочисленные находки бус из агата, халцедона, бирюзы, яшмы, оникса и горного хрусталя. Есть бусы из пасты и глины.

Скульптура, погребальный обряд, идеология. Мелкая терракота — одна из массовых находок эпохи бронзы. Она встречается не только в культурных слоях памятников, но и непосредственно на их поверхности. В основном это статуэтки людей и животных, иногда в целом, но чаще в фрагментарном виде. Статуэтки людей переданы в условно-плоскостном стиле и весьма далеки от реальной фигуры человека. Однако эта манера исполнения, отличающаяся от скульптуры предшествующих эпох, видимо, сильно укоренилась в сознании древних мастеров, вызванных развитием идеологии этого общества, в котором они сами находились. Терракота ранней бронзы Намазга IV еще в какой-то степени сохраняет традиции энеолита. Статуэтки в сидячей позе без рук и груди являются типичными для той поры. Иногда они украшены зигзагообразными линиями, нанесенными на бедра. Вместе с тем, это уже новое явление, заменяющее собой роспись на статуэтках, распространенных в предшествующее время. Подобные оформления становятся затем характерными для эпохи бронзы. Примерно параллельно с этим на статуэтках появляются налепные узоры и все более популярными становятся фигурки с высокой прической, налепными грудями и косами. Окончательно подобная манера исполнения терракотовых статуэток устанавливается в пору развитой бронзы и получает свое широкое распространение.

Скульптура эпохи развитой бронзы разделяется на три основные группы: женские статуэтки, мужские, а также антропоморфные и зооморфные фигурки людей и животных. Наиболее распространенными среди них является фигурка женщины, образ которой на протяжении тысячелетий являлся у древних народностей символом великой богини Земли, всеобщей прародительницы (Массон, 1959а). В скульптуре эпохи развитой бронзы женские статуэтки обычно переданы в сидячей позе и очень мало фигур, изображенных стоя. Как правило, все фигурки, изготовленные из хорошо отмученной глины без примеси, имеют хороший обжиг. Большинство статуэток тщательно отделано. Головы посажены на длинную шею, лица с двух сторон обрамлены налепными косами, извиляющимися в виде змей и доходящими до груди. Третья коса обычно наносилась сзади в виде налпа или простых черточек, расходящихся сверху вниз.

Большая часть женских скульптур имеет головные уборы, иногда высокие, иногда сравнительно низкие. Встречаются также и «короны», расширяющиеся вверх от верхней части лица. Кстати, лица всех женских фигурок однотипны. Трагтовка лица передана обычно без изображения рта, нос статуэток, как правило, горбатый, сделанный простым защипом, глаза налепные ромбической формы, с глубоким срезом по-

середине, иногда окрашенные черной краской. Изредка брови переданы прочерченной линией.

Длинная шея большинства фигурок имеет пропорциональные узоры иногда в горизонтальном направлении, иногда идущие вертикально, в целом имитирующие шейные украшения из ожерелий и подвесок. Статуэтки имеют узкую талию, переходящую к широким бедрам. Вместе с тем туловища женских скульптур обычно имеют разнообразные изображения и символы, связанные с каким-то представлением и магическим обрядом. Нижняя часть каждой статуэтки заканчивается острым концом, чаще всего загнутым вперед в виде треугольника, воспроизводящего сидячую позу. Треугольник, как правило, заполнен точками или мелкими насечками и в целом имитирует женский пол. Перечисленные признаки являются классическими для женских статуэток поры развитой бронзы. Правда, имеются незначительные отклонения в трактовке той или иной части тела фигурок, однако в целом все они придерживаются единой линии.

Мужские статуэтки встречаются сравнительно мало и в отличие от женских все они стоячие. Вместе с тем в исполнении мужских фигур сохранена традиционная манера изображения людей в плоском стиле. Вызывает интерес и то обстоятельство, что пояса у всех мужских статуэток наклепные, тогда как у женских они переданы прочерченной линией.

В настоящее время накопление большого материала по терракоте эпохи бронзы Южного Туркменистана позволило исследователям рассмотреть вопросы не только происхождения терракот этого времени, но и дать их подробную типологическую классификацию по отдельно выявленным иконографическим типам (Массон, Сариниди, 1973). Поэтому здесь нет необходимости подробно рассматривать эти вопросы еще раз. Остановимся лишь на частных аспектах в их исследовании.

Большинство ученых сходятся во мнении о культовом назначении терракот, связанных с праздниками или различными церемониальными обрядами или заклинаниями.

Судя по всему, это наиболее реальная трактовка их назначения. На это как будто бы указывают и всевозможные знаки-символы, нанесенные на тела древних скульптур. Среди них достаточно распространенным, видимо, был и культ, связанный с земледелием, поскольку многие женские терракоты имеют на себе знак растительности в виде деревца с расходящимися ветвями вверх.

Этот культ земледелия племенами развитой бронзы, видимо, был «передан» их предшественниками, которые богато расписывали свои сосуды рисунками деревьев. Эти же, продолжая традиции, в отсутствии росписи на посуде, наносили

их на статуэтках. Встречены и другие виды знаков-символов: треугольник с ресничками, восьмилучевая звезда и др. В последнее время к общему списку существующих знаков прибавлен еще один — квадрат, заканчивающийся в углах четырьмя треугольниками, встреченный на одной статуэтке из Алтын-депе. Интересно, что большая коллекция статуэток со знаками была найдена во многих поселениях эпохи бронзы. А на таком столичном поселении, как Намазга-депе, они почти отсутствуют. Вполне возможно, что это связано с какими-то локальными чертами в идеологических воззрениях, существовавших в ту пору у земледельцев Южного Туркменистана. Вообще же поклонение различным богам и прочим идолам в то время имело большое распространение. К примеру, в древнем Шумере в III тыс. до н. э. насчитывалось несколько сот богов. По словам С. Н. Крамера, это были особые божества отдельных каналов, полей, деревень, городов, хозяйств и даже некоторых орудий труда. Существовал также и культ личных богов, своего рода ангелохранителей каждого человека или отдельной семьи (Крамер, 1965). В материалах коллективных погребений Алтын-депе нередко встречены женские статуэтки, которые были положены туда во время захоронения членов одного рода. По их представлениям эти статуэтки, видимо, «охраняли» умерших сородичей в их загробной жизни. Несмотря на большое количество статуэток, найденных на этом поселении, формы культовых обрядов, распространенных на Алтын-депе, тем не менее пока остаются не вполне ясными.

На поселениях эпохи бронзы в большом количестве встречаются антропоморфные фигурки людей, широко представленные еще в предшествующее время. Большая их часть вылеплена весьма примитивно, что, скорее всего, имело место для одноактного использования.

В пору поздней бронзы терракотовые статуэтки распространены не столь широко, как в предшествующее время. Они сохраняют технику лепки времени развитой бронзы. Для этого времени известны находки статуэток с поселения Намазга-депе («Вышка») и могильника Янги-Кала близ Геок-Тепе.

Таким образом, как видно из указанного выше, в период развитой бронзы происходят большие изменения в общественном строе земледельческих племен Южного Туркменистана, которые получили свое яркое отражение в таком материале, как глиняная скульптура. Если в период ранней бронзы еще происходят какие-то поиски нового иконографического типа, то в развитую бронзу этот тип, можно сказать, был уже окончательно утвержден в виде статуэток, вылепленных в условно-плоскостной манере. Появление подобного типа скульптуры

в отличие от скульптуры эпохи энеолита свидетельствует о значительном усложнении идеологии и общественном сознании туркменистанских племен в эпоху бронзы.

Вместе с тем погребальный обряд в эту пору остается почти таким же, что и в эпоху энеолита. Здесь умерших, как правило, хоронили в пределах поселения. Последние материалы, полученные в результате раскопок ряда поселений, позволяют в настоящее время выдвинуть два типа захоронений: одиночные и коллективные. Первые, как правило, расположены в скорченном положении и имеют различную ориентацию. Известны одиночные погребения, найденные под полами помещений (Намазга-депе). На Алтын-депе раскопано захоронение с богатым инвентарем, условно названное «погребение жреца», где найдены две женские терракотовые статуэтки, два золотых и один бронзовый перстни, около 100 бусин из агата, сердолика, лазурита, гипса, а также печать в виде фантастического трехглавого животного (Массон, 1967а, стр. 330—331). Второй тип захоронения также известен по раскопкам этого поселения. Более того, здесь вскрыты целые семейные усыпальницы, характеризующие особый тип захоронений. Последние представляют собой квадратное или вытянутое в плане помещение, вписанное в общий комплекс отдельного дома или многокомнатного массива. В одном из таких мавзолеев было захоронено 14 человек, где находилось 20 сосудов, 86 бусин, бронзовый перстень, две бронзовые печати, кремневый наконечник стрелы, каменный сосуд и одна женская статуэтка (Массон, 1967). В другом подобном мавзолее было встречено 11 захороненных, которых сопровождали 28 сосудов, две женские статуэтки, три бронзовых кольца, одно серебряное кольцо, бронзовая печать и более 400 бусин из пасты, сердолика, агата, бирюзы, оникса и горного хрусталя (Массон, 1972). Подобные захоронения скорее всего свидетельствуют о существовании в ту пору больших семейных общин, которым, возможно, и принадлежали эти гробницы. Одиночные захоронения, вроде погребения жреца, лишней раз указывают на накопление богатства отдельными лицами, иначе не объяснить отсутствие в других одиночных захоронениях могильного инвентаря, в том числе и такого дешевого, как глиняная посуда.

Интересно, что коллективные погребения открыты лишь на восточных памятниках, тогда как на Намазга-депе они еще не найдены. На Алтын-депе известны захоронения детей в хумах; на Намазга-депе младенцы хоронились под стенами и порогами жилых домов.

В эпоху поздней бронзы одиночные захоронения сохранились почти во многих памятниках этого времени. Они разли-

чаются между собой лишь предметами сопровождающего инвентаря умерших. Вместе с тем для этого периода известны одиночные захоронения и с богатым инвентарем. В верхнем слое поселения Аучин-депе расчищено погребение, относящееся к последнему периоду обживания холма. Здесь, возле костяка, лежавшего в скорченном виде головой на северо-запад, находилось 14 керамических сосудов разных форм. Внутри одной хумчи найдена бусина, пряслице из белого камня и бронзовый браслет. Под черепом погребенного находились 51 бусина, восьмиконечная звезда-подвеска, круглая печать-подвеска из яшмы, с изображением с одной стороны змеи, а с другой — геометрического орнамента. Бусы были сделаны из различных пород драгоценных камней: сердолика, лазурита, бирюзы и гипса (Массон, 1959). Одиночное погребение с наличием в нем глиняных сосудов и украшений, в том числе металлических бус, известно с поселения Намазгадепе («Вышка»). В отличие от предшествующего времени на поселениях поздней бронзы пока не отмечены коллективные захоронения, однако известен могильник, располагавшийся вне поселения. Единственный такого рода могильник этого времени находится у селения Янги-Кала близ Геок-Тепе (Ганялин, 1956). Здесь 7 скелетов найдены в грунтовых ямах; они лежат на левом боку с подогнутыми ногами и имеют различную ориентацию. В могилах инвентарь сравнительно не богат — от 1 до 4 керамических сосудов. В одном из погребений найдены терракотовая статуэтка и 6 бронзовых украшений. В двух других могилах находились фрагменты женских терракотовых статуэток. В целом, здесь отмечено сходство в обряде погребений с захоронениями эпохи энеолита.

Исследование памятников эпохи бронзы в последние два десятилетия дали весьма богатый материал, анализ которых позволяет с достаточной уверенностью судить о степени развития местной земледельческой культуры, достигшей своего расцвета в конце III — начале II тыс. до н. э. Особенно большого развития в это время достигло земледелие, являвшееся основой древней экономики. Столь бурный рост этой первой отрасли хозяйства, по всей вероятности, был достигнут не на примитивном землепользовании, а на основе налаженной системы, которая обеспечивала продуктами питания население с гарантией на будущее. На поселениях этого времени найдены зерна пшеницы, ячменя и других культурных злаков, указывающие на состав агротехнических культур. Вероятно, зерно на полях убиралось металлическими серпами, на это указывают пока редкие находки этих орудий на поселениях.

Находки моделей повозок, у которых спереди прикреплялись головки животных, свидетельствуют о широком применении тягловой силы скота в обработке полей и последующей транспортировке полученного зерна в закрома.

Больших успехов в ту пору достигли и различные ремесла. В гончарном производстве на смену примитивным одноярусным горнам эпохи энеолита приходят сложные двухъярусные печи, позволяющие получать качественную продукцию. Гончары в это время достигли своего самого высокого мастерства. Они уже не работают как кустари-одиночки, а объединяются в обособленные группы, занимая специально отведенные для них участки на крупных поселениях, тем самым образуя ремесленные кварталы. Локализация отдельных групп населения в таких кварталах становится традиционной, где они трудятся сообща для выпуска одного вида продукции производства. Не менее высокого развития в это время достигают и металлургия, каменнорезное искусство, ткачество. Крупные поселения вроде Намазга-депе, Алтын-депе и Улуг-депе, достигшие в ту пору больших масштабов территории, уже мало способны поддерживать нормальную жизнь своих обитателей. Более того, в таких центрах строятся монументальные здания общественного назначения. Служители храмовых комплексов, вроде алтындепинского зиккурата, надо полагать, являлись своего рода органами власти в крупных поселениях, интересы которых, в первую очередь, сходились с интересами небольших князьков типа «дома вождя» или «дома жреца».

Уже сейчас на материалах погребений и планировки жилищ на Алтын-депе явственно выступают три социальные группы его жителей. Первые представляют собой верхушку общества, которые имеют крупные обособленные строения с четкой планировкой и обширным хозяйственным двором. К ним могут быть причислены упоминавшиеся выше «дом вождя» и «дом жреца». Вторая группа — это жители, владевшие индивидуальными домами из 4—6 комнат, однако не имеющие столь четкой планировки дома, но с наличием небольшого двора. И, наконец, третья группа представлена жителями многокомнатных домов, плотно пристроенных друг к другу и, как правило, располагавшихся на окраинах поселений. Подобное различие отмечается и в методах погребального обряда трех этих групп (Массон, 1972). В целом же можно заключить, что социальная структура Алтын-депе в ту пору выступает как сложная организация, по своему уровню приближавшаяся к структуре классовых обществ Древнего Востока. Вероятно, подобная картина в это время происходила и в другом крупном центре — Намазга-депе, однако, при отсутствии достаточного количества материала с этого памятника

судить о социальной структуре его жителей трудно.

В эпоху поздней бронзы культура оседлоземледельческих племен Южного Туркменистана выражена не столь ярко, как в предшествующий период, хотя в достаточной мере и продолжают традиции этой культуры. Правда, приходят в упадок крупные поселения, прежде являвшиеся значительными культурными центрами. Население занимает небольшие поселки и продолжает жить на отдельных участках больших поселений. Основные продукты земледелия остаются прежними, сохраняются также традиции строительства многокомнатных домов. Наряду с захоронениями своих сородичей непосредственно в пределах поселения, в это время появляются и отдельные могильники, что, несомненно, является новым. Вместе с тем следы явственного упадка проявляются и в сфере ремесла и, в первую очередь, в производстве керамической посуды. Отдельные угасающие традиции отмечаются и в корoplastике.

Едва ли все эти причины можно объяснить конкретными фактами, столь богато известными в истории тех или других народностей, в определенный период своего развития подвергшихся иноземному захвату или разбою. Поскольку материалы нам не дают подобных следов, эту причину, скорее всего, следует искать в возникшем определенном кризисе общества и в неспособности этого общества преодолеть этот внутренний кризис, который в принципе и предопределил его распад. Возможно, именно с подобным явлением связано и освоение новых земель в Мургабском оазисе (Массон, 1959).

Так или иначе, несмотря на значительный регресс в своем развитии, оседлоземледельческие племена Южной Туркмении в период поздней бронзы все же продолжают традиции своих предшественников, на что достаточно ярко указывают и археологические материалы.

Развитая культура южнотуркменистанских племен эпохи бронзы, конечно, не могла оставаться незамеченной их соседями. Более того, связи с культурой народов этой территории, оказали прогрессивное влияние на культуру других племен, занимавших обширную территорию с севера и востока от Туркменистана и находящихся на более низком уровне своего развития. Достаточно вспомнить двухъярусную гончарную печь, раскопанную на Заман-баба (Аскарлов, 1963), имеющую свои аналогии в южнотуркменистанских печах эпохи бронзы. Значительное сходство мы находим и в керамической посуде этого поселения. Однако наибольшие связи поселения Южной Туркмении в эпоху бронзы отмечены в южных районах, традиции которого здесь были заложены еще задолго до

этого. Существовавшие здесь связи чувствуются почти во всех видах археологических находок. Основные линии идут на территорию современного Ирана, Афганистана, Белуджистана и древнюю область Сенстан, являвшихся районами распространения так называемой «культуры расписной керамики». Эта культура включала в сферу своего влияния и территорию Южного Туркменистана с особой самостоятельной культурой и со своеобразной расписной керамикой (Массон, 1957).

Вместе с тем новые материалы свидетельствуют и о возможной инфильтрации во второй половине III — начале II тыс. до н. э. земледельческих племен Южного Туркменистана совместно с племенами Северо-Восточного Ирана в Афганистан и Белуджистан (Массон, Ромодин, 1964). Следы этого проникновения можно провести в многочисленных аналогиях материальной культуры указанных областей (Сарианиди, 1960). Подобное продвижение племен с территории Ирана в Южный Туркменистан мы наблюдаем и в эпоху бронзы, представленную комплексами типа Шах-тепе, Тюренг-тепе, Тепе-Гиссара. Типичная для этих районов керамика — серого цвета с лощением — встречена во многих памятниках юго-запада Туркмении, к тому же являющаяся здесь доминирующей. Керамика серого цвета мало встречается на поселениях центрального Копетдага и почти отсутствует в восточных памятниках. Помимо керамического материала значительные аналогии мы находим и в изделиях из металла, в том числе в украшениях, некоторых предметах искусствоведческого характера (Тепе-Гиссар). Достаточно четкие нити связи уходят с территории Туркменистана в древнюю Месопотамию. Вспомним алтындепинский многоступенчатый зиккурат, имеющий явные сходства с зиккуратами Двуречья, и в первую очередь, со знаменитым зиккуратом города Ура, построенного в XXII в. до н. э. Головка золотого быка с луноподобной лазуритовой вставкой во лбу, найденная в 1972 г. на Алтын-депе, почти повторяет подобную головку быка со знаменитой арфы, встреченной в могиле знатной шумерийки, раскопанной в том же Уре. Подобные сходства и аналогии с материальной культурой Южного Туркменистана можно найти и в Сенстане с центром в Шахри-Сохте и в культурах харапской цивилизации (Щетенко, 1970б).

Отмечавшийся застой и упадок блестящей культуры развитой бронзы в период Намазга VI затронул не только области Южной Туркмении, но и Ирана. Однако это не задержало значительные передвижения различных оседлоземледельческих племен во II тыс. до н. э. как вокруг самого Иранского нагорья, так и в прилегающих к нему областях. На это могут

указать и продолжающиеся связи Южного Туркменистана с позднехарраппскими и постхарраппскими культурами долины Инда.

ЛИТЕРАТУРА

Атагарриев Е., О. Бердыев. Археологическое изучение Туркменистана за годы Советской власти. СА, 1967, № 3.

Аскарров А. Поселение Заман-баба. КСИА, 1963, вып. 93.

Букнинич Д. Д. История первобытного орошаемого земледелия в Закаспийской области в связи с вопросом о происхождении земледелия и скотоводства. «Хлопковое дело», 1924, № 3—4.

Букнинич Д. Д. Некоторые данные об Анау и Намазга-тепе. «Туркменоведение», 1929, № 5.

Ганялин А. Ф. Погребение эпохи бронзы у селения Янги-Кала. ТЮТАКЭ, т. 7. Ашхабад, 1956.

Ганялин А. Ф. Алтын-депе. (По материалам работ 1953 г.). Труды ИИА и Э АН ТССР, т. 2. Ашхабад, 1959.

Ганялин А. Ф. Раскопки в 1959—1961 гг. на Алтын-депе. СА, 1967, № 4.

Ершов С. А. Археология в ТССР за 20 лет. ИАН ТССР, 1944, № 2—3.

Кнышев В. И. Раскопки жилых комплексов эпохи бронзы на Алтын-депе. КСИА, 1971, № 127.

Кузьмина Е. Е. Металлические изделия эпохи энеолита и бронзового века в Средней Азии. М., 1966.

Крамер С. Н. История начинается в Шумере. М., 1965.

Куфтин Б. А. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению «культуры Анау». ИАН ТССР, 1954, № 1.

Куфтин Б. А. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытнообщинных оседлоземледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. ТЮТАКЭ, т. 7. Ашхабад, 1956.

Литвинский Б. А. Намазга-депе. (По данным раскопок 1949—1950 гг.). СЭ, 1952, № 2.

Масимов И. С. Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в районе станции Баба-Дурмаз. В кн.: Каракумские древности, вып. 2. Ашхабад, 1968.

Масимов И. С. Раскопки ремесленного квартала эпохи бронзы на поселении Алтын-депе. В кн.: Каракумские древности, вып. 3. Ашхабад, 1970.

Масимов И. С. Раскопки святилища эпохи бронзы на Алтын-депе. СА, 1973, № 2.

Массон В. М. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина. ТЮТАКЭ, т. 7. Ашхабад, 1956.

Массон В. М. Памятники культуры архаического Дахистана в Юго-Западной Туркмении. ТЮТАКЭ, т. 7. 1956а.

Массон В. М. Древнеземледельческие племена Южного Туркменистана и их связи с Ираном и Индией. ВДИ, 1957, № 1.

Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргяны. МИА, 1959, № 73.

Массон В. М. О культе женского божества у анауских племен. КСИИМК, 1959а, вып. 73.

Массон В. М. Кара-депе у Артыка. ТЮТАКЭ, т. 10. Ашхабад, 1961.

Массон В. М., В. Ромодин. История Афганистана. Т. 1. М.—Л., 1964.

- Массон В. М. Протогородская цивилизация на юге Средней Азии. СА, 1967, № 3.
- Массон В. М. Протогородская культура Алтын-депе. АО 1966. М., 1967а.
- Массон В. М. Открытие монументальной архитектуры эпохи бронзы в Южном Туркменистане. СА, 1968, № 2.
- Массон В. М. Четвертый сезон раскопок на Алтын-депе. АО 1968. М., 1969.
- Массон В. М. Раскопки на Алтын-депе в 1969 году. ТЮТАКЭ, вып. 3. Ашхабад, 1970.
- Массон В. М. Изучение общественной структуры раннегородского поселения Алтын-депе. АО 1971. М., 1972.
- Массон В. М. Раскопки погребального храмового комплекса на Алтын-депе. АО 1972. М., 1973.
- Массон В. М., В. И. Сарнииди. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. М.—Л., 1973.
- Марущенко А. А. Анау. Историческая справка. В кн.: Архитектурные памятники Туркмении, вып. 1. М.—Ашхабад, 1939.
- Романова-Е. Н., А. А. Семенов, В. И. Тимофеев. Радиоуглеродные даты образцов из Средней Азии и Казахстана лаборатории ЛОИА АН СССР. В кн.: Успехи среднеазиатской археологии, вып. 2. Л., 1972.
- Сайко Э. В. К истории гончарного круга и развития форм керамики. Душанбе, «Ирфон», 1971.
- Сайко Э. В. Технологическая характеристика керамики развитой бронзы из Алтын-депе. В кн.: Каракумские древности, вып. 4. Ашхабад, 1972.
- Сарнииди В. И. К стратиграфии восточной группы памятников культуры Анау. СА, 1960, № 3.
- Сарнииди В. И. Энеолитическое поселение Геоксюр. ТЮТАКЭ, т. 10. Ашхабад, 1961.
- Сарнииди В. И. Некоторые вопросы древней архитектуры энеолитических поселений Геоксюрского оазиса. КСИА, 1962, вып. 91.
- Сарнииди В. И. Продолжение работ на Улуг-депе. АО 1968. М., 1969.
- Скакуи Н. Н. Функциональное исследование каменных наконечников стрел эпохи бронзы. В кн.: Каракумские древности, вып. 4. Ашхабад, 1972.
- Средняя Азия в эпоху камня и бронзы (сборник). М.—Л., «Наука», 1966.
- Хлопина Л. И. Кухонная керамика времени II—VI. (По материалам «Вышки» Намазга-депе). КСИИМК, 1972, вып. 132.
- Щетенко А. Я. Раскопки поселения эпохи бронзы Тайчанак-депе. В кн.: Каракумские древности, вып. 2. Ашхабад, 1968.
- Щетенко А. Я. Раскопки Тайчанак-депе и Намазга-депе. АО 1968. М., 1969.
- Щетенко А. Я. Раскопки мелких поселений эпохи бронзы. В кн.: Каракумские древности, вып. 3. Ашхабад, 1970.
- Щетенко А. Я. Работы Артыкского отряда Каракумской экспедиции. АО 1969. М., 1970а.
- Щетенко А. Я. О торговых путях эпохи бронзы по материалам туркменистан-хараппских параллелей. КСИА, вып. 1, 22, 1970б.
- Щетенко А. Я. Раскопки Намазга-депе и Теккем-депе. АО 1971. М., 1972.
- Pumpelly R. Explorations in Turkestan with an account of the basin of Eastern Persia and Seistan. Washington, 1905.
- Pumpelly R. Explorations in Turkestan. Expedition of 1904. Pre-historic civilization of Anau, v. I—II. Washington, 1908.

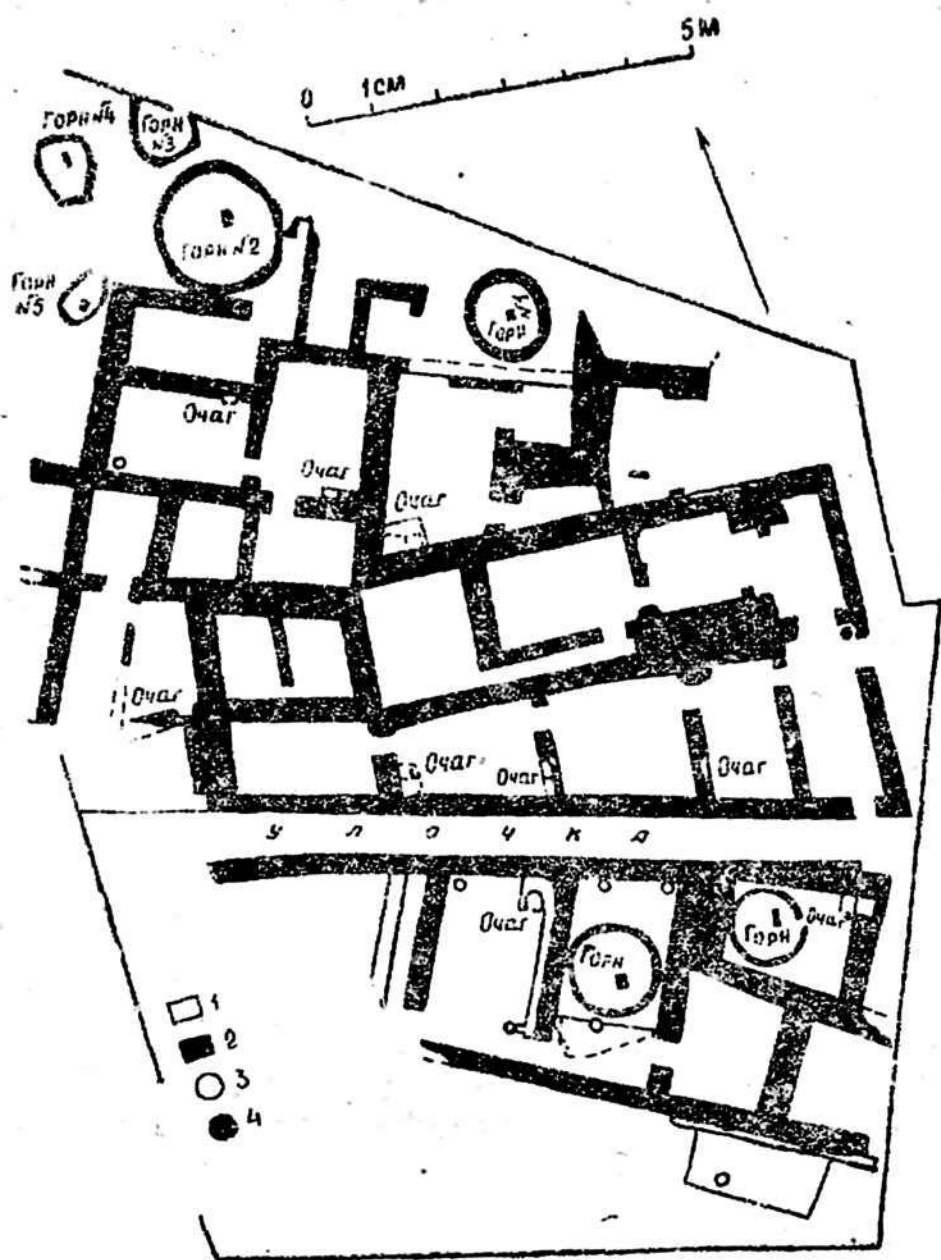

Рис. 1. Намазга-депе. План вскрытых строений на раскопе «А» 1:
 1 — стены здания на уровне 80—85 см; 2 — стены здания на уровне 105—110 см; 3 — хумы; 4 — подпятник.

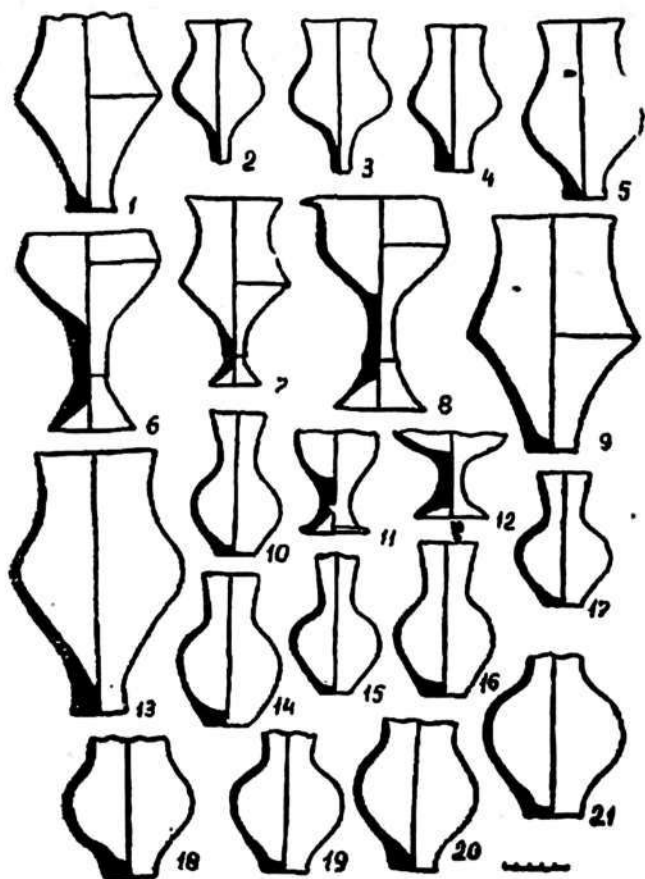

Рис. 2. Намазга-депе. Керамика Намазга V.

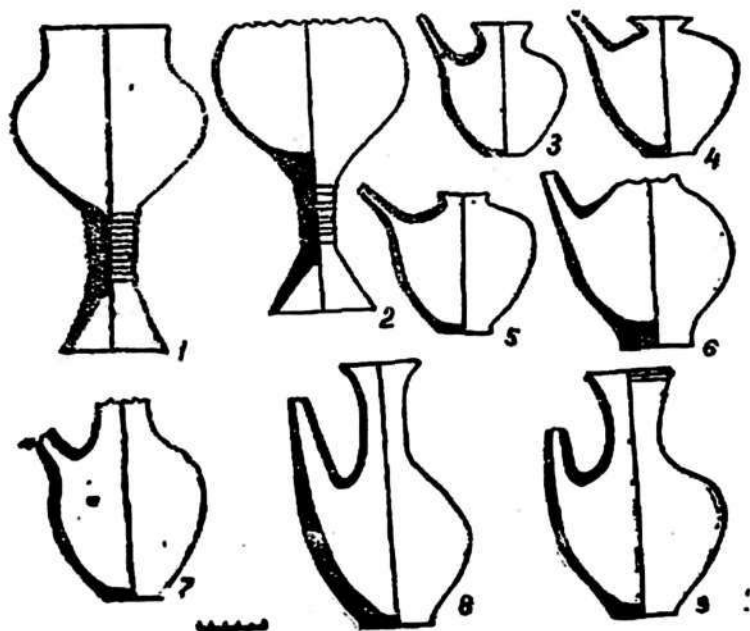

Рис. 3. Намазга-депе. Керамика Намазга V.

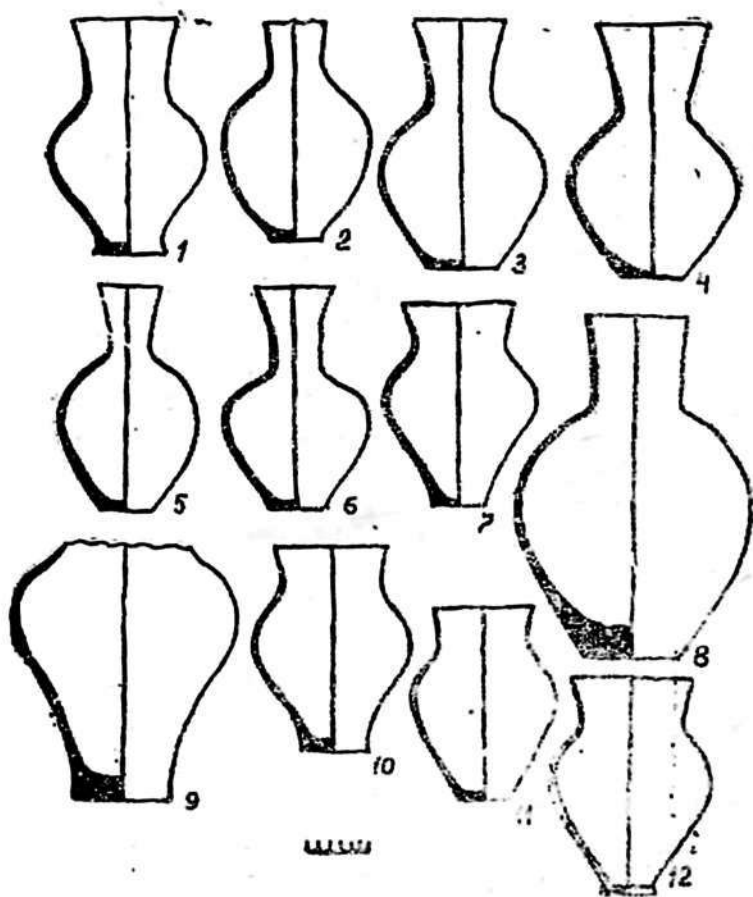
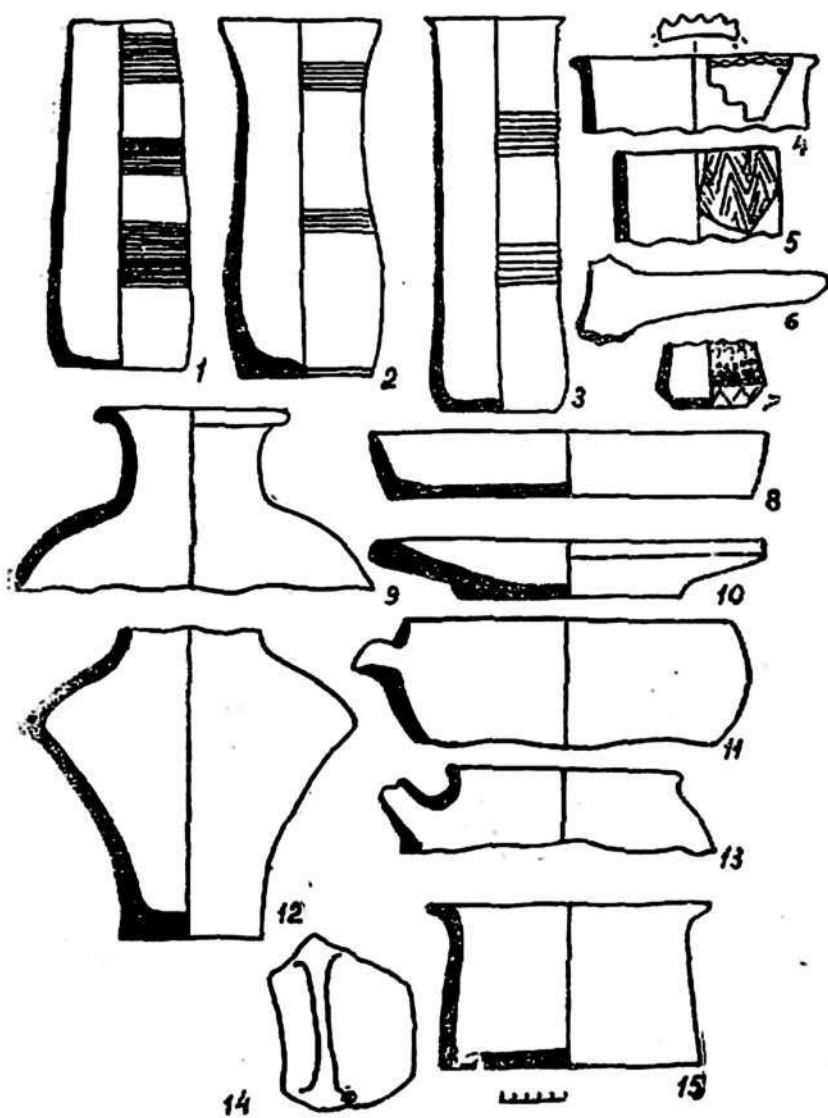

Рис. 4. Намазга-депе. Керамика Намазга V.

Р и с. 5. Намазга-депе. Керамика Намазга V.

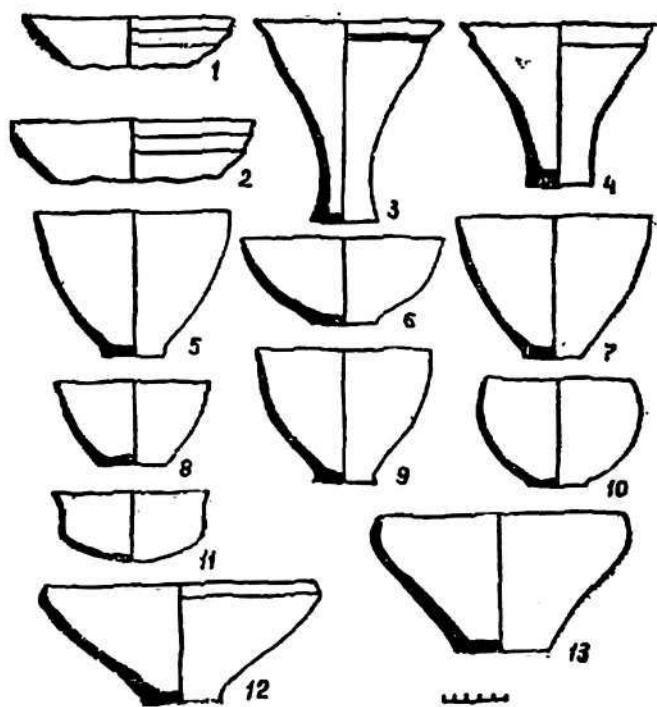

Рис. 6. Намазга-депе. Керамика Намазга V.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
- ИАН СОН — Известия Академии наук ТССР. Серия общественных наук.
- СА — Советская археология.
- СЭ — Советская этнография.
- АО — Археологические открытия.
- ЛОИА АН СССР — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
- ТЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции.
- ТИИАЭ — Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТССР.
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
- ВДИ — Вестник древней истории.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Г. Ф. Коробкова. Туркмения в эпоху мезолита	7
О. Бердыев. Материальная культура Туркменистана в период неолита и раннего энеолита.	14
В. И. Сариниди. Южный Туркменистан в эпоху бронзы.	82
В. М. Массон. Некоторые общие черты развития материальной культуры первобытного Туркменистана.	112
И. С. Масимов. Материальная культура Южной Туркмении в период развитой и поздней бронзы.	123
Список сокращений	153

ПЕРВОБЫТНЫЙ ТУРКМЕНИСТАН

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
АН Туркменской ССР

Редакторы издательства *М. Рыбина, Л. Дрямова*
Художественный редактор *В. Пудова*
Технический редактор *Т. Гаврилова*
Корректоры *Л. Дзестелова, А. Евсеенко*

Сдано в набор 27/II 1975 г. Подписано в печать
15/IV 1976 г. Формат 60×90^{1/16}. Физ. печ. л. 9,5.
Привед. печ. л. 9,5. Уч.-изд. л. 9,3. Заказ 406. Тираж 1700.
Цена 93 коп. Изд. № 479. №—01261.

Издательство «Ылым». Ашхабад, ул. Энгельса, 6.
Типография АН ТССР. Ашхабад-12, ул. Ростовская, 92а.

